

КАЗАНСКИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

2024, TOM 7, № 3

KAZAN LINGUISTIC JOURNAL

2024, volume 7, No. 3

КАЗАНСКИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Журнал основан в июне 2018 года

2024, том 7, № 3

Международный научный журнал

«Казанский лингвистический журнал» – международное научное рецензируемое издание открытого доступа, придерживающееся следующего принципа: свободный открытый доступ к результатам исследований способствует увеличению глобального обмена знаниями.

Публикуемые в журнале материалы прошли процедуру рецензирования и экспертного отбора. Научное содержание публикаций, наименования и содержание разделов соответствуют требованиям к рецензируемым научным изданиям Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации. К публикации в журнале принимаются наиболее значимые научные труды, соответствующие тематике, обладающие научной новизной и содержащие материалы собственных научных исследований автора по следующим группам научных специальностей:

5.8. Педагогика*

- 1) 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования
- 2) 5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)
- 3) 5.8.7. Методология и технология профессионального образования

5.9. Филология*

- 1) 5.9.1. Русская литература и литература народов Российской Федерации
- 2) 5.9.2. Литературы народов мира
- 3) 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (английский, китайский языки)
- 4) 5.9.8 Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Информация об издании

Казанский лингвистический журнал выходит с 2018 года с периодичностью 4 номера в год на *русском, татарском, английском, немецком, французском, турецком, китайском, испанском, итальянском* языках. Журнал приглашает к публикации авторов исследовательских и обзорных статей по проблемам русской и зарубежной лингвистики, литературоведения и педагогики. Формат журнала и принцип открытого доступа позволяют обеспечить широкий охват читательской и авторской аудитории.

Цель журнала заключается в ознакомлении российского и международного научного сообщества с результатами деятельности научных школ и самостоятельных исследователей в области языкоznания, литературоведения, теории и методики обучения, воспитания, профессионального образования.

Задачи журнала:

- публикация научных, обзорных и информационных статей, отражающих актуальные вопросы в заявленных областях;
- информирование об основных результатах научных работ, выполняемых в рамках приоритетных направлений исследований;
- публикация статей, посвященных разработке и реализации новых перспективных проектов;
- информирование об исследованиях молодых ученых и результатах их научной работы.

Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77 – 72979, дата регистрации: 06.06.2018.

Форма распространения: печатное СМИ (журнал)

Территория распространения: Российская Федерация, зарубежные страны

Журнал зарегистрирован в Национальном центре ISSN Российской Федерации, номер ISSN: ISSN 2658-3321 (Print).

Учредители: Сакаева Лилия Радиковна, Тахтарова Светлана Салаватовна, Хабибуллина Эльмира Камилевна.

Издатель: Автономная некоммерческая организация «Институт культурного наследия»

ИНН 1655080432: ОГРН 1041621009660

Адрес: 420111, Российская Федерация, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 10/15

Редакция: 420008, Российская Федерация, Республика Татарстан, г. Казань, ул. М. Межлаука, д. 3, каб. 117

Сайт: <http://kaz-linguo-journal.ru/>

Индекс 64986

Телефон: +7 (843) 221-34-79

ГК «Урал-Пресс»

E-mail:kaz-linguo-journal@mail.ru

Выходит 4 раза в год

Главный редактор

Тахтарова Светлана Салаватовна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и практики перевода, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Редакционная коллегия

Адельгейм Ирина Евгеньевна – доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института славяноведения Российской академии наук, г. Москва, Россия

Аврутинна Аполлинария Сергеевна – доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Беленцов Сергей Иванович – доктор педагогических наук, профессор, заместитель директора по учебно-методической работе, Курский государственный университет, г. Курск, Россия

Бокова Татьяна Николаевна – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры методики обучения английскому языку и деловой коммуникации, Московский городской педагогический университет, г. Москва, Россия

Бушканец Лия Ефимовна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков в сфере международных отношений, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Гревцева Гульсина Якуповна – доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики и психологии, Челябинский государственный институт культуры, г. Челябинск, Россия

Громова Нелли Владимировна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой африканистики ИСАА при МГУ, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Загидуллина Дания Фатиховна – доктор филологических наук, профессор, вице-президент, ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан», г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Закирзянов Альфат Магсумзянович – доктор филологических наук, доцент, заведующий отделом литературоведения, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Ионова Светлана Валентиновна – доктор филологических наук, профессор, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, профессор кафедры общего и русского языкоznания, г. Москва, Россия

Калимуллина Ольга Анатольевна – доктор педагогических наук, профессор, Казанская государственная консерватория им. Н.Г. Жиганова, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Корнеева Лариса Ивановна – доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой иностранных языков и перевода, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия

Крылов Вячеслав Николаевич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Миннүллин Ким Мугаллимович – доктор филологических наук, профессор, директор, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Митягина Вера Александровна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и практики перевода, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Морозкина Евгения Александровна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой лингводидактики и переводоведения, Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия

Мурясов Рахим Закиевич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры немецкой и французской филологии, Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия

Несмелова Ольга Олеговна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Пенская Елена Наумовна – доктор филологических наук, профессор, руководитель Школы филологических наук факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский институт «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия

Ратнер Фаина Лазаревна – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры теории и практики перевода, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Рябцева Надежда Константиновна – доктор филологических наук, профессор, заведующий сектором прикладного языкоznания, Институт языкоznания Российской академии наук, г. Москва, Россия

Сабирова Диана Рустамовна – доктор педагогических наук, доцент, декан Высшей школы иностранных языков и перевода, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Сакаева Лилия Радиковна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Сдобников Вадим Витальевич – доктор филологических наук, доцент, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, г. Нижний Новгород, Россия

Сторожук Александр Георгиевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой китайской филологии, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Тахтарова Светлана Салаватовна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и практики перевода, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Фаткуллина Флюза Габдуллиновна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской и сопоставительной филологии, Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия

Шамина Вера Борисовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Яроцкая Людмила Владимировна – доктор педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой психологии и педагогической антропологии института гуманитарных и прикладных наук, Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Россия

Яхин Фарит Закиевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом текстологии, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

KAZAN LINGUISTIC JOURNAL

The journal was founded in June 2018

2024, volume 7, No. 3

International scientific journal

“Kazan linguistic journal” is an international peer-reviewed open access journal that adheres to the following principle: free open access to research results increases the global exchange of knowledge.

The papers published in this journal have passed expert selection and peer review procedures. The scientific content of publications, the titles and content of sections correspond to the requirements for peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission under Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. The most significant scientific works corresponding to the subject and containing materials of the author's own scientific research in the following groups of scientific specialties are accepted for publication in the journal:

5.8. Pedagogy*

- 1) 5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education
- 2) 5.8.2. Theory and methodology of training and education (by areas and levels of education)
- 3) 5.8.7. Methodology and technology of vocational education

5.9. Philology*

- 1) 5.9.1. Russian literature and literature of the peoples of the Russian Federation
- 2) 5.9.2. Literature of the peoples of the world
- 3) 5.9.6. Languages of peoples of foreign countries (English, Chinese)
- 4) 5.9.8 Theoretical, applied and comparative linguistics

Information about the journal

Kazan linguistic journal has been published since 2018 with a frequency of 4 issues per year. The works can be submitted in 9 languages: Russian, Tatar, English, German, French, Spanish, Italian, Chinese, Turkish. The journal invites doctors and candidates of sciences, university professors, doctoral students, graduate students, undergraduates, as well as everyone who is interested in the issues under consideration to take part in the discussion on the proposed heading and publish for free. The format of the journal and the principle of open access allows providing the widest coverage of the readers and authors' audience.

The editorial board of “Kazan linguistic journal” sees **the main goal** of its activity as promotion and dissemination of information about the most significant research achievements and innovative solutions in the field of philology and linguistics, as well as facilitating the exchange of professional experience in the Russian and international community.

Achieving this goal is carried out by solving the following **tasks**:

- creation of an open discussion platform to support the exchange of views and dissemination of information in the scientific community;
- constant expansion of the range of authors in geographical (overcoming the localization of the publication process) and research plan (increasing the range of issues under consideration);
- promotion of interdisciplinary relationships and an integrated approach to the phenomena under study;
- ensuring compliance of the journal with international requirements for scientific periodicals, as well as careful and objective selection of manuscripts for publication.

The number of the certificate media: ПИ № FS 77 – 72979, registration date: 06.06. 2018

The shape of the distribution: print media (magazine)

Territory of distribution: Russian Federation, foreign countries.

Registered in the Russian Federation ISSN National Agency, ISSN registration number: ISSN: ISSN 2658-3321 (Print).

Founders: Sakaeva Liliya Radikovna, Takhtarova Svetlana Salavatovna, Khabibullina Elmira Kamilevna.

Publisher: Autonomous non-profit organization "Institute of cultural heritage": INN 1655080432: OGRN 1041621009660

Address: 10/15, Kremlin str., Kazan, Republic of Tatarstan, Russia, 420111

Editorial office: room 117, 3 M. Mezhlauk str., Kazan, Republic of Tatarstan, Russia, 420008

Website: <http://kaz-linguo-journal.ru/>

Index 64986

Phone: +7 (843) 221-34-79

“Ural-Press”

E-mail: kaz-linguo-journal@mail.ru

Published 4 times a year

Head editor

Takhtarova Svetlana Salavatovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the department of theory and practice of translation, Kazan (Volga region) Federal University, (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Editorial Board

Adelgeym Irina Evgenevna – Doctor of Philology, Professor, Lead Reasecher, Institute of Slavic studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Avrutina Apollinaria Sergeevna – Doctor of Philology, Professor, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

Belentsov Sergey Ivanovich – Doctor of Pedagogics, Professor, Deputy director for education, Kursk State University (Kursk, Russia)

Bokova Tatyana Nikolaevna – Doctor of Pedagogics, Professor, Professor of the department of English studies and crosscultural communication, Moscow City University (Moscow, Russia)

Bushkanets Liya Efimovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the department of foreign languages in international relations, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Grevtseva Gulsina Yakupovna – Doctor of Pedagogics, Professor of the department of pedagogy and psychology, Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts (Chelyabinsk, Russia)

Gromova Nelli Vladimirovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the department of African studies of Institute of Asian and African studies, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Zagidullina Daniya Fatikhovna – Doctor of Philology, Professor, Vice President, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Zakiryanov Alfat Magsumyanovich – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Literary Studies, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Ionova Svetlana Valentinovna – Doctor of Philology, Professor, State Institute of the Russian Language. A.S. Pushkina, Professor of the Department of General and Russian Linguistics (Moscow, Russia)

Kalimullina Olga Anatolevna – Doctor of Pedagogics, Professor, N.G. Zhiganov Kazan State Conservatory (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Korneeva Larisa Ivanovna – Doctor of Pedagogics, Professor, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia)

Krylov Viacheslav Nikolaevich – Doctor of Philology, Professor, Professor of the department of Russian and world literature, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Minnullin Kim Mugallimovich – Doctor of Philology, Professor, Director, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Mityagina Vera Alexandrovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the department of Translation Theory and Practice, Volgograd State University (Volgograd, Russia)

Morozkina Evgenia Aleksandrovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the department of linguodidactics and translation studies, Ufa University of Science and Technology (Ufa, Russia)

Muryasov Rakhim Zakievich – Doctor of Philology, Professor, Head of the department of German and French philology, Ufa University of Science and Technology (Ufa, Russia)

Nesmelova Olga Olegovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the department of Russian and world literature, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Penskaya Elena Naumovna – Doctor of Philology, Professor, Academic Supervisor of Faculty of Humanities, Higher School of Economics National Research University (Moscow, Russia)

Ratner Faina Lazarevna – Doctor of Pedagogics, Professor, Professor of the department of Theory and Practice of Translation, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Riabtseva Nadezhda Konstantinovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the sector of Applied linguistics, Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Sabirova Diana Rustamovna – Doctor of Pedagogics, Associate Professor, Dean of the Higher school of foreign languages and translation, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Sakaeva Liliya Radikovna – Doctor of Philology, Professor, Professor of the department of foreign languages, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Sdobnikov Vadim Vitalievich – Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the Department of the English language and translation theory and practice, Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N.A. Dobrolyubov (Nizhny Novgorod, Russia)

Storozhuk Aleksandr Georgievich – Doctor of Philology, Professor, Head of the department of Chinese Philology, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

Takhtarova Svetlana Salavatovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Kazan (Volga region) Federal University, Head of the department of theory and practice of translation (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Fatkullina Fluza Gabdullinovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the department of Russian and comparative philology, Ufa University of Science and Technology (Ufa, Russia)

Shamina Vera Borisovna – Doctor of Philology, Professor, Professor of the department of Russian and world literature, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Yakhin Farit Zakizyanovich – Doctor of Philology, Professor, G. Ibragimov Institute of language, literature and art of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Yarotskaya Ludmila Vladimirovna – Doctor of Pedagogics, Associate Professor, Head of the Department of Psychology and Pedagogical Anthropology, Institute of Humanities and Applied Sciences, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

• Педагогика. Методология и технология профессионального образования	
Панасенков Н.А., Лузганова А.А. Опыт применения платформы “Knowt” в процессе обучения профессионально-ориентированному иностранному языку на основе кейсовой методики	279
• Филология. Литературы народов мира	
Зейферт Е.И., Проклов Р.И. Первый перевод бразильской поэзии в России: Пушкин и Гонзага	289
Милюков М.Н. «Любовник леди Чаттерлей»: символический образ цветка в контексте философско-эстетической концепции Д. Лоуренса	300
• Филология. Языки народов зарубежных стран	
Чэнь Ясин. Неологизмы в китайском интернет-дискурсе	312
• Филология. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика	
Айметдинов А.Р. Грамматикализация глагольного времени и вида в разноструктурных языках	323
Бобырева Н.Н. Междисциплинарный спортивный дискурс: специфика лексической организации	335
Иванова Ю.М., Бойченко Н.В. Игровой потенциал прецедентных высказываний (результаты опроса респондентов)	345
Красавский Н.А. Концептосфера эмоций повести Германа Гессе «Последнее лето Клингзора»	355
Новикова Э.Ю. Сказка Б. Гримм как объект перевода: вариативность, прагматика, адаптация	366
Сунь Фуцин, Ли Мяо. Сопоставительное исследование базовых цветообозначений в когнитивно-семантическом аспекте в русских и китайских языках	383
Фаткуллина Ф.Г. О категориальном значении имени существительного	394
Iusupova L., Kuzmina O. Übersetzung von <i>Realia</i> aus englischen und deutschen Medientexten ins Russische	405

CONTENT

- **Pedagogy. Methodology and technology of vocational education**

Panasenkov N.A., Luzganova A.A. “Knowt” Internet Platform Implementation to the Profession-oriented Foreign Language Training Course Based on Case-study Method 279

- **Philological studies. Literature of the peoples of the world**

Seifert E.I., Proklov R.I. First Translation of Brazilian Poetry in Russia: 289

Pushkin&Gonzaga

Milyukov M.N. “Lady Chatterley’s Lover”: The Symbolic Image of Flower in the Context of D. Lawrence’s Philosophical and Aesthetic Concept 300

- **Philology. Languages of peoples of foreign countries**

Chen Yaxing. Neologisms in Chinese Internet Discourse 312

- **Philological studies. Theoretical, applied and comparative linguistics**

Aymetdinov A.R. The Grammaticalization of Verb Tense and Aspect in Languages with Different Structures 323

Bobyreva N.N. Interdisciplinary Sports Discourse: Specifics of Lexical Organization 335

Ivanova Yu. M., Boychenko N.V. Potential Playfulness of Precedent Utterances (Survey Results) 345

Krasavsky N.A. The Conceptual Sphere of Emotions in Hermann Hesse’s Novel “The Last Summer of Klingsor” 355

Novikova E.Yu. The Brothers Grimm Fairy Tale as an Object of Translation: Variability, Pragmatics, Adaptation 366

Sun Fuqing, Li Miao. Comparison Study of Color Words on the Cognitive and Semantical Aspects in Russian and Chinese 383

Fatkullina F.G. On the Categorical Meaning of the Noun 394

Iusupova L., Kuzmina O. Translation of Realia Words in English and German Media Texts into Russian 405

**ПЕДАГОГИКА. МЕТОДОЛОГИЯ И ТЕХНОЛОГИЯ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
PEDAGOGY. METHODOLOGY AND TECHNOLOGY OF
VOCATIONAL EDUCATION**

Научная статья
УДК 372.881.111.1

Педагогические науки
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.3.279-288>

**ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ ПЛАТФОРМЫ “KNOWT” В ПРОЦЕССЕ
ОБУЧЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОМУ
ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ НА ОСНОВЕ КЕЙСОВОЙ МЕТОДИКИ**

Н.А. Панасенков¹, А.А. Лузганова²

Уральский федеральный университет имени первого Президента России

Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

¹n.a.panasenkov@urfu.ru; <https://orcid/0009-0000-9764-9567>

²luzganova.aa@mail.ru; <https://orcid/0000-0002-4169-6564>

Аннотация. Статья посвящена описанию опыта применения интернет-платформы “Knowt” в процессе реализации курса профессионально-ориентированного английского языка, основанного на кейсовой методике. В современных условиях цифровой трансформации образования использование информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) становится важнейшей составляющей любого реализуемого курса, в том числе и в области изучения иностранных языков. Применение таких технологий способствует повышению эффективности образовательного процесса, а также позволяет адаптировать обучение к индивидуальным потребностям и особенностям студентов. Анализ ряда изданий научно-методической литературы показал, что ИКТ имеют значительные преимущества, такие как возможность интерактивного взаимодействия, доступ к разнообразным образовательным ресурсам, а также возможность мониторинга и оценки учебных достижений в реальном времени. В статье подробно описаны функциональные возможности интернет-платформы “Knowt”, выявлены преимущества, а также ограничения и возможные трудности, которые могут возникнуть при ее использовании в рамках реализации курса профессионально-ориентированного иностранного языка. На основе эмпирических данных, полученных в ходе проведения курса, сделан вывод о высокой эффективности платформы “Knowt” в решении таких методических задач, как организация эффективной внеаудиторной работы студентов, развитие их языковой и предметной компетенций через анализ профессионально-ориентированных текстов, а также поддержание высокой мотивации к изучению иностранного языка. Авторы отмечают, что применение платформы способствует созданию более гибкой и адаптивной образовательной среды, что особенно важно в условиях дистанционного и смешанного обучения.

Ключевые слова: интернет-платформа “Knowt”; кейсовый метод; предметная компетенция; организация внеаудиторной работы; профессионально-ориентированный иностранный язык; информационно-коммуникационные технологии

Для цитирования: Панасенков Н.А., Лузганова А.А. Опыт применения платформы “Knowt” в процессе обучения профессиональнно-ориентированному иностранному языку на основе кейсовой методики. *Казанский лингвистический журнал*. 2024;7(3): 279–288. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.3.279-288>

“KNOWT” INTERNET PLATFORM IMPLEMENTATION TO THE PROFESSION-ORIENTED FOREIGN LANGUAGE TRAINING COURSE BASED ON CASE-STUDY METHOD

N.A. Panasenkov¹, A. A. Luzganova²

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russia

¹n.a.panasenkov@urfu.ru; <https://orcid/0009-0000-9764-9567>

²luzganova.aa@mail.ru; <https://orcid/0000-0002-4169-6564>

Abstract. The article describes the experience of using the “Knowt” online platform in the process of implementing a profession-oriented English course based on the case study method. In the context of the ongoing digital transformation of education, the use of information and communication technologies (ICT) has become crucial in any course, including those of foreign language learning. The use of such technologies enhances the effectiveness of the educational process, and also allows you to adapt training to the individual needs and characteristics of students. Analysis of several scientific and methodological publications has shown that ICT have significant advantages, such as the possibility of interactive interaction, access to a variety of educational resources, and the ability to monitor and assess academic achievements in real time. The article provides a detailed description of the functional capabilities of the “Knowt” platform, highlighting its advantages as well as the limitations and potential challenges that may arise when using it in the context of a profession-oriented foreign language course. Based on empirical data obtained during the course implementation, the article concludes that the “Knowt” platform is highly effective in addressing such methodological problems as organizing effective extracurricular work of students, developing their linguistic and subject-specific competencies through the analysis of profession-oriented texts, as well as maintaining high motivation for learning a foreign language. The authors note that the platform contributes to the creation of a more flexible and adaptive educational environment, which is especially important in the context of distance and blended learning.

Keywords: “Knowt” online platform; case method; subject-specific competence; organization of extracurricular work; profession-oriented foreign language; information and communication technologies

For citation: Panasenkov N.A., Luzganova A.A. “Knowt” Internet Platform Implementation to the Profession-oriented Foreign Language Training Course Based on Case-study Method. *Kazan Linguistic Journal.* 2024;7(3): 279–288. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.3.279-288>

Процессы стремительной компьютеризации и информатизации всех сфер жизни общества закономерно привели к перестройке системы образования и переводу ее на «цифровые рельсы». Современные технологии не только способствуют формированию единого сетевого пространства и мгновенному распространению информации, но и обладают огромным потенциалом для учебно-

го процесса, предлагая новые педагогические подходы и гибкую систему оценивания и взаимодействия преподавателя со студентами [1; 2].

Так, пандемия коронавирусной инфекции и последующий переход на дистанционный формат обучения весной 2020 года заставили преподавателей российских вузов углублять свои знания в области информационно-коммуникационных средств и технологий. При этом, по словам исследователя Н. Л. Байдиковой, «электронные средства становятся императивом в современной педагогике, и не требуется доказывать необходимость их использования при обучении любому предмету на всех ступенях или уровнях образования. В настоящее время количество обучающих онлайн инструментов увеличивается огромными темпами, и перед педагогами стоит другая задача: обоснование целесообразности, эффективности и пределов применения информационно-коммуникационных технологий в образовательном процессе» [3, с. 6].

Отечественные исследователи [4; 5; 6; 7; 8; 9], изучающие использование современных информационно-коммуникационных средств на занятиях по иностранному языку, концентрируются в основном на технической стороне вопроса: анализ характеристик и функциональных особенностей приложений, разработка решений конкретных дидактических задач и конструктора уроков. В этой связи обретает большую значимость описание опыта применения интерактивных платформ и приложений в процессе обучения иностранным языкам, прежде всего, для формирования предметной и языковой компетенций.

Ряд ученых (М. В. Архипова, О. Р. Жерновая, Н. В. Шутова) выделяют несколько преимуществ использования современных информационных ресурсов, в том числе:

- возможность выстроить индивидуальную образовательную траекторию: преподаватель самостоятельно подберет дидактический материал с учетом возрастных, психологических и иных особенностей студентов;
- возможность самостоятельного контроля результатов деятельности студентом;

- упрощение системы контроля для преподавателя: при использовании ИКТ-платформ данный процесс полностью автоматизирован;
- электронные материалы предполагают многократное использование, что позволит студенту вернуться к определенному заданию и выполнить его заново или повторить уже изученный материал [10, с. 4].

Одним из таких ресурсов является приложение Knowt. Среди уникальных особенностей данного приложения – возможность создания тестовых заданий и викторин на основе загружаемого текста.

Сервис Knowt был запущен в 2016 году группой американских школьников-энтузиастов, собравших первоначальные денежные средства на развитие проекта с помощью краудфандинговой платформы Kickstarter [11]. Изначально была разработана лишь версия приложения на базе операционной системы Android с простым интерфейсом и алгоритмом, который в автоматическом режиме генерировал полезные вопросы. Позднее разработчики заявили о создании приложения на базе iOS и веб-версии, доступной с персональных компьютеров.

Алгоритм, включающий в себя продвинутые методы машинного обучения, постоянно обновляется и развивается, что позволяет сервису Knowt создавать более осмысленные и подробные вопросы для викторин. Чем больший объем текста загружается в систему, тем большее количество тестовых заданий для викторины будет автоматически сгенерировано искусственным интеллектом. У пользователя есть возможность самостоятельно выбрать один или несколько типов генерируемых заданий: «Множественный выбор», «Верно/неверно», «Восполнение пропущенной информации», «Выбор соответствий», «Ранжирование» и «Объяснение/открытый вопрос», каждый из которых имеет множество вариантов ответа. Однако зачастую такие вопросы нуждаются в доработке или уточнении, поэтому разработчики предусмотрели возможность внесения пользовательских правок с помощью специального редактора.

Приложение разработано, по словам команды веб-дизайнеров, таким образом, чтобы задействовать все дополнительное пространство, которое дает

большой экран смартфона или персонального компьютера. Интерфейс выполнен полностью на английском языке, однако это не мешает полноценной работе в системе благодаря автоматическому переводу Google в браузере (при использовании веб-версии) и интуитивно понятным пиктограммам (например, «шестеренка» – настройки, «три вертикальные точки» – дополнительные опции и тд.).

Среди других особенностей приложения можно выделить следующие:

- создание класса. Данная функция позволяет объединить несколько студентов в одну большую или мини-группу и добавлять тексты определенной тематики, из которых позднее искусственный интеллект сгенерирует тестовые задания или карточки с важной информацией для заучивания;
- кросс-платформенность. При создании учетной записи в Knowt все документы пользователя синхронизируются между различными устройствами. Так, можно отредактировать текст на персональном компьютере, а после переключиться на мобильное устройство для прохождения тестов;
- импорт документов. Сервис Knowt поддерживает синхронизацию с Google Диском. Это дает возможность мгновенно импортировать документы, сохраненные на диске, в Knowt и проходить контрольные тесты по заданной теме;
- сканирование рукописных заметок. С помощью функции Knowt's Scanner пользователи могут загружать изображения рукописных заметок, которые будут автоматически преобразованы в редактируемый текст.

Таким образом, данный сервис позволяет:

- автоматически генерировать тестовые задания и викторины на основе выбранных текстов и использовать их для самопроверки;
- создавать классы и делиться подготовленными заданиями со студентами, получать обратную связь и анализировать результаты;
- загружать необходимые документы из почты и других доступных сервисов, используя доступные устройства (мобильный телефон, персональный компьютер, планшет);

- создавать интерактивные документы с гипертекстовыми ссылками для самостоятельного изучения студентами;
- выбирать тип тестовых заданий (от вопросов с множественным выбором до открытых и творческих заданий);
- редактировать текст с помощью встроенных инструментов, работать с видеофайлами, картинками и гиперссылками;
- экспортировать сгенерированные данные для печати.

Среди минусов данного сервиса можно отметить наличие лишь англоязычной версии, на базе которой работают алгоритмы системы. Это означает, что тексты на других языках будут подвергаться машинной обработке (переводиться на английский язык с помощью переводчика Google), а затем автоматически преобразовываться в викторины и различные типы заданий. Данная процедура потребует внесения дополнительных редакторских правок пользователем. При этом такой недостаток практически нивелируется в англоязычной аудитории или при использовании текстов на английском языке, что, впрочем, не освобождает человека от необходимости редактирования из-за несовершенства алгоритмов искусственного интеллекта.

Интернет-платформа Knowt применялась для реализации курса профессионально-ориентированного английского языка для студентов-переводчиков 4 курса, обучающихся по программе «Перевод и межкультурная коммуникация» в Уральском федеральном университете. Курс был разработан на основе метода кейсов. Данный метод предполагает углубленный анализ реальных проблемных ситуаций профессиональной сферы – кейсов (от англ. “case” – случай), аргументации своей точки зрения и принятие решений [12] и направлен на одновременное развитие предметной (профессиональной) и языковой компетенций [13]. Работа над кейсом была разбита на 4 последовательных этапа, направленных на развитие профессионально-значимых компетенций переводчика: чтение и перевод аутентичных текстов по проблематике кейса; работа с аудио- и ви-

деоматериалами; работа в группах; написание итогового документа. При этом на каждом из этапов необходимо решить ряд методических задач:

- 1) выбор способа организации эффективной внеаудиторной работы студентов. Подготовка к обсуждению кейса требует значительной самостоятельной работы студентов с аутентичными текстами;
- 2) развитие предметной компетенции путем анализа профессионально-ориентированных текстов (преимущественно на иностранном языке) и формирования понятийного аппарата на русском и английском языках;
- 3) поддержание высокой мотивации студентов к изучению профессионально-ориентированного иностранного языка. Развитие навыков иноязычной коммуникации на профессиональные темы требует от студентов постоянной языковой практики и тщательной проработки предметной области.

Выполнению поставленных задач способствовала реализация курса с применением платформы Knowt. Во-первых, внеаудиторная работа студентов в полном объеме была перенесена на платформу, позволяющую преподавателю размещать учебные тексты и дополнительную литературу, ссылки на аудио- и видеоматериалы, а студенту изучать материалы самостоятельно в удобное время. Более того, платформа позволяет создавать групповые чаты для обсуждения, что является необходимым на этапе групповой работы над разработкой решений проблемы кейса.

Во-вторых, инструменты Knowt сделали возможным создание гиперссылок в учебных текстах. Это в значительной степени упростило работу студентов, позволив им «в один клик» перейти на сайт, раскрывающий значение используемого термина или дающий информацию об описываемом событии предметной области.

В-третьих, возможность разметки аутентичных текстов существенно упростила процесс усвоения информации, а разнообразие видов и форм заданий сделало обучение более интересным и динамичным.

Необходимо также отметить, что с помощью платформы можно создавать различные упражнения на отработку терминов (флеш-карточки, прослушивание аудиофрагментов, мини-игры, и т.д.), что направлено на эффективное запоминание лексических единиц предметной области.

Более того, работа предполагала активное вовлечение каждого студента в процесс изучения материала и подготовки возможного решения проблемы кейса. Платформа позволяла преподавателю отслеживать вклад каждого студента, распределять функции, а также комментировать и редактировать тексты и файлы, предложенные другими участниками группы.

Изучение аутентичных текстов с использованием интернет-платформы Knowt для дальнейшего решения проблем кейса, на наш взгляд, способствует поддержанию высокого уровня мотивации студентов. Для подтверждения данной гипотезы по окончанию курса нами был проведен опрос 77 студентов, в рамках которого 72% студентов были удовлетворены полученными результатами, 90% студентов оценили свою работу над решением проблем кейсов на «отлично», а 63% студентов указали, что планируют и далее продолжать работу с профессионально-ориентированными текстами.

Проанализировав возможности применения платформы Knowt в рамках реализации курса профессионально-ориентированного иностранного языка с применением кейсовой методики, мы можем отметить ряд преимуществ, позволяющих решать следующие методические задачи: организация эффективной внеаудиторной работы студентов; создание благоприятных условий формирования предметной компетенции; поддержание высокой мотивации и активное вовлечение студентов в процесс разработки и обсуждения кейсов.

Список литературы

1. Воронова А. Э. Особенности онлайн-платформы «Wordwall» как средства обучения иноязычной лексике студентов неязыковых вузов. *Научное сообщество студентов XXI столетия*. 2022; 11(119):5–14.
2. Sigacheva N. A. Interaction of teachers and students in the digital educational environment in the process of teaching a professional foreign language. *Kazan Linguistic Journal*. 2023; 6 (1):7–15.

3. Байдикова Н. Л. Лингводидактические возможности электронного приложения Quizlet при обучении иноязычной лексике. *Мир науки. Педагогика и психология*. 2020; (2). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvoodidakticheskie-vozmozhnosti-elektronnogo-prilozheniya-quizlet-pri-obuchenii-inoyazychnoy-leksike> [дата обращения: 07.05.2024].
4. Судаков И. А. Использование онлайн-сервиса Quizlet в самостоятельной работе студентов по овладению иноязычной лексикой. *ЭСГИ*. 2019; 2 (22): 213–217.
5. Гудкова Л. В. Использование онлайн-инструментов Quizlet и WordWall для формирования иноязычной лексической компетенции студентов-бакалавров. *Вестник Минского университета*. 2022; 10 (3):3–13.
6. Лопатина М. В. Использование программы-приложения Quizlet в процессе развития лексических навыков студентов на занятиях по немецкому языку в вузе. *Вестник СИБИТА*. 2019; 3(31):4–10.
7. Жигадло В. Э. Использование мобильных образовательных технологий в самостоятельной работе студентов по иностранному языку в техническом вузе. *Вопросы методики преподавания в вузе*. 2016; 5(19):244–250.
8. Астапенко Е. А. Дидактические возможности виртуальной доски Miro и образовательного ресурса Wordwall для организации работы студентов в процессе изучения иностранного языка в вузе. *Russian Journal of Education and Psychology*. 2021; (1):7–24.
9. Шакирова А. А. Цифровые инструменты в преподавании курсов иностранного языка в вузе. *Казанский лингвистический журнал*. 2022; 5 (2):257–269.
10. Архипова М. В. Особенности использования Интернет-ресурсов в обучении иностранному языку. *Мир науки. Педагогика и психология*. 2021; 9 (4):1–17.
11. Официальный сайт Knowt. URL: <https://knowt.io/> [Дата обращения: 05.05.2024].
12. Guess A. A Methodology for Case Teaching: Becoming a Guide on the Side. *Journal of Accounting and finance*. 2014; 14(6):113–126.
13. Лузганова А. А. Применение метода Case-study в обучении профессионально-ориентированному иностранному языку в области международных отношений. *Казанский лингвистический журнал*. 2022; 5 (1):113–120.

References

1. Voronova A.E. Features of the online platform "Wordwall" as a means of teaching foreign language vocabulary to students of non-linguistic universities. *Nauchnoe soobshchestvo studentov XXI stoletiya*. 2022; 11(119):5–14. (In Russ.).
2. Sigacheva N.A. Interaction of teachers and students in the digital educational environment in the process of teaching a professional foreign language. *Kazan Linguistic Journal*. 2023; 6 (1):7–15.
3. Baidikova N.L. Linguistic and didactic capabilities of the Quizlet electronic application for foreign language vocabulary teaching. *Mir Nauki. Pedagogika i psihologija*. 2020; (2). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvoodidakticheskie-vozmozhnosti-elektronnogo-prilozheniya-quizlet-pri-obuchenii-inoyazychnoy-leksike> [accessed: 07.05.2024]. (In Russ.).
4. Sudakov I.A. Using of the Quizlet online service in students' individual work on mastering foreign language vocabulary. *ESGI*. 2019; 2 (22): 213–217. (In Russ.).
5. Gudkova L.V. The use of online tools Quizlet and WordWall for the formation of foreign language lexical competence of undergraduate students. *Vestnik Minskogo universiteta*. 2022; 10 (3):3–13. (In Russ.).
6. Lopatina M.V. Using of Quizlet application program in the process of developing students' lexical skills in German language classes at the university. *Vestnik SIBITA*. 2019; 3(31): 4–10. (In Russ.).

7. Zhigadlo V. E. The use of mobile educational technologies in the individual work of students in a foreign language at a technical university. *Voprosi metodiki prepodavaniya v vuze*. 2016; 5(19): 244–250. (In Russ.).
8. Astapenko E. A. Didactic possibilities of the Miro virtual whiteboard and the WordWall educational resource for organizing of learning a foreign language at the university. *Russian Journal of Education and Psychology*. 2021; (1): 7–24. (In Russ.).
9. Shakirova A. A. Digital tools in foreign teaching at the university. *Kavanskiy lingvisticheskiy jurnal*. 2022; 5 (2):257–269.
10. Arkhipova M. V. Features of using Internet resources in teaching a foreign language. *Mir Nauki. Pedagogika i psihologiya*. 2021; 9 (4):1–17. (In Russ.).
11. Knowt website. Available from: <https://knowt.io/> [accessed: 05.05.2024]. (In Russ.).
12. Guess A. A Methodology for Case Teaching: Becoming a Guide on the Side. *Journal of Accounting and finance*. 2014; 14(6):113–126.
13. Luzganova A.A. Case-study implementation at teaching process of professional foreign language at the international relations sphere. *Kavanskiy lingvisticheskiy jurnal*. 2022; 5 (1):113–120. (In Russ.).

Авторы публикации

Панасенков Никита Александрович –
кандидат педагогических наук
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина
Екатеринбург, Россия
Email: n.a.panasenkov@urfu.ru
<https://orcid.org/0009-0000-9764-9567>

Лузганова Анастасия Алексеевна –
кандидат педагогических наук
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина
Екатеринбург, Россия
Email: luzganova.aa@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4169-6564>

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии
конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 16.08.2024
Одобрена после рецензирования: 20.08.2024
Принята к публикации: 2.09.2024
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании
«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Authors of the publication

Panasenkov Nikita Aleksandrovish –
PhD
Ural Federal University named after
the first President of Russia B.N. Yelsin,
Yekaterinburg, Russia
Email: n.a.panasenkov@urfu.ru
<https://orcid.org/0009-0000-9764-9567>

Luzganova Anastasiya Alekseevna –
PhD
Ural Federal University named after
the first President of Russia B.N. Yelsin,
Yekaterinburg, Russia
Email: luzganova.aa@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4169-6564>

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 16.08.2024
Approved after peer reviewing: 20.08.2024
Accepted for publication: 2.09.2024

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

ФИЛОЛОГИЯ. ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ МИРА

PHILOLOGY. LITERATURE OF THE PEOPLES OF THE WORLD

Научная статья

УДК 821.134.3

Филологические науки

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.3.289-299>

ПЕРВЫЙ ПЕРЕВОД БРАЗИЛЬСКОЙ ПОЭЗИИ В РОССИИ:

ПУШКИН И ГОНЗАГА

E.I. Зейферт¹, Р.И. Проклов²

¹Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

¹Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

²Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

¹elena_seifert@list.ru

²Ruslan.I.Proklov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1996-8578>

Аннотация. Работа посвящена первому переводу бразильской поэзии на русский язык, который был выполнен величайшим поэтом Александром Сергеевичем Пушкиным (1799-1837) в 1825 году. Его вдохновило одно из стихотворений Томаса Антониу Гонзаги (1744-1810), входивших в сборник *Marília de Dirceu*. В отечественной науке принято считать, что Пушкин был вдохновлен биографией бразильского колониального поэта, чья судьба в некоторой степени перекликалась с историей восстания декабристов. В статье представлен анализ перевода Пушкина, а также рассматривается социокультурный контекст, который сопровождал написание бразильского стихотворения. Кроме того, авторами собран и проанализирован значительный объем теоретических работ, связанных как с рассматриваемым произведением, так и жизнью Антониу Гонзаги. Были отобраны наиболее релевантные и авторитетные для данного исследования работы исследователей из Бразилии и России. В рамках работы нами ставится вопрос о дальнейших перспективах исследований в области истории культурных и гуманитарных связей между Бразилией и Россией в начале XIX века. Делается вывод о литературоведческой специфике пушкинского перевода, а также отмечается что, он претендует на оригинальный текст. Пушкин изменяет оригинал на мотивном, сюжетно-композиционном, хронотопическом, стиховом и других уровнях текста.

Ключевые слова: бразильская поэзия; Гонзага; поэтический перевод; Пушкин; русская поэзия

Для цитирования: Зейферт Е.И., Проклов Р.И. Первый перевод бразильской поэзии в России: Пушкин и Гонзага. *Казанский лингвистический журнал*. 2024;7(3): 289–299. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.3.289-299>

Original article

Philology studies

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.3.289-299>

FIRST TRANSLATION OF BRAZILIAN POETRY IN RUSSIA:

PUSHKIN&GONZAGA

E.I. Seifert¹, R.I. Proklov²

¹Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

¹Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

²Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

¹elena_seifert@list.ru

²Ruslan.I.Proklov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1996-8578>

Abstract. The study deals with the first translation of Brazilian poetry into Russian language, which was carried out by a famous Russian poet Alexander S. Pushkin (1799-1837) in 1825.

He was inspired by one of Tomás Antônio Gonzaga's (1744-1810) poems, which was a part of poetry book *Marília de Dirceu*. In Russian philology, it is considered that Pushkin was inspired by the biography of the Brazilian colonial poet, whose fate to some extent echoed the history of the Decembrist uprising in Russian Empire. The article considers Pushkin's translation as well as social and cultural context in which it was written. Beside that the authors analysed a considerable number of theatrical works related to the poem as well as Gonzaga's biography. Within the framework of the study, we raised the question of further directions of exploring the links between Russian and Brazilian culture in historical terms. In the result of the study, we made a conclusion of literary peculiarities of the translation. Taking into consideration Pushkin's free translation, the translation claims to be the original text. Pushkin modifies the original on the motivic, plot-compositional, chronotopic, verse and other levels of the text.

Keywords: Brazilian poetry; Russian poetry; poetry translation; Pushkin; Gonzaga

For citation: Seifert E.I., Proklov R.I. First Translation of Brazilian Poetry in Russia: Pushkin&Gonzaga. *Kazan Linguistic Journal*. 2024;7(3): 289–299. (In Russ.).
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.3.289-299>

Изучение бразильского варианта португальского языка в последние годы получило новое развитие, что позволило выявить определенный недостаток знаний о бразильской лингвокультуре и литературе [1]. Одной из таких литературоведческих лакун, по нашему мнению, является стихотворение А.С. Пушкина «С португальского» [2], написанное в 1825 г., которое имеет перспективы для дальнейшего анализа.

В ходе нашей работы предпринимается попытка сопоставления текста перевода и оригинала, а также анализ общего контекста первого опыта взаимодействия бразильской и русской литературных традиций, что обуславливает актуальность исследования.

Это стихотворение стало первым переводом бразильской поэзии в России: А.С. Пушкин перевёл стихотворение Томаса Антониу Гонзаги, которого условно относят к первым бразильским поэтам. Сам текст печатается в сбояниях сочинений Пушкина под заглавием «С португальского» («Там звезда зари взошла...»). Впервые на этот перевод обратил внимание Н. О. Лернер, опубликовав в № 4 «Русского библиофила» за 1916 г. статью «Пушкин и португальский поэт». Внизу рукописи рукой Пушкина приписано: «Gonzago», таким образом имя автора оригинального текста было указано [3]. Это было одно из стихотворений второй части сборника бразильского поэта «Marline de Dirceu» [4].

XVIII век в истории Бразилии считается временем, когда начинает зарождаться национальное самосознание. В португальской колонии происходит ряд восстаний и бунтов: «война бродячих торговцев» в Пернамбуку (1710), восстание в Филипе душ Сантуш (1720) и предшествовавшие ему бунты в штате Минас – Жерайс [5]. В бразильской литературной традиции появляются работы, в которых поднимается вопрос о собственной идентичности [6].

В XVIII в лузофонном пространстве, особенно в Португалии и Бразилии, активно развиваются различные литературные объединения – Аркадии, в которых культивируется «система эстетических взглядов, воплощающихся главным образом в поэзии: она сочетала рационализм, свойственный Эпохе Просвещения, с классицизмом греко-римского образца и с затачками более позднего романтизма» [7, с. 171]. Отличительная черта поэзии Аркадий заключалась в их связи с древнегреческими традициями - пастушьей поэзии [8].

В Бразилии того времени существует несколько Аркадий, главными были Аркадии Минас-Жерайс и Рио-де-Жанейро, которые отличались от Лузитанской «своим новаторским духом» [8, с. 284]. Особенными чертами бразильских Аркадий являлось преобладание рококо, простота и ясность исполнения [6].

Томас Антонио Гонзага, один из выдающихся бразильских поэтов и политических деятелей, родился в Португалии, однако все детство и юность провел в бразильском штате Баия. Отцом Гонзаги был уроженец северо-востока колонии, что позволяет условно отнести поэта к этническим бразильцам.

В юности Гонзага переехал в Португалию для учебы в Университете Коимбры, где изучал право. В Коимбре формируются его политические и государственные взгляды. Гонзага размышляет о научной карьере и в 1773 году готовит Трактат о Естественном праве (*Tratado de Direito Natural*) для его последующей защиты в университете. В своем трактате Гонзага рассуждает о государственном и политическом строе, отдавая преподчтение монархии, а не демократии, проводит анализ понятий «право» и «справедливость» [9]. Антонио

Гонзага идеализирует Маркиза де Помбала, фактического правителя Португалии при короле Жозе I (1750-1777).

После учебы он возвращается в Бразилию и работает судьей в городе Бежа, затем становится главой префекта в городе Вила-Рика [6].

Еще во время учебы в Португалии Гонзага увлекается литературой, на него оказывают влияние труды «Виргилия, Камоэнса и Сервантаса» [9, с. 5].

Находясь на государственной службе в Бразилии, Гонзага занимается литературой и становится одним из видных деятелей Аркадии города Вила-Рика, которая объединила поэтов, юристов и церковных деятелей. Помимо литературы, в Аркадии обсуждались вопросы гуманизма и независимости Бразилии по образцу США. Убежденный монархист Антонио Гонзага меняет свои взгляды в сторону демократии и независимости португальской колонии.

С 1863 года Гонзага пишет серию сатирических поэм Чилийские письма (As Cartas chilenas), в которых высмеивается глава капитаний Гойас и Минас-Жерайс Кунью Менсеса и португальское правление в целом. Поэмы получили широкое распространение в городе Вила Рика и стали предтечей заговора в штате Минас-Жерайс (Inconfidência Mineira) [10].

В 1789 году вместе со своими единомышленниками: Клаудио Мануэлем да Коста, Хоакимом Жозе да Силва (Тирадентес), отцом Карлосом Коррейя де Толедо, полковником Франсиско Антониу де Оливейра и полковником Жозе Сильверио, Гонзага принимает участие в заговоре в Минас-Жерайсе, который терпит неудачу [5].

Гонзагу арестовывают и отправляют в тюрьму в Рио-де-Жанейро, а затем приговаривают к смертной казни, которую заменяют на пожизненную ссылку в Мозамбике, где он страдает от психического расстройства и умирает в 1810 году [11].

Гонзага получил свою известность как поэт благодаря сборнику стихов «Marline de Dirceu», изданному в 3 частях. Каждая из которых публикуется в 1792, в 1799 и в 1811 годах соответственно и посвящена его возлюбленной Мар-

лине. Сборник стихотворений, хотя и был написан в колониальную эпоху, считается образцом бразильской поэзии и аркадизма [6]. Отметим, что Гонзага пишет свои стихотворения в тюрьме [11].

Н.О. Лернер предполагал, что Пушкин сделал перевод непосредственно с оригинала, поскольку знал итальянский и испанский языки. Исследователь также выдвинул гипотезу, что Пушкин мог познакомиться с подлинником стихотворения Гонзаги в Одессе, где было много португальских моряков [3].

Однако версия Н.О. Лернера признана ошибочной, и М. Алексеевым было доказано, что стихотворение Пушкина является переводом с французского. Свою убедительную версию исследователь излагает в своей статье «Пушкин и бразильский поэт» [3]. Русский поэт прочёл произведение во французском переводе Эжена де Монглана. Алексеев утверждает, что интерес А. С. Пушкина к произведению Гонзаги не был случаен, его привлекла судьба бразильского поэта.

В отечественной филологии существует ряд исследований, посвящённых истории создания, источникам и частичному анализу стихотворения Пушкина «С португальского». К примеру, Н. В. Иванов в своей обстоятельной работе «Мотивы создания, форма и образы одного поэтического перевода А.С. Пушкина «С португальского» сопоставляет подлинник Гонзаги и перевод Пушкина. Автор статьи нашёл оригинал стихотворения бразильского поэта и увидел, что «узнавание было не только сюжетно-тематическим, но и образно-художественным, выразительным» [12, с. 18].

Однако несмотря на глубокое и широкое изучение этого текста, остаётся ряд вопросов, которые важно решить пушкинистике. Обозначим их.

1. Проблема «Пушкин и Бразилия» в связи с этим произведением не полностью раскрыта.
2. Стихотворение открывает новые возможности изучения проблемы «Пушкин и декабристы» в связи со своей датой (1825 г.) и путешествием ряда декабристов в Бразилию.

В частности, известный декабрист Д. И. Завалишин, принимавший уча-

стие в плавании вокруг света на фрегате «Крейсер» под командованием М. П. Лазарева, подготовил ряд трудов: записки о Калифорнии, Русской Америке, Приамурье. Он путешествовал вместе с академиком Г. И. Лангсдорфом по девственным лесам Бразилии, много писал о Сибири, в том числе рассмотрел вопрос о влиянии на ее природу хозяйственной деятельности человека [13].

Декабрист Д. И. Завалишин описывает плавание в Бразилию как комфортное путешествие: «Невозможно представить себе ничего спокойнее и приятнее плавания в тропиках при благоприятном ветре и при жаре, умеряющей морской прохладой. За исключением двухчасового учения (час с парусами и час при орудиях), это был постоянный отдых, и можно было вполне предаваться развлечениям и веселью. Каждый день купанье, музыка, песни, и кроме того, долгие приготовления к празднованию перехода через экватор, и потом воспоминания особенного веселья при этом случае не допускали скуки» [14].

Мы не имеем подтверждения того, что декабристы познакомились с творчеством и судьбой Гонзаги во время своего пребывания в Бразилии, однако, учитывая роль Гонзаги в заговоре в штате Минас-Жерайс, а также последующий интерес к его творчеству, позволяет нам оставить этот вопрос открытым.

3. Пушкинская способность создавать множественность толкований явственно проявляется себя в этом произведении. В отдельных своих текстах поэт намеренно сохраняет двусмысленность ситуации (см. исследование Г. Мучник стихотворений Пушкина «Узник» и «Ворон к ворону летит» [15]). Стихотворение «С португальского» тоже неоднозначно. Читатель может решить, что лирического героя предала его возлюбленная, о которой он так нежно вспоминает. Пушкин намеренно не даёт никаких подробностей расставания, лирический герой не сообщает, что томится в изгнании.

4. Вольнолюбивый характер лирики Пушкина стимулирует его заинтересованность бразильским поэтом. Любовное стихотворение на самом деле обнаруживает гражданскую подоплётку.

5. Наличие эпических элементов в лирическом стихотворении – нечастый приём для Пушкина. Не затемняя образы Гонзаги, Пушкин, как и автор бразильского подлинника, словно «пропускает» события, послужившие причиной расставания. Перед последней строфой поэт создаёт резкий монтаж: от крупно, в подробностях поданной истории любви переходит в констатацию разлуки. Эти внесловесные элементы сверхважны для поэта: причиной для разлуки прототипов стало участие бразильского поэта в восстании. В оригинале мы этого не наблюдаем.

Так певал, бывало, ей,
И красавицы моей
Сердце песнью любовалось;
Но блаженство миновалось.

Ornam seu peito
as seis virtudes,
que nos namoram;
no seu semblante
as graças moram”.

6. Условность образов, исключение из стихотворной ткани конкретного имени – дань традиции «золотого века русской поэзии».

В своём вольном переводе стихотворения Гонзаги Пушкин стремится к максимальной условности, для чего убирает детали и конкретику. Конечно, из поэтической ткани исчезает имя «Marilia»: русский поэт не заменяет его на условное имя типа «Хлоя» или «Лаиса» (как было принято в русской поэзии «золотого века», но и не упоминает его) (табл. 1).

В первой же строфе у Пушкина возникает роза как символ страсти: «Пышно роза процвела» [2], отсутствующая у бразильского автора. Цветок у Гонзаги появляется во второй строке, и то как отсутствие цветка: «без цветка, без ленты в своих волосах». Сравнение с розой в третьей строфе есть и Гонзаги, и у Пушкина. У бразильского автора красавица краше розы, хотя не прикрашена (в её волосах нет цветка и ленты), у русского – свежее розы после сна.

Там звезда зари взошла,
Пышно роза процвела.
Это время нас, бывало,

A estas horas
Eu procurava
Os meus Amores;
Tinham-me inveja

Друг ко другу призывало.

На постеле пуховой,
Дева сонною рукой
Отирала томны очи,
Удаляя грезы ночи.

И являлася она
У дверей иль у окна
Ранней звездочки светлее,
Розы утренней свеж

Os mais Pastores.

A porta abria,
Inda esfregando
Os olhos belos,
Sem flor, nem fita,
Nos seus cabelos.

Ah! que assim mesmo
Sem compostura,
É mais formosa,
Que a estrela d'alva,
Que a fresca rosa.

Вместо шарманки (*sanfoninha*), на которой играет лирический герой Гонзаги, у Пушкина появляется гитара, под которую юноша восхваляет прекрасную избранницу.

Дева издали ко мне
Приближалась в тишине,
Я, прекрасную встречая,
Пел, гитарою бряцая

Na quente sesta,
dela defronte,
eu me entretinha,
movendo o ferro
da **sanfoninha**.¹

Ряд строф переведены очень близко к оригиналу: 4 строфа у Пушкина и 4 строфа у Гонзаги; у Пушкина 7 и 8 катрены, у Гонзаги – 14 и 15 пястишия (песня лирического героя о его возлюбленной).

Свободу перевода Пушкину во многом диктует промежуточный французский текст, с которого русский поэт переводит. Он использует перевод подготовленный Э. де Монглаком и П. Шала, опубликованный в “*Marilie, chants élégiaques de Gonzaga*”, изданный в 1825 году в Париже, а о судьбе бразильского поэта он узнает из предисловия к изданию [11].

7. Вольный характер перевода

¹ Приведенный отрывок в переводе отсутствует, но в нем упоминается музыкальный инструмент, шарманка (*sanfoninha*)

Н. В. Иванов говорит о «поэтической точности» перевода Пушкиным Гонзаги [12]. «Под поэтической точностью понимается выразительное и художественное тождество перевода оригиналу», – пишет учёный.

У Пушкина – 10 катренов, у Гонзаги – 17 пятистиший.

Оригинал стихотворения написан в традиционном для иbero-романской поэтической традиции «лиры – пятистишьями из пятисловых строк с рифмующимися третьим и пятым женскими стихами» [11].

Схема рифмовки у Пушкина – aabb, у Гонзаги – abcdc.

Пушкин в своём переводе 17-строфного стихотворения Гонзаги сокращает авторский текст: с 7 по 12 строфы включительно не отражены в переводе. В пушкинский текст не вошли игры любящего юноши с овечкой возлюбленной, радостный смех девушки при виде этих игр, изготовление веретена для любимой, игра лирического героя для неё на шарманке.

Описывая овечку возлюбленной лирического героя, русский поэт допускает метафорическое выражение: «перед ней цветы я сеял» [2]. У Гонзаги лирический герой даёт овечке «самую чистую воду, самую мягкую траву».

На тенистые брега,
На зеленые луга;
Я поил ее, лелеял,
Перед ней цветы я сеял.

Dava-lhe sempre,
no rio e fonte,
no prado e selva,
água mais clara,
mais branda relva.

Резюмируем результаты наблюдений. Пушкинский перевод стихотворения бразильского поэта Гонзага благодаря вольности перевода претендует на оригинальный текст. Пушкин изменяет оригинал на мотивном, сюжетно-композиционном, хронотопическом, стиховом и других уровнях текста. Разлука любящих лирических персонажей и её причина, оставленная за текстом, написанным в 1825 г., носят гражданский характер. Русский поэт следует поэтической традиции своей эпохи, изображая образы максимально условными, лишенными конкретики.

Список литературы

1. Кочкин А.А., Новикова Н.А. Тенденции и перспективы изучения и преподавания португальского языка как иностранного на основе межкультурного и коммуникативного подхода. *Казанский лингвистический журнал*. 2022;5(2):245–256. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2022.5.2.245-256>
2. Пушкин А.С. *Полное собрание сочинений. В 7-ми томах*. Москва: «Наука» – «Голос»; 1995.
3. Белякова Е.И. «Русский» Амаду и бразильская литература в России. Москва: ИЛА РАН; 2010.
4. Gonzaga T. *Marília de Dirceu*. Lisboa: Montecristo; 2012. (На порт. яз.)
5. Фаусту Б. *Краткая история Бразилии*. Москва: Весь Мир; 2013.
6. Bosi, Alfredo. *História Concisa da Literatura Brasileira*. São Paulo: Cultrix; 2015. (На порт. яз.)
7. Вольф Е. М. *История португальского языка*. Москва: УРСС; 2002.
8. Kvacek G. Os Primeiros Moços de Minas: A Poesia Árcade Brasileira como Conjuração. *Rev. FSA, Teresina*. 2020;17(11):278–304. (На порт. яз.)
9. Aparecida S. Tomás António Gonzaga e o cargo de professor na Universidade de Coimbra. *Jornada Internacional de Estudos do Discurso*; 2008. (На порт. яз.)
10. Nascimento Ana Paula Gomes do. Os gêneros epistolar e satírico nas cartas chilenas, atribuídas a Tomás Antônio Gonzaga. *Revista Entrelaces, Fortaleza*. 2019;1(16):29–47. (На порт. яз.)
11. Виролайнен М.Н., Дмитриева Н.Л. Португальский Андрей Шенье. *Временник Пушкинской комиссии*. 2016;(32): 222–236.
12. Иванов Н.В. Мотивы создания, форма и образы одного поэтического перевода А.С. Пушкина с португальского. *Мосты*. 2008; (1):18–25.
13. Пасецкий В.М., Пасецкая-Креминская Е.В. *Декабристы-естественноиспытатели*. Москва: Наука; 1989.
14. Родимцев И. *Адмирал Лазарев*. Москва: Молодая Гвардия; 2019.
15. Мученик Г. Проблемы коммуникативной политики. *Almaty*. 1995: 113–117.

References

1. Kochkin A.A., Novikova N.A. Tendencies and Perspectives in Teaching and Learning Portuguese as a Foreign Language Based on an Intercultural and Communicative Approach. *Kazan Linguistic Journal*. 2022;5(2): 245–256. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2022.5.2.245-256>
2. Púshkin A.S. Polnoe sobranie sochinenij. V 7-mi tomah. Moscow, «Nauka» – «Golos»; 1995. (In Russ.).
2. Belyakova E.I. *Russian Amado and Brazilian literature in Russia*. Moscow: ILA RAN; 2010. (In Russ.).
4. Gonzaga T. *Marília de Dirceu*. Lisboa: Montecristo; 2012. (In Port.).
5. Faustu B. *Brief History of Brazil*. Moscow: Ves' mir; 2013. (In Russ.).
6. Bosi A. *Concise History of Brazilian literature*. 45 ed. São Paulo: Cultrix, 2015. (In Port.).
7. Volf E.I. *History of the Portuguese language*. Moscow: URSS; 2002. (In Port.).
8. Kvacek G. The First Young Men of Minas: Brazilian Arcade Poetry as Conjuration. *Rev. FSA, Teresina*. 2020; 17 (11): 278–304. (In Port.).
9. Aparecida S. Tomás António Gonzaga e o cargo de professor na Universidade de Coimbra. *1.ª Jornada Internacional de Estudos do Discurso*. 2008. (In Port.).
10. Nascimento Ana Paula Gomes do. The epistolary and satirical genres in Chilean letters, attributed to Tomás Antônio Gonzaga. *Revista Entrelaces, Fortaleza (CE)*. 2019; 1 (16): 29–47. (In Port.).
11. Virolajnen M. N., Dmitrieva N. L. Portuguese André Chénier. *Vremennik Pushkinskoj komissii*. 2016; 32. (In Russ.).

12. Ivanov N.V. The motives of creation, composition and image of a poetic translation of A. S. Pushkin from Portuguese. *Mosty*. 2008; 1: 18–25. (In Russ.).
13. Pasetsky V.M., Pasetskaya-Kreminskaya E.V. *The Decembrists are natural scientists*. Moscow: Nauka; 1989.
14. Rodimcev I.A. *Admiral Lazarev*. Moscow: Molodaya gvardiya; 2019. (In Russ.).
15. Muchnik G. *Problems of communicative poetics*. Almaty; 1995. pp. 113–117. (In Russ.).

Авторы публикации

Зейферт Елена Ивановна –
профессор, ведущий научный сотрудник
Российский государственный гуманитарный
университет,
Московский государственный
лингвистический университет
Москва, Россия
Email: elena_seifert@list.ru

Authors of the publication

Seifert Elena Ivanovna –
Professor, leading research fellow
Russian State University for the Humanities,
Moscow State Linguistic University
Moscow, Russia
Email: elena_seifert@list.ru

Проклов Руслан Игоревич –
старший преподаватель
МГУ имени М.В. Ломоносова
Москва, Россия
Email: Ruslan.I.Proklov@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-1996-8578>

Proklov Ruslan Igorevich –
Senior lecturer
Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia
Email: Ruslan.I.Proklov@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-1996-8578>

**Раскрытие информации о конфликте
интересов**

Автор заявляет об отсутствии
конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 19.06.2024
Одобрена после рецензирования: 8.07.2024
Принята к публикации: 25.07.2024

Автор прочитал и одобрил окончательный
вариант рукописи.

Article info

Submitted: 19.06.2024
Approved after peer reviewing: 8.07.2024
Accepted for publication: 25.07.2024

The author has read and approved the final
manuscript.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

Информация о рецензировании
«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

ФИЛОЛОГИЯ. ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ МИРА PHILOLOGY. LITERATURE OF THE PEOPLES OF THE WORLD

Научная статья

УДК 821.111

Филологические науки

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.3.300-311>

«ЛЮБОВНИК ЛЕДИ ЧАТТЕРЛЕЙ»: СИМВОЛИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ЦВЕТКА В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФСКО-ЭСТЕТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ Д. ЛОУРЕНСА

М.Н. Милюков

Луганский государственный педагогический университет, Луганск, Россия

drybom@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-7254-1634>

Аннотация. Статья посвящена изучению символического значения образа цветка в романе Д. Лоуренса «Любовник леди Чаттерлей» в свете его философско-эстетических взглядов. В исследовании проанализировано использование образов растений и цветов в литературном наследии писателя. Исследована символическая семантика цветочного образа в контексте авторской картины мира. Изучены особенности применения цветочных мотивов в романе «Любовник леди Чаттерлей» для реализации философских и эстетических взглядов автора с акцентом на его пантеистическую концепцию. Отмечена функция цветочной символики как инструмента характеристики главных героев, метафорического средства отражения их стремления к экзистенциальной полноте.

Исследование подтвердило, что образ цветка является важной семантической конструкцией в произведении, с помощью которой Лоуренс представляет свое собственное мировоззрение. Цветок символизирует наиболее краткое и совершенное проявление человеческого существования, противоречащее механистической реальности. Символика цветка воплощена в мотивах весны и любви. Любовь, представленная в контексте цветочной образности, олицетворяет мощную силу, способную связывать людей как между собой, так и с более широким миром природы. Таким образом, цветы у Лоуренса выходят за рамки своей физичности, становятся платформой для развития эмоций и чувств персонажей, оказывая сущностное влияние на их идентичность.

Ключевые слова: Д. Лоуренс; роман «Любовник леди Чаттерлей»; образ; образность; цветок; цветочная символика

Для цитирования: Милюков М.Н. «Любовник леди Чаттерлей»: символический образ цветка в контексте философско-эстетической концепции Д. Лоуренса. *Казанский лингвистический журнал*. 2024;7(3): 300–311. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.3.300-311>

Original article

Philology studies

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.3.300-311>

“LADY CHATTERLEY'S LOVER”: THE SYMBOLIC IMAGE OF FLOWER IN THE CONTEXT OF D. LAWRENCE'S PHILOSOPHICAL AND AESTHETIC CONCEPT

M.N. Milyukov

Lugansk State Pedagogical University, Lugansk, Russia

drybom@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-7254-1634>

Abstract. The paper explores the symbolic significance of flower imagery in D. Lawrence's novel “Lady Chatterley's Lover” in light of his philosophical and aesthetic views. The research analyzes the use of plant and flower imagery in the writer's literary heritage. The symbolic semantics

of flower image in the context of the author's worldview is explored. The paper aims to study features of the use of floral motifs in the novel to express the author's philosophical and aesthetic views with an emphasis on his pantheistic concept. It is also noted that the floral symbolism acts as a tool for characterizing the main characters, a metaphorical means of reflecting their desire for existential completeness.

The study has confirmed that the concept of flower is an important semantic construct in the work, through which Lawrence represents his own worldview. Flower symbolizes the shortest and perfect manifestation of human existence being contrary to the mechanistic reality. The flower symbolism is embodied in the motifs of spring and love. Love, presented in the context of floral imagery, embodies a powerful force capable of connecting people both with each other and with the wider world of nature. Thus, Lawrence's flowers transcend their physicality, becoming a platform for the development of characters' emotions and feelings, exerting a profound influence on their identities.

Keywords: D. Lawrence; novel "Lady Chatterley's Lover"; image; imagery; flower; floral symbolism

For citation: Milyukov M.N. "Lady Chatterley's Lover": The Symbolic Image of Flower in the Context of D. Lawrence's Philosophical and Aesthetic Concept. *Kazan Linguistic Journal*. 2024;7(3): 300–311. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.3.300-311>

Тема цветов и природы в целом является ведущей в литературном творчестве Д. Лоуренса. На протяжении всей его жизни особое место в его художественном сознании неизменно занимал цветочный мотив, общепризнанным показателем которого является его повторяемость [1, с. 500]. В англоязычной литературе трудно найти писателя, который мог бы сравниться с Лоуренсом по количеству названий и описаний цветов в произведениях. Исследуемый нами роман «Любовник леди Чаттерлей» (1928) менее наполнен изображениями цветов, чем другие литературные произведения Лоуренса. Однако именно в этой работе цветочный дискурс достигает своего художественного совершенства, демонстрируя разнообразие цветочной символики.

Степень изученности темы символики растений в произведениях Д. Лоуренса, в частности образа цветка в романе «Любовник леди Чаттерлей», остается недостаточной для полного понимания его философского значения. Несмотря на то, что отдельные аспекты этой проблематики затрагивались в работах Н. Глинки, Р. Дрейпера, Ф. Ливиса, К. Миллетта, Х. Мура, Д. Стифлера, Н. Михальской, А. Пустовалова и других, специального исследования роли символики цветка в романе.

Актуальность обусловлена отсутствием комплексных исследований, посвященных анализу символики растений в романе Д. Лоуренса «Любовник леди Чаттерлей» в контексте философских взглядов автора.

Целью статьи является изучение символического потенциала и особенностей функционирования образа цветка в романе «Любовник леди Чаттерлей».

Образы и символы неизменно составляют художественную и эстетическую основу художественного текста, который для задач литературоведческого плана – «это не только материал, но и конечный объект исследования» [2, с. 156]. Опираясь на труды С.С. Аверинцева, Л.В. Крошкина пишет, что символ состоит из двух ключевых элементов: предметного образа и глубинного смысла [3, с. 237]. Ма Лиши уточняет: «Благодаря своей образности символ наглядно выражает абстрактные идеи и духовный мир. Образы нередко конкретизируют символ» [4, с. 113]. В восприятии Лоуренса образы цветов воплощают идеи гармонии и божественной красоты, заложенной в самом устройстве мира. [5]. В романе «Любовник леди Чаттерлей» для Лоуренса такой основой символической образности является язык цветов, с помощью которого писатель реализует свое видение природы как чего-то священного и мистического, открывая пространство для более глубоких размышлений о человеке. В художественном мире произведения растения и цветы выступают в качестве метафор, мифологизирующих сюжет и придающих вселенский характер описываемым событиям [6]. Цветы у Лоуренса являются собой ядро естественного бытия, олицетворяя полноту и зрелость жизни, ее совершенное проявление. Писатель воспринимает человеческое существование как процесс самосозидания, стремящегося к достижению «истинного Я», и только «целостное Я приведет к целостному плоду меня» [7, р. 403] (здесь и далее перевод наш – М. М.).

Лоуренс часто проводит аналогию между блаженным моментом гармоничного совершенства и цветением мака – скоротечным и ярким событием, а также с распускающимся бутоном розы. В интерпретации автора идеальная роза не представляется статичной и завершенной сущностью, а воспринимается

как «бегущее пламя, возникающее и угасающее» [7, р. 219]. Эта метафора также касается самой жизни, изображая ее как постоянный процесс движения, а не как статичное состояние. Для Лоуренса цветок олицетворяет «максимум чьего-либо желания» [7, р. 678], являясь торжеством жизни, «конечной целью» [7, р. 403], «маленьkim смехом достигнутого бытия» [7, р. 235].

В исследуемом нами романе цветочный мотив играет ключевую роль, он неразрывно связан с пантеистической идеологией автора, подчеркивающей единство человека и природы. Лоуренс использует цветок как символ, олицетворяющий преходящее и при этом парадигматическое проявление человеческого бытия, резко контрастирующее с механистическими реалиями, изображенными в повествовании. Писатель также считает творчество одним из высших проявлений человеческого существования, воплощением настоящего момента. Он часто сопоставляет книги с цветами. Подобно цветку, каждая книга проходит стадии расцвета и упадка. Всякая книга «однажды расцвела, дала семена и исчезла» [7, р. 235]. И это естественный процесс. Роман демонстрирует ярко выраженные наблюдательные способности и художественный талант автора, который, по словам А. Хаксли, «казалось, на личном опыте знал, каково это быть деревом, или маргариткой, или набегающей волной, или даже таинственной луной» [8, р. 232] (перевод наш – М. М.).

Образ цветка в романе реализован в семантическом поле весеннего топоса, отмеченного динамикой изменений и трансформаций. Цветок играет ключевую роль в качестве идейно-смыслового центра романа. Лоуренс верил, что весна – это «изначальная сила, / изначальное и самобытное существо» [7, р. 678], без которого невозможны все последующие этапы. В романе автор акцентирует внимание на творческом порыве весенней природы и ее безудержном стремлении к возрождению. Окутанные волшебством весны, люди также стремятся к обновлению. Весьма выразительной является сцена прогулки главной героини романа по весеннему лесу, только что пробужденного от зимнего сна. Обилие цветов в лесу создает ощущение новой жизни, которое производит

сильное впечатление на Констанцию. Описания весеннего леса, представленные глазами женщины, изобилуют метафорами и аллегориями, которые, как правило, персонифицируют цветы, наделяя их человеческими чертами: “*How cold the anemones looked, bobbing their naked white shoulders over crinoline skirts of green*” [9, p. 122] – «Как, должно быть, холодно подснежникам – белый стан, зеленые кринолины листьев» (здесь и далее перевод И. Багрова, М. Литвинова); “*The oaks were putting out ochre yellow leaves: in the garden the red daisies were like red plush buttons*” [9, p. 244] – «Дубы опушились охряными листочками; красные маргаритки – точно красные бархатные пуговицы, рассыпанные на зеленом ковре»; “*the forget-me-nots were fluffing up, and columbines were unfolding their ink-purple ruches*” [9, p. 242] – «там и здесь раскрывал свои коробочки водосбор; верховая тропа вспенилась незабудками»; “*They shook their bright, sunny little rags in bouts of distress*” [9, p. 123] – «хрупкие приукрашенные солнцем тельца-стебельки нарциссов сотрясаются от рыданий» и т.д.

Цветочная символика произведения приобретает антропоморфные черты, отражая широкий спектр эмоций и состояний, от меланхолии и тревоги до озорства и веселья. Используя цветы в качестве метафоры, автор конструирует модель утопического мировоззрения, основанного на принципах красоты, гармонии и любви к жизни. В романе эта утопия реализуется изображением цветения, символизирующего идеалистические стремления Констанции и ее возлюбленного Меллорса к полноценной жизни.

В то же время образы цветов являются важным инструментом характеристики главных героев, выступая в качестве символического средства выражения их подлинной сущности. Изображения весенних пейзажей изобилуют семантикой движения, символизирующей трансформацию жизненных обстоятельств протагонистов. Автор акцентирует роль женщины в этом процессе, подчеркивая ее способность к возрождению, черпающую жизненную силу из весенней флоры – анемонов, примул, крокусов. Используя библейские мотивы, Лоуренс усиливает символический заряд описания, отражая веру Констанции в

возможность перерождения, что выражается в использовании в романе цитаты из Евангелия: “... *When the crocus cometh forth I too will emerge and see the sun!*” [9, p. 122] – «Когда распустится крокус, я также выйду на свет и увижу солнце» (перевод наш – М. М.). Воздействие мощной энергии цветов стимулирует пробуждение женской идентичности Констанции. Именно в моменты восхищения лесными пейзажами, в сознании героини возникает образ худощавого белого тела мужчины, ассоциирующийся у нее с «одиноким пестиком чудесного невидимого цветка» [9, p. 121]. Такая аллегория символизирует их глубокую эмоциональную связь, где образ мужчины воспринимается как неотъемлемая часть природной гармонии.

Символическим выражением внутреннего Я Меллорса является образ нарциссов, который автор представляет посредством восприятия их Констанцией. Наблюдая за золотистыми головками распускающихся цветов, женщина преисполняется к ним уважением и любовью. Она впечатлена хрупкостью и в то же время силой и непоколебимостью цветов, с которыми она ассоциирует владельца дома. Благодаря нарциссам она постигает истинную сущность Меллорса. Как следствие, Констанция осознает свое собственное предназначение. Это вдохновляет и мотивирует ее, становится стимулом для принятия собственных решений.

Примечательно, что в своем эссе «Цветочная Тоскана» Лоуренс описывает нарциссы как «довольно холодные, застенчивые и зимние. / Для меня они зимние цветы, и их аромат – зимний» [7, p. 47]. Таким мы видим Меллорса в начале романа. Он чувствует себя одиноким и отчужденным. Констанция, в которой пробуждается *свободная женщина*, помогает леснику преодолеть свой экзистенциальный страх и освободиться из плена холодного одиночества, и таким образом ощутить полноту жизни, то есть достичь блаженного состояния цветения.

В то время как Меллорс отождествляется у Констанции с одинокими и гордыми нарциссами, ее муж Клиффорд ассоциируется с орхидеей – «цветком

интимности», который «виделся ей вроде капризной орхидеи, вытягивавшей из нее, Конни, все жизненные соки» [9, р. 119]. Следует отметить, что орхидеи, известные как эпифиты, вместо традиционного укоренения в почве растут на других растениях, и зачастую их выращивают в тепличных условиях. Эта особенность цветка может быть интерпретирована как метафора отношений Клиффорда и Констанции, где Клиффорд, подобно эпифиту, «питается» ее жизненной энергией. Мужчина понимает, что он привязан к своей жене и без нее он обречен. Эта зависимость становится ключевой причиной его нежелания отпустить ее. В результате такого взаимодействия, тело Констанции постепенно теряет свою силу и женственность, в то время как Клиффорд, напротив, чувствует себя сильнее и увереннее.

Семантика неестественной сущности Клиффорда порождена образом инвалидной коляски – его единственного средства передвижения. Перевозя полумертвое тело по лесу, громоздкая и неуклюжая машина безжалостно топчет гибнущие под ее колесами весенние колокольчики. Лесная сцена с инвалидной коляской является символическим отражением брака Констанции с Клиффордом, который лишен жизнеспособности. Точно так же, как колеса коляски разрушают цветущие головки, эгоизм и рационализм мужа выхолащивают душу Констанции, убивая ее женскую природу. Автор всякий раз, таким образом, подчеркивает опасность деструктивной натуры Клиффорда.

В отличие от мужа, который черпает вдохновение в механизмах, Констанция воодушевляется мудростью природы. Для нее деревья и цветы являются примером свободы, жизнестойкости и безграничной любви к жизни. Не зря женщина ассоциируется в романе с гиацинтами – красивыми и в то же время мужественными цветами. Это сходство озвучивает Меллорс, который понял истинную сущность Конни после первой встречи: “*Somewhere she was tender, tender with a tenderness of the growing hyacinths, something that has gone out of the celluloid women of today*” [9, р. 173] – «В душе этой женщины жила нежность, сродни той, что открывается в распустившемся гиацинте; нежность, неве-

домая *теперешним пластмассовым женинам-куклам*». Сравнение Меллорсом своей возлюбленной с гиацинтами подчеркивает глубину ее характера, символизирует ее стойкость и силу нежности перед лицом «ненасытного бездушного мира машин и мошны» [9, р. 173]. Данная метафора демонстрирует, что присущие природе качества, такие как нежность и красота, обладают значительным потенциалом для противодействия дегуманизирующему влиянию техногенной среды, представленной в образе инвалидной коляски Клиффорда. Нежные цветы оказываются сильнее разрушительной машины, поскольку черпают энергию земли и солнца.

Отдельно стоит остановиться и на образе водосбора. В XVII–XVIII веках эти цветы украшали территории английских монастырей и ассоциировались со святостью, тем не менее, могли символизировать супружескую неверность и любовь [10]. Все эти символические значения водосбора перекликаются с судьбой Констанции: «ее жизнь с Клиффордом до встречи с Меллорсом напоминает монастырское существование, а ее неверность приводит к обретению любви» [11, с. 239]. Упоминание водосбора в произведении происходит трижды, каждый раз символизируя важный этап в развитии отношений между персонажами. Первое упоминание происходит в беседе Констанции с миссис Болтон, где последняя повествует о том, как овдовела, занимаясь посадкой этих цветов. В этом эпизоде образ водосбора приобретает двоякую трактовку. Для миссис Болтон он символизирует утрату и одиночество. В то же время для Констанции, находящейся в начале беременности, эти цветы приобретают более оптимистичную символику: солнечный день, весна, образ цветущего водосбора ассоциируется с началом новой жизни, как в прямом (беременность), так и в переносном (ощущение счастья, связанное с этим событием) смысле. Второе и третье упоминание происходит непосредственно перед отъездом Констанции в Италию. Ее сообщение Меллорсу о беременности знаменует переход в их отношениях от пламенной страсти к более глубоким чувствам. Водосбор, произрастающий вблизи лесного домика Меллорса, подчеркивает связь лесника с

этими цветами, символизируя его привязанность к Констанции. Примечательно, что мотив водосбора в романе возникает после того, как Констанция узнает о своей беременности, что знаменует ее переход к новому этапу в жизни, когда она окончательно осознает свой духовный и ментальный разрыв с мужем и за- рождающуюся свободу и любовь к Меллорсу.

Символическую образность цветов в романе Лоуренс связывает и с феноменом земли, как священного пространства, обладающего способностью к возрождению и исцелению. Подобно цветку, тело Констанции питается мощной энергией земли, наполняясь жизнью и желанием. Она чувствует себя частью этого мира природы, приобщаясь к его естественному ритму. Констанция осознает, что ее предназначение – быть счастливой, испытывая торжество расцвета в единстве со своим мужчиной. Сцена, в которой влюбленные бегут обнаженными по дождливому лесу, а затем прикрывают свои тела цветами, можно считать ярким проявлением гармоничных отношений между Констанцией и Меллорсом, что соответствует авторскому пониманию состояния цветка. Символика дождливого леса отражает плодородие, жизненную силу и связь с природой. Это место пересечения мира людей и природы, где герои могут ощутить полноту своего бытия. Обнаженность их тел – это проявление принятия себя в своей естественности и желание быть связанными с окружающей средой без каких-либо ограничений и прикрытий. Такое сочетание анимы и анимуса указывает на полноту отношений между возлюбленными. Они не только ощущают природную силу и энергию, но и воспринимают их как часть своей внутренней идентичности. Это единство особенно заметно в эпизодах телесной близости, когда Меллорс нежно называет Констанцию цветком: *“His hands held her like flowers / And his hands stroked her softly, as if she were a flower”* [9, p. 258] – «Его руки Ласкали ее, как лепестки цветка / Он опять стал поглаживать ее, как гладил бы цветок»; *“And she was fresh and young like a flower”* [9, p. 307] – «Конни радовала юностью и свежестью распустившегося цветка».

Данная сцена также раскрывает авторское видение леса как райского уголка, а в образах влюбленных легко узнать первых людей, Адама и Еву. Все, что с ними происходит, напоминает свадебный ритуал. Сначала они проходят этап очищения водой, а затем получают благословение от самой природы. В этой интерпретации лес предстает в символическом образе храма, а незабудки, которыми Меллорс нежно осыпает тело Констанции, являются своего рода аналогом клятвы верности возлюбленных. Как и цветок, любовь «должна расцвести и увянуть». Но именно это, по мнению Лоуренса, и делает жизнь уникальной. Объединяя христианские и языческие традиции, духовное и физическое, автор предлагает свою версию рая, воплощенную в образе цветка.

Как видим, цветочные ассоциации играют преобразующую роль в динамике межличностных отношений главных героев. Представленные в романе примеры отождествления и взаимодействия персонажей с конкретными видами цветов символически иллюстрируют их путь постижения друг друга, обеспечивая более глубокую связь между ними.

Заключение

Таким образом, исследование подтвердило использование Д. Лоуренсом цветочной образности в качестве представления собственных мировоззренческо-философских и эстетических видений. Образ цветка является основным смысловым конструктом в романе, соотносящимся с пантеистическим взглядом автора о единстве человека и природы. Наблюдается авторская концепция цветка как наивысшего проявления жизни, ее апогея.

В подходе Лоуренса к репрезентации образов цветов прослеживаются две четко выраженные тенденции. С одной стороны, мы наблюдаем тяготение к антропоморфизации цветов, т.е. их очеловечиванию, с другой – к отождествлению персонажей с цветами или их элементами. Именно благодаря цветочным ассоциациям основные персонажи произведения имеют возможность познать друг друга. Такой подход создает визуальную и символическую конвергенцию

между человеком и природой, демонстрируя их внутреннюю взаимосвязь и взаимозависимость.

Список литературы

1. Загидуллина Д.Ф. Преемственность общетюркской и татарской литературы: мотив родной земли. *Казанский лингвистический журнал*. 2021;4(4):499–511. DOI: <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2021.4.4.499-511>.
2. Лю С., Васильева И.Э. Символика цвета в повести А.П. Чехова «Черный монах». *Казанский лингвистический журнал*. 2023;6(2):155–164. DOI: <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.2.155-164>.
3. Крошкина Л.В. Символ как сопряжение с «самым главным», или вопрос о «методе» Сергея Аверинцева. *Вестник Свято-Филаретовского института*. 2024;16;49(1):232–246. DOI: https://doi.org/10.25803/26587599_2024_49_232
4. Ма Лиши. Символический образ лебедя в русской лингвокультуре. *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2021;7(160):113–117.
5. Петросян М.С. Семантика образа цветка в поэзии Д.Г. Лоуренса. *Материалы межрегиональной научно-практической конференции преподавателей и студентов «Слово. Словесность. Словесник»*. 2016;4:251–254.
6. Humma J.B. The Interpenetrating Metaphor: Nature and Myth in Lady Chatterley's Lover. *PMLA*. 1983;1(98):77–86. DOI: <https://doi.org/10.2307/462074>
7. Lawrence D.H. Phoenix. The Posthumous Papers of D.H. Lawrence. Ed. by E.D. McDonald [orig. 1936]. London: William Heinemann Ltd; 1961.
8. Huxley A. *The Letters of D.H. Lawrence*. London: William Heinemann Ltd; 1956.
9. Lawrence D.H. *Lady Chatterley's Lover*. London: Collector's Library; 2005.
10. Dietz S.T. *The Complete Language of Herbs: A Definitive and Illustrated History*. New York: Wellfleet Press; 2022.
11. Косарева А.А. Арлекинадный гротеск в романе Д. Г. Лоуренса «Любовник леди Чаттерлей». *Научный диалог*. 2023;12(6):228–244. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-228-244.

References

1. Zagidullina D.F. Continuity of common Turkic and Tatar Literature: the Motif of the Native Land. *Kazan Linguistic Journal*. 2021;4(4):499–511. DOI: <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2021.4.4.499-511> (In Russ.)
2. Liu X., Vasilyeva I.E. Color Symbolism in the Story “The Black Monk” by A.P. Chekhov. *Kazan Linguistic Journal*. 2023;6(2):155–164. DOI: <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.2.155-164>. (In Russ.)
3. Kroshkina L.V. The symbol as a conjugation with the “most important” or the question of Sergei Averintsev’s “method”. *Vestnik Svyato-Filaretovskogo instituta*. 2024;16;49(1):232–246. DOI: https://doi.org/10.25803/26587599_2024_49_232 (in Russ.)
4. Ma Lishi. The symbolic image of swan in Russian linguistic culture. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2021;7(160):113–117. (in Russ.)
5. Petrosyan M.C. Semantics of the flower image in D.G. Lawrence's poetry. *Materialy mezhregionalnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii prepodavateley i studentov “Slovo. Slovesnost. Slovesnik”*. 2016;4:251–254. (in Russ.)
6. Humma J.B. The Interpenetrating Metaphor: Nature and Myth in Lady Chatterley's Lover. *PMLA*. 1983;1(98):77–86. DOI: <https://doi.org/10.2307/462074>
7. Lawrence D.H. Phoenix. The Posthumous Papers of D.H. Lawrence. Ed. by E.D. McDonald [orig. 1936]. London: William Heinemann Ltd; 1961.
8. Huxley A. *The Letters of D.H. Lawrence*. London: William Heinemann Ltd; 1956.

9. Lawrence D.H. *Lady Chatterley's Lover*. London: Collector's Library; 2005.
10. Dietz S.T. *The Complete Language of Herbs: A Definitive and Illustrated History*. New York: Wellfleet Press; 2022.
11. Kosareva A.A. Harlequinade grotesque in D.H. Lawrence's Novel "Lady Chatterley's Lover". *Nauchnyi dialog*. 2023;12(6):228–244. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-228-244 (in Russ.)

Автор публикации

Милюков Максим Николаевич – преподаватель
Луганский государственный педагогический университет
Луганск, Россия
Email: drybomb@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0002-7254-1634>

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 02.09.2024
Одобрена после рецензирования: 8.09.2024
Принята к публикации: 15.09.2024

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Author of the publication

Milyukov Maksim Nikolayevich –
Lecturer
Lugansk State Pedagogical University
Lugansk, Russia
Email: drybomb@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0002-7254-1634>

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 02.09.2024
Approved after peer reviewing: 8.09.2024
Accepted for publication: 15.09.2024

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

ФИЛОЛОГИЯ. ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

PHILOLOGY. LANGUAGES OF PEOPLES OF FOREIGN COUNTRIES

Научная статья

УДК 811.581.11

Филологические науки

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.3.312-322>

НЕОЛОГИЗМЫ В КИТАЙСКОМ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ

Чэн Ясин

Шанхайский политико-юридический университет, Шанхай, Китай

yasin.tchen@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4300-4226>

Аннотация. Данная статья посвящена выявлению особенностей неологизмов китайского языка в интернет-коммуникации. Актуальность данного исследования мотивируется возрастающим интересом лингвистов к влиянию интернета и информационных технологий на китайский язык. Изучение китайской интернет-лексики позволяет выявить особенности китайского языка на фонетическом, лексическом и грамматическом уровнях. Объектом настоящей работы являются интернет-неологизмы, которые пользуются большой популярностью среди китайских пользователей сети, предмет исследования – способы образования новых слов в китайском интернет-общении, причины появления неологизмов и их социальные функции. Материалом исследования послужили отобранные методом сплошной выборки интернет-неологизмы, распространённые в китайских соцсетях. В результате проведенного анализа выявлены главные причины образования неологизмов в китайском интернет-дискурсе: а) появление новых реалий в результате социальных изменений; б) распространение коммуникационных платформ; в) инокультурное влияние; г) усиление контроля со стороны правительства над интернетом. Определены особенности и способы образования интернет-неологизмов: сокращение, комбинация различных графических элементов (цифр, иероглифов и латинских букв), фонетическое заимствование, расширение значений существующих слов путем их метафоричного употребления и т.д. Обобщены социальные функции интернет-лексики и ее влияние на развитие китайского языка.

Ключевые слова: интернет-дискурс; интернет-лексика; неологизм; словообразование; китайский язык

Для цитирования: Чэн Ясин. Неологизмы в китайском интернет-дискурсе. Казанский лингвистический журнал. *Казанский лингвистический журнал*. 2024;7(3): 312–322. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.3.312-322>

Original article

Philology studies

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.3.312-322>

NEOLOGISMS IN CHINESE INTERNET DISCOURSE

Chen Yaxing

Shanghai University of Political Science and Law, Shanghai, China

yasin.tchen@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4300-4226>

Abstract. This article is devoted to identifying the features of Chinese neologisms in Internet communication. The relevance of this study is motivated by the increasing interest of linguists in the influence of the Internet and information technology on the Chinese language. The study of Chinese Internet vocabulary allows you to identify the features of the Chinese language at the phonetic, lexical and grammatical levels. The object of this work is Internet neologisms, which are very popular among Chinese netizens, the subject of the study is the ways of forming new words in Chinese Internet communication, the causes of the appearance of neologisms and their social functions.

The material of the study was the Internet neologisms selected by the continuous sampling method, which are common in Chinese social networks. As a result of the analysis, the main reasons for the formation of neologisms in Chinese Internet discourse are identified: a) the emergence of new realities as a result of social changes; b) the spread of communication platforms; c) foreign cultural influence; d) increased government control over the Internet. The features and methods of formation of Internet neologisms are defined: abbreviation, combination of various graphic elements (numbers, hieroglyphs and Latin letters), phonetic borrowing, expansion of the meanings of existing words by their metaphorical use, etc. The social functions of Internet vocabulary and its influence on the development of the Chinese language are summarized.

Keywords: internet discourse; Internet vocabulary; neologism; word formation; Chinese language

For citation: Chen Yaxing. Neologisms in Chinese Internet Discourse. *Kazan Linguistic Journal*. 2024;7(3): 312–322. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.3.312-322>

Стремительное развитие Интернета и информационных технологий в значительной степени способствовало развитию языка интернета, что явно проявляется в популяризации и широком распространении интернет-лексики: «в любом языке в ходе научно-технического прогресса происходят изменения в его различных областях. Наиболее существенные изменения заметны в лексическом строе языка» [1, с. 19].

В Китае интернет появился в 1994 году, а по состоянию на декабрь 2023 года, согласно 53-ему «Статистическому отчёту о состоянии развития Интернета в Китае», опубликованному Китайским информационным интернет-центром (CNNIC), «число пользователей интернета в Китае достигло отметки в 1 миллиард 92 миллиона, по сравнению с декабрем 2022 года число новых пользователей выросло на 24,8 миллиона человек, коэффициент распространения интернета составил 77,5%» [2]. Быстрый рост количества китайских пользователей Интернета способствует расцвету онлайн-коммуникации, в которой активно используются «оригинальные, созданные пользователями китайские новые слова и фразеологизмы; иногда диалектизмы, которые в интернете неожиданно становятся обще-китайскими; нестандартные заимствования из английского языка» [3, с. 22].

В последние годы лингвистическое сообщество уделяет все больше внимания китайской интернет-лексике в следующих аспектах: тенденции развития

китайской интернет-лексики (Лавренюк, 2016; Варламова, Дойкина, 2021; Мусохранова, 2023 и др.); национально-культурная семантика китайской интернет-лексики (Сбоев, 2018; Ларина, 2021; Хафизова, 2022 и др.); функционирование китайской интернет-лексики в различных текстах (Сунь М., Ли Я. 2022; Шальнова, 2024 и др.). В данной статье рассматриваются особенности словообразования китайских интернет-неологизмов и их социальные функции в пространстве китайского интернета.

По нашим наблюдениям, причины появления интернет-неологизмов следующие:

1. Появление новых реалий, понятий в результате изменений или технического прогресса в социальной жизни. Например, на раннем этапе развития китайского интернета (в 1994-1998 гг.) тема новых слов была тесно связана с популяризацией различных интернет-форумов: *楼主* (*lóu zhī*, *прямое значение: хозяин помещения, в интернете: автор темы, топикстартер*); *灌水* (*guàn shuǐ*, *прямое значение: налить воды, в интернете: публиковать много бесполезных постов в интернет-форумах*), *抢沙发* (*qiǎng shā fā*, *прямое значение: отнимать диван, в интернете означает оставить первый пост в форумах*) и др.

2. Широкое распространение и использование коммуникационных систем. Интернетизация и компьютеризация в Китае способствовали созданию многих компьютерных и мобильных платформ для онлайн-общения, таких, как Weibo, Wechat, Titok, Tencent QQ, Bilibili и др. Главный принцип общения в этих платформах является экономия речи, поэтому для быстрого привлечения внимания собеседников и создания эффективного общения в чатах пользователи сети часто употребляют слова и словосочетания в намеренно искаженной форме. Приведем примеры, *社死* (*shè sǐ*, *публичный позор, сокращение словосочетания 社会性死亡*); *爷青回* (*yé qīng huí*, *как будто в юность попал (-ла), сокращение фразы 爷的青春回来了*); *九漏鱼* (*jǔ lòu yú*, *Необразованный, невежественный человек, сокращение словосочетания九年义务教育漏网之鱼*) и др.

3. Иноязычная культура оказывает большое влияние на китайскую общественную жизнь. Нетрудно заметить, что в китайских соцсетях нередко встречаются заимствованные слова, в основном, из английского языка, что может объясняться следующим: во-первых, широко распространяется по всему миру британская и американская культура и рост влиятельных англоязычных СМИ, в таком мнении сходятся и русские исследователи Зорина А.В. [4] и Ильющенко Н.С., Шифрина С.А. [5]; во-вторых, после проведения политики открытости и реформ Китай вступает на путь модернизации и глобализации, и китайское правительство придает большое значение обучению иностранным языкам (особенно английскому языку), поэтому пользователи китайского интернета уже привыкли к тому, что многие английские термины вошли в популярное употребление на китайском языке. Например, *emo* (печальный, грустный, сокращенная форма английского слова *emotional*); *IQ* (Коэффициент интеллекта, сокращенная форма словосочетания *Intelligence quotient*) и др.

4) Усиление управления средой китайской киберпространства. Чтобы взять под контроль идеологию, культуру, моральные стандарты и поведение в сети, в Китае были установлены руководящие принципы, которые включают регулирование интернет-сленга, и возложение большей ответственности на платформы, поэтому «китайские интернет-пользователи научились весьма искусно, иносказательно, двусмысленно и иронично, а также с помощью эвфемизмов, омофонов, мемов общаться на политические темы или темы с негативным содержанием определенное время до их блокировки в сети» [6, с.181].

Самым распространённым видом образования китайских интернет-лексем является сокращение слов. По мнению В. В. Борисова, сокращенные слова являются «единицами устной и письменной речи, созданными из отдельных элементов звуковой или графической оболочки некоторой развернутой формы (слова или словосочетания), с которой данная единица находится в определенной лексико-семантической связи» [7, с.100]. Приведем примеры:

1) сокращение количества иероглифов в словосочетаниях или выражениях **官宣** (*guān xuān*, ‘официально объявить’, полная форма: **官方宣布**); **破防** (*pò fáng*, ‘остро реагировать на что-то’, полное форма: **破除防御**); **社恐** (*shè kǒng*, ‘человек, который боится любых социальных коммуникаций’, сокращение от **社交恐惧症**) и др.;

2) сокращение нескольких устойчивых словосочетаний или выражений, имеющих похожий или связанный смысл, в форме одного слова: **断舍离** (*duàn shè lí*, отказ от всего устаревшего и ненужного в жизни, сокращенная форма от **断开, 舍下, 离开**); **高大上** (*gāo dà shàng*, ‘высший, наилучший и супер-классный’, сокращенная форма трех прилагательных: **高级, 大气, 上档次**), **喜大普奔** (*xǐ dà pǔ bēn*, ‘радостная новость, которой все спешат поделиться’, сокращенная форма от **喜闻乐见, 大快人心, 普天同庆, 奔走相告**¹) и др.

3) сокращение латинских букв или китайских букв пиньиня (звукобуквенный алфавит китайского языка): **LOL** (‘громко, вслух смеясь’, сокращенная форма от выражения *laugh out loud*); **YYDS** (‘непревзойдённый, божоподобный’, сокращенная форма от *yǒng yuǎn de shén* 永远的神); **XSWL** (‘безумно смешно’, сокращенная форма от *xiào sǐ wǒ le* 笑死我了) и др.

Другой эффективный способ образования интернет-лексем – сочетание слов, которые звучат одинаково или похоже. Реализация составления таких новых слов в Интернете обеспечивается тем, что, во-первых, в китайском языке один и тот же звук может соответствовать нескольким иероглифам, поэтому при онлайн-коммуникации ввод иероглифа в неточной словоформе не влияет на понимание смысла сообщения: **夺笋** *duó sǔn* (多损 *duō sǔn*, используют для отрицательной оценки действий человека); **真不错** *zhēn bù chuò* (真不错 *zhēn bù chuò*, ‘неплохо’); **介个** *jiè gè* (这个 *zhè gè*, ‘этот’); **浮力** *fú lì* (福利 *fú lì*, ‘льгота’) и

¹ 喜闻乐见 [*xǐ wén lè jiàn*] – радовать слух и услаждать зрение; 大快人心 [*dà kuài rén xīn*] – вызывать всеобщее чувство удовлетворения; 普天同庆 [*pǔ tiān tóng qìng*] – всеобщее ликование; 奔走相告 [*bēn zǒu xiāng gào*] – спешить поделиться друг с другом.

др. Во-вторых, пользователи сети предпочитают искажать словоформы в целях создания своеобразного комического эффекта и привлечения внимания читателей: *集美jí měi* (姐妹jiě mèi, ‘девушки’); *修勾xiōu gōu* (xiāo gōu, ‘маленькая собачка’) и др.

Интересно отметить, что при составлении новых слов нередко используются арабские цифры, которые читаются по-китайски:

1) сочетания цифр: *1-3-1-4* (*yī sān yī sì*, 一生一世yì shēng yí shì: ‘на веки вечные’), *5-2-0* (*wǔ èr líng*, 我爱你wǒ ài nǐ: ‘я тебя люблю’); *9-4-9-4* (*jiǔ sì jiǔ sì*, 就是就是jiù shì jiù shì: ‘вот и верно’) и др.;

2) сочетания латинских букв и арабских цифр: *3q* (*sān q*, английское выражение *Thank you!*); *U1S1*(*yōu yī shuō yī*: 有一说一yōu yī shuō yī: ‘честно говоря’) и др.;

3) сочетания китайских иероглифов и цифр: *祝99* (*zhù jiǔ jiǔ*, 祝久久zhù jiǔ jiǔ, ‘желать долгих лет счастья’); *6翻了*(*liù fān le*, 潦翻了liù fān le: ‘здраво, клёво’) и др.

Необходимо отметить, что, как и в других языках мира, в состав интернет-лексики китайского языка вошло много англизмов, это связано с тем, что интернет изначально создавался на английском языке. Поэтому нередко при образовании новых интернет-слов используется способ фонетического заимствования: *瑞思拜* (*ruì sī bài*, ‘респект’, фонетическое заимствование английского слова *respect*); *爱豆* (*ài dòu*, ‘кумир’, фонетическое заимствование из английского слова *idol*) и др.

Метафоричное употребление слов также способствует их широкому распространению в китайском интернете. Большинство этих слов уже давно употреблялись в китайском языке, а пользователи сети присвоили им новое метафорическое значение: *奇葩* (*qí pā*, первоначальное значение ‘красивый цветок или великолепное художественное произведение’, в интернете - ‘поведение, которое не поддается пониманию’); *凡尔赛* (*fán ēr sài*, ‘Версаль’, в интернете сло-

во используется для описания людей, которые пытаются незаметно показать своё превосходство) и др.

Следует отметить, что немалое количество слов стало популярными и распространенными в интернет-общении только после того, как они приобрели статус прецедентности, то есть сами стали прецедентными высказываниями или связаны с какими-то прецедентными ситуациями. Известно, что прецедентные единицы представляют собой совокупность знаний и представлений членов определенного лингвокультурного сообщества, и они «редко вводятся целиком, а всегда только в свернутом, сжатом виде – пересказом, фрагментом или же намеком – семиотически» [8, с. 218], что совпадает с лингвистическими причинами активного использования интернет-лексики: «высокая языковая экономия, сжатость, новизна выражения, сохранение высокого темпа речи» [9, с. 58]. Приведем примеры: **内卷** (*nèi juǎn*, прямое значение – ‘инволюция’, в интернете – ‘бессмысленная конкуренция среди молодежи в китайском обществе’); **懂王** (*dǒng wáng*, прозвище Дональда Трампа. В интернете этим словом называют людей, которые не терпят других мнений и любят бескомпромиссно заявлять о своей точке зрения); **PUA** (сокращенная форма *Pick-up Artist*. Обычно это ‘мужчина, который учится с помощью разных уловок привлекать женщин’). В китайском контексте слово имеет негативную окраску и используются как глагол со значением ‘обмануть, манипулировать кем-то’) и др.

По мнению Хуэя Тяньгана, «некоторые семейства слов, появившиеся в Интернете, могут опираться на определенные внешние семантические цепочки, образуют множество слов» [10, с.209]:

打工人 (*dǎ gōng rén*: ‘работяга, труженик’).

工具人 (*gōng jù rén*: человек-инструмент – это ‘человек, к которому обращаются, только когда нужна помощь’).

干饭人 (*gān fàn rén*: ‘обжора, лакомка’).

祖安人 (*zǔ ān rén*: ‘человек, который хамит в интернете’).

云空间 (*yún kōng jiān*: ‘облачное хранилище’).

云旅游 (*yún lǚ yóu*: ‘виртуальный туризм’).

云吸猫 (*yún xī māo*, ‘завести кота в облаке или онлайн’: те, кто не имеет возможности завести кошку, вынуждены довольствоваться рассматриванием фото и видео с этими грациозными животными).

Наблюдение над сайтами (форумами и чатами) показывает, что, во-первых, новые интернет-слова чаще всего активно используются среди молодых пользователей сети, которые легко воспринимают новое и предпочитают новый образ жизни; во-вторых, большинство таких слов используется только в определенный период и быстро переходят в пассивное употребление, причина этого видится в том, что 1) в интернете бурными темпами развивается и обновляется информация об изменениях в окружающей среде *火神山* (*huǒ shén shān* ‘полевой госпиталь экстренной помощи, построенный в период с 23 января по 2 февраля 2020 года для борьбы с пандемией COVID-19’); 2) некоторые слова образуются с нарушением закономерностей и правил грамматики китайского языка, такие слова не обладают лингвистической и социальной ценностью: *绝绝子* (*jué jué zi*, ‘супер, отлично’, данное слово понимается только в определенном контексте) и др. В-третьих, на страницах китайского интернета активно функционируют много новых слов, но далеко не все эти слова могут быть поняты всем пользователям без специальных пояснений, что на самом деле препятствует их распространению: *吃鸡* (*chī jī*, дословный перевод: ‘есть курицу’, в интернете – ‘играть в игру «Поле битвы»’) и др.

Следует отметить, образованные пользователями сети новые интернет-слова выполняют не только развлекательную, коммуникативную, но и познавательную и развивающую функции. Во-первых, цель образования и активное использование интернет-лексики заключается не только в обозначении новых предметов и понятий (например, *佛系* *fó xì*: ‘буддо-подобный’, данное слово используется для описания молодых людей, которые равнодушны к жизни из-за

большой конкуренции в китайском обществе), но и в получении эстетического удовлетворения при онлайн-общении (显眼包 *xiǎn yǎn bāo*: ‘человек, который любит очень ярко вести себя на публике, шутить, красоваться’).

Во-вторых, при образовании интернет-неологизмов нередко используются редкие китайские слова (иероглифы), что заставляет пользователей сети интересоваться пониманием смысла этих слов и затем углубленно их изучать (например, мало распространенные слова в современном китайском языке *𠂇* *jiōng*: первоначальное значение: ‘свет, светло’, данный иероглиф похож на лицо расстроенного человека, поэтому используется для выражения смущения, неловкости; *呆* *méi*, данный иероглиф состоит из двух иероглифов *呆* *dāi* ‘глупый’, в интернете используется для описания глупого, или наивного человека и др.).

В-третьих, в процессе создания и понимания новообразований в интернете активно развивается ассоциативное и логическое мышление пользователей: *嘴替* (дословный перевод: ‘замена рта’, в интернете – ‘человек, который выразил ту мысль, что ты сам не смог или не посмел выразить’); *躺平* (*tǎng píng*, ‘лежать плашмя’, используется для обозначения равнодушного отношения некоторых людей к жизни: ‘ничего не делать’, ‘не сопротивляться’) и др.

Несмотря на популяризацию новых интернет-слов среди китайских пользователей сети, их активное использование вызывает и ряд проблем: 1) в образовании интернет-лексики участвуют не только специалисты по языку, но и пользователи разных возрастов и социальных групп, поэтому эти новообразования могут быть вульгарными и неучтивыми; 2) масштабное использование в соцсетях неудачно образованных интернет-слов приводит к их постепенному проникновению в другие сферы социальной жизни пользователей, что поставило «здоровое» развитие китайского литературного языка под угрозу; 3) наблюдается явная тенденция к увеличению числа молодых пользователей китайского Интернета, а «компьютерный ввод иероглифа, предполагающий не написание иероглифического знака рукой, а лишь выбор нужного элемента из предложен-

ного системой списка, снижает письменные навыки у молодежи и сводит знание китайского письма к пассивному распознаванию печатных знаков» [11, с.85].

Таким образом, новая интернет-лексика представляет собой специфический пласт лексики, который обладает высокой жизнеспособностью и оказывает неигнорируемое влияние на современную китайскую лексическую систему. Изучение китайской интернет-лексики позволяет выявить особенности современного словообразования в китайском языке и наиболее значимые для современных пользователей китайского интернета социально-культурные явления.

Список литературы

1. Воронина М.К., Глушкива С.Ю., Хайрутдинов Р.Р. Тенденции развития китайской Интернет-лексики. *Казанский вестник молодых учёных*. 2019; Т.3,3(11):19–27.
2. Статистический отчёт о состоянии развития Интернета в Китае. 29.03.2024 URL: <https://www3.cnnic.cn/6/86/88/index.html> [Дата обращения: 12.07.2024].
3. Завьялова О.И. Языковая политика и языковые ресурсы в китайском интернете. *Восточная Азия: факты и аналитика*. 2020;1:19–33.
4. Зорина А.В. Англицизмы в современном русском языке (на примере интернет-лексики). *Казанский лингвистический журнал*. 2018;2(1):5–14.
5. Ильющенко Н.С., Шифрина С.А. Спортивные англицизмы в современном русском языке. *Казанский лингвистический журнал*. 2024;7(2):203–212. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.2.203-212>
6. Люлина А.Г., Ефименко Е.С. Интернет-цензура в современном Китае: жесткий контроль и гибкая система урегулирования. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история*. 2022;2(14):175–188.
7. Борисов В.В. *Аббревиация и акронимия*. М.: Воениздат; 1972.
8. Караулов Ю.Н. *Русский язык и языковая личность*. Изд. 7-е. М.: Издательство ЛКИ; 2010.
9. Синишина О.О. Интернет-лексика в современном китайском языке. *Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение*. 2014; 3: 57–63.
10. Хуэй Тяньган, Обзор тенденций в словообразовании Интернет-лексики. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика*. 2010;2: 202–213.
11. Кислов А.В., Колпачкова Е.Н. Влияние интернета на современный китайский язык. *Компьютерная лингвистика и вычислительные онтологии*. 2017;1:72–86.

References

1. Voronina M. K., Glushkova S. Iu., Khairutdinov R. R. Trends in the development of Chinese Internet vocabulary. *Kazanskii vestnik molodykh uchenykh*. 2019; V. 3, 3 (11):19–27. (In Russ.)
2. Statistical Report on the Development of China's Internet Network. 29.03.2024. Available from: <https://www3.cnnic.cn/6/86/88/index.html> [accessed 12.07.2024]. (In Chinese.)
3. Zav'ialova O.I. Language policy and language resources on the Chinese Internet. *Vostochnaia Aziia: fakty i analitika*. 2020;1:19–33.
4. Zorina A.V. Anglicisms in modern Russian (using the example of Internet vocabulary). *Kazan Linguistic journal*. 2018;2(1):5–14. (In Russ.)

5. Il'yushchenko N.S., Shifrina S.A. Sports Anglicisms in modern Russian. *Kazan Linguistic journal*. 2024;7(2):203–212. (In Russ.) <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.2.203-212>
6. Liulina A.G., Efimenko E.S. Internet censorship in modern China: strict control and flexible settlement system. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Vseobshchaya istoriya*. 2022; 2(4): 175–188. (In Russ.)
7. Borisov V.V. *Abbreviation and acronyms*. M.: Voenizdat; 1972. (In Russ.)
8. Karaulov Iu. N. *Russian language and linguistic personality*. Izd. 7-e. M.: Izdatel'stvo LKI; 2010. (In Russ.)
9. Sinishina O.O. Internet vocabulary in the modern Chinese language. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 13: Vostokovedenie*. 2014;3:57–63. (In Russ.)
10. Khuei Tian'gan, Overview of trends in the word formation of Internet vocabulary. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Vostokovedenie i afrikanistika*. 2010;2:202–213. (In Russ.)
11. Kislov A.V., Kolpachkova E.N. The influence of the Internet on the modern Chinese language. *Komp'iernaya lingvistika i vychislitel'nye ontologii*. 2017;1:72–86. (In Russ.)

Автор публикации

Чэн Ясин –
старший преподаватель кафедры русского языка
Шанхайский политико-юридический университет
Шанхай, Китай
Email: yasin.tchen@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4300-4226>

Author of the publication

Chen Yaxing –
Senior lecturer of the Russian Language Department
Shanghai University of Political Science and Law
Shanghai, China
Email: yasin.tchen@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4300-4226>

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 16.08.2024
Одобрена после рецензирования: 29.08.2024
Принята к публикации: 10.09.2024

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Conflicts of Interest Disclosure
The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 16.08.2024
Approved after peer reviewing: 29.08.2024
Accepted for publication: 10.09.2024

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

Информация о рецензировании
«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА PHILOLOGY. THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE LINGUISTICS

Научная статья
УДК 81`366.58

Филологические науки
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.3.323-334>

ГРАММАТИКАЛИЗАЦИЯ ГЛАГОЛЬНОГО ВРЕМЕНИ И ВИДА В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ

A.P. Айметдинов

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань,
Республика Татарстан, Россия
aymetdinov@gmail.com, https://orcid.org/0009-0009-9500-1121

Аннотация. В данной статье изучается грамматикализация глагольного времени и вида в разноструктурных языках: русском (синтетический флексивный), английском (аналитический флексивный) и японском (агглютинативный). Анализ проводится с позиций степени грамматикализации, а именно соотношения синтетических и аналитических конструкций, грамматикализованности конкретных глаголов и представленности отдельных видовых и временных категорий. В ходе анализа было выявлено, что для русского языка характерно малое количество конструкций и высокая степень их синтетичности, а также низкое разнообразие категорий и грамматикализованных лексических единиц, в то время как для английского и японского языков была характерна обратная тенденция – большое количество конструкций и высокая степень их аналитичности с одной стороны и высокое разнообразие категорий и грамматикализованных лексических единиц – с другой. При этом было обнаружено, что сходства между английским и японским языками несут скорее количественный, чем качественный характер. На основе полученных данных мы пришли к выводу, что грамматикализация глагольного времени и вида в русском языке несет интенсивный характер, а в английском и японском – экстенсивный, и что эти различия определяются морфосинтаксической структурой этих языков.

Ключевые слова: грамматикализация; глагольное время; глагольный вид; русский язык; английский язык; японский язык

Для цитирования: Айметдинов А.Р. Грамматикализация глагольного времени и вида в разноструктурных языках. *Казанский лингвистический журнал*. 2024;7(3):323–334.
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.3.323-334>

Original article

Philology studies
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.3.323-334>

THE GRAMMATICALIZATION OF VERB TENSE AND ASPECT IN LANGUAGES WITH DIFFERENT STRUCTURES

A.R. Aymetdinov

Kazan Federal University, Kazan, Russia
aymetdinov@gmail.com, https://orcid.org/0009-0009-9500-1121

Abstract. In this article, the grammaticalization of verb tense and aspect in languages with different structures is studied. The languages include Russian (synthetic inflectional), English (analytic inflectional), and Japanese (agglutinative). The analysis is carried out with respect to the degree of grammaticalization, i.e. the ratio of analytical and synthetic structures, the grammaticalization of particular verbs, and the existence of particular aspect and tense categories. During the anal-

ysis it has been discovered that the Russian language has few structures and a high degree of their syntheticity, as well as a low variety of categories and grammaticalized lexical items, while the English and Japanese languages have an opposite tendency with a high number of structures and a high degree of their analyticity on the one hand and a high variety of categories and lexical items on the other. At the same time, it has been discovered that the similarities between the English and Japanese languages are quantitative rather than qualitative. Based on our findings we came to the conclusion that the grammaticalization of verb aspect and tense in the Russian language can be characterized as intensive and in the English and Japanese languages – as extensive, and that these differences are the result of the morphosyntax of these languages.

Keywords: grammaticalization; verb tense; verb aspect; the Russian language; The English language; the Japanese language

For citation: Aymetdinov A.R. The Grammaticalization of Verb Tense and Aspect in Languages with Different Structures. *Kazan Linguistic Journal*. 2024;7(3): 323–334. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.3.323-334>

Грамматикализация – это необратимое изменение лексической единицы в грамматическую. В силу природы этого явления многие работы на эту тему диахронические, в них изучается путь грамматикализации конкретной конструкции. В данной же работе мы хотим представить иной угол обзора данной проблемы – синхронический анализ степени грамматикализации грамматических категорий в языках с разной морфосинтаксической структурой.

Для анализа мы выбрали категории глагольного времени и вида в русском, английском и японском языках. Категории времени и вида часто рассматриваются вместе в силу их тесной взаимосвязанности. Выбор языков же был обусловлен четкими различиями в их структуре.

В рамках данной работы мы поделили конструкции на аналитические и синтетические и рассматривали степень грамматикализации категории в каждом языке как соотношение количества аналитических и синтетических конструкций. В ходе анализа мы также рассмотрели количество и разнообразие конструкций и состав лексических аналогов вспомогательных слов в аналитических конструкциях.

Для некоторых конструкций были представлены примеры употребления. Примеры на русском языке были взяты из Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [1], на английском – из корпуса под названием «Corpus of Global

Web-Based English» (GloWbE) [2], а на японском – из корпуса под названием «Balanced corpus of contemporary written Japanese» (BCCWJ) [3].

Грамматика глагола в русском языке включает в себя 3 времени (прошедшее, настоящее и будущее) и 2 основных вида, которые можно представить в виде следующей таблицы (Таблица 1):

Таблица 1. Видовременные формы в русском языке.

	Совершенный вид	Несовершенный вид
Прошедшее время	<i>сделал</i>	<i>делал</i>
Настоящее время	-	<i>делаю</i>
Будущее время	<i>сделаю</i>	<i>буду делать</i>

Из таблицы ясно видно, что среди 5 возможных форм есть только 1 аналитическая – форма будущего времени несовершенного вида. Все остальные же – синтетические.

Обе формы совершенного вида могут быть образованы с помощью морфем. При этом многие морфемы дают глаголу дополнительное видовое значение, но такой вид аспектуальности является лексическим, а не грамматическим [4, с. 21-22], поэтому в рамках данной работы разнообразие этих значений рассматриваться не будет.

Среди рассмотренных форм можно выделить только одну аналитическую форму, с вспомогательным глаголом «*быть*».

Помимо основных рассмотренных видовременных форм можно рассмотреть способ выражения будущего времени формой настоящего времени [5, с. 75].

(1) Я вечером *иду* в театр и хотела поехать на своей машине. [НКРЯ]

Другим дополнительным способом выражения будущего времени является аналитическая конструкция с глаголом «*стать*».

(2) Уверен, что кто-то попросит рассказать обо всем поподробнее, но умышленно *не стану* этого *делать*. [НКРЯ]

Примечательной особенностью этой конструкции является дополнительное значение индоативности или ингрессивности [6, с. 75].

Так, мы выделили 7 конструкций, выражающих категории вида и времени, среди них только 2 аналитические с вспомогательными глаголами «быть» и «стать».

Грамматика глагола в английском языке включает в себя 3 времени (прошедшее, настоящее и будущее) и 4 основных вида (простой, длительный, совершенный и совершенно-длительный). Все 12 видовременных форм могут быть представлены в виде таблице ниже (Таблица 2).

Таблица 2. Видовременные формы в английском языке

	Простой вид	Длительный вид	Совершенный вид	Совершенно-длительный вид
Прошедшее время	<i>did</i>	<i>was/were doing</i>	<i>had done</i>	<i>had been doing</i>
Настоящее время	<i>do/does</i>	<i>am/is/are doing</i>	<i>have/has done</i>	<i>have/has been doing</i>
Будущее время	<i>will do</i>	<i>will be doing</i>	<i>will have done</i>	<i>will have been doing</i>

Среди представленных 12 форм обнаруживаются всего 2 синтетические: прошедшее и настоящее время простого вида. Все остальные же формы аналитические, причем для будущего времени используется глагол «*to will*», для длительного вида – глагол «*to be*», для совершенного – глагол «*to have*» и для совершенно-длительного – сложная конструкция с глаголами «*to be*» и «*to have*».

Здесь также важно отметить, что для форм прошедшего и настоящего времени простого вида также характерен аналитизм, проявляющийся в вопросительных («*Does she do...?*») и отрицательных формах («*She does not do...?*»). При этом вспомогательным глаголом является глагол «*to do*».

Помимо рассмотренных 12 видовременных форм можно выделить ряд дополнительных конструкций, например, использование формы длительного вида настоящего времени для обозначения близлежащего будущего [7, с. 121].

(3) *We are going to movies tonight, and I will make sure...* [GloWbE]

Еще одной конструкцией выражения будущего времени со схожей конnotation является конструкция «*to be going to do*».

(4) And anyway, if we're going to use expressions like... [GloWbE]

Здесь в роли вспомогательного используется глагол движения «*to go*». В отличие от предыдущей конструкции, здесь есть акцент на намерении совершить действие [8, p. 36-37].

В дополнение к приведенным выше 2 конструкциям в английском языке можно выделить также аналитическую грамматическую конструкцию «*to come to do*».

(5) Over time, I've come to realize that my particular path... [GloWbE]

В данном случае глагол «*to come*» явно не имеет своего лексического значения «приходить», а используется для придания конструкции значения начала действия (индоатив или ингрессив) [9, p. 44].

Еще одна аналитическая видовременная конструкция – это «*used to do*».

Данная конструкция используется для выражения состояния или регулярно выполняемого действия в прошлом [10, с. 164-165].

(6) A friend of mine *used to work* for one of the big food tech companies [GloWbE]

Так, мы выделили 16 видовременных конструкций. Среди них синтетическими оказались 2, остальные же 14 оказались аналитическими. Вспомогательные слова в аналитических конструкциях были представлены глаголами «*to be*», «*to do*», «*to have*», «*to come*», «*to go*» и «*to use*».

В японском языке обычно выделяют 2 времени: прошедшее и непрошедшее. К базовым категориям вида можно отнести длительный и совершенный вид, а также основную форму глагола, которая имеет неокрашенное значение.

Форма непрошедшего времени в японском языке оформляется с помощью инфинитивной формы глагола, оканчивающейся на звук «-и» («*oyogi* – ‘плыть’»), а форма прошедшего времени – с помощью окончания «-ta/-da» («*oyoida* – ‘проплыл’», «*shita* – ‘сделал’»).

Форма совершенного вида оформляется конструкцией «-te aru» для переходных глаголов и «-te iru» – для непереходных («kaite aru – ‘написано’» «aite iru – ‘открыто’»), где «aru» и «iru» – это глаголы бытия для неодушевленных и одушевленных предметов соответственно.

Форма длительного вида также оформляется аналитически с помощью конструкции «-te iru», с тем же глаголом «iru», что и в предыдущей конструкции («oyoide iru – ‘плываю/плыву’»).

В дополнение к этим четырем конструкциям в японском языке также можно выделить дополнительные конструкции, выражающие разные аспектуальные значения. Одной из таких конструкция является «-te miru». Данная конструкция имеет коннативное значение [11, р. 2-3].

- (7) *saifuno nakano kingakuwo kazoete mite bikkuri...*

Попробовав посчитать количество денег внутри кошелька удивился... [BCCWJ]

Вспомогательное слово в этой конструкции – глагол «miru», 'смотреть'.

Другой аспектуальной конструкцией является конструкция «-te oki», имеющая значение предварительного или подготовительного действия [12, р. 100-101].

- (8) *sukoshi, benkaishite oita houga iikana, to omoimashite...*

Подумал, что лучше будет заранее объяснить немного... [BCCWJ]

Здесь вспомогательным словом является глагол «oki», 'класть, убирать'.

Следующая аспектуальная конструкция – это «-te shimaui». У нее есть два значения: полностью завершенное действие и случайное действие или происшествие [12, р. 100-102].

- (9) *korede nisatsu yonde shimaishitanode, nokorino issatsuha...*

Так как я таким образом прочитал два тома, оставшийся один... [BCCWJ]

- (10) *annani renshuushitemo misushite shimaundesune.*

Даже несмотря на столько практики, к сожалению, совершаю ошибки.
[BCCWJ]

И то, и другое значение вписываются в рамки грамматического вида, поэтому мы рассмотрим их как две отдельные конструкции. Вспомогательным глаголом здесь выступает «*shimau*» – ‘завершать, убирать’.

Последняя пара японских видовых конструкций, которые мы выделили в данной работе – это конструкции «-te *iku*» и «-te *kuru*», где «*iku*» означает ‘идти, уходить’, а «*kuru*» – ‘приходить’. Первая означает постепенное изменение, которое начинается в определенный момент времени [13, р. 12], а вторая – изменение, которое произошло к определенному моменту времени [13, р. 19-20].

- (11) maa sukoshizutsu ii houkouni *kaete iku* doryokuwo shimashou.

Ну, давайте постараемся *начать менять* направление к лучшему.

[BCCWJ]

- (12) haresouna osorani *natte kitawa*.

Похоже, небо *стало ясным*. [BCCWJ]

Так, в японском языке мы выделили 2 формы, выражающие время и 8 – выражающих вид. Среди всех 10 форм синтетическими оказались только 2, остальные же 8 оказались аналитическими. В аналитических формах использовались вспомогательные глаголы «*iru*», «*aru*», «*miru*», «*oku*», «*shimau*», «*iku*» и «*kuru*».

Анализ рассмотренных форм мы начнем с разнообразия категорий, существующих в каждом языке. Для удобства приведем все эти категории в виде таблицы (Таблица 3).

Таблица 3. Представленность отдельных видовых и временных категорий

в рассматриваемых языках.

		Русский	Английский	Японский
Время	Прошедшее	+	+	+
	Настоящее	+	+	-
	Будущее	+	+	-
	Непрошедшее	-	-	+
Вид	Совершенный/ Результатив	+	+	+
	Несовершенный/ Длительный	+	+	+

Совершенно-длительный	-	+	-
Простой/ Хабитуалис	-	+	-
Инхоатив/ Ингрессив	+	+	+
Терминатив	-	-	+
Коннатив	-	-	+
Случайное действие	-	-	+
Предварительное действие	-	-	+

Общее количество категорий в трех языках оказалось довольно близким: 6 категорий в русском языке, 8 – в английском и 9 – в японском. Можно сказать, что наименьшее разнообразие показал русский язык, что закономерно, если учесть общее количество видовременных конструкций, которое нам удалось для него выделить (7). Хотя в английском языке мы выделили наибольшее количество конструкций (16), эти конструкции в основном представляли собой комбинации времен и видов. Японский язык проявил наибольшее разнообразие категорий несмотря на меньшее количество выделенных конструкций (10). Это обусловлено тем, что в японском языке у нас не было нужды рассматривать конкретные комбинации вида и времени в силу его агглютинативности.

Рассматривая сходства можно заметить, что во всех трех языках прослеживаются категории прошедшего времени, совершенного вида, несовершенного вида и инхоатива/ингрессива, что может указывать на распространенность этих категорий независимо от морфосинтаксической структуры языка.

Далее мы хотели бы рассмотреть степень синтетизма категории вида и времени. Для этого мы представим соотношение аналитических и синтетических конструкций в рассматриваемых языках в виде диаграммы ниже (Диаграмма 1).

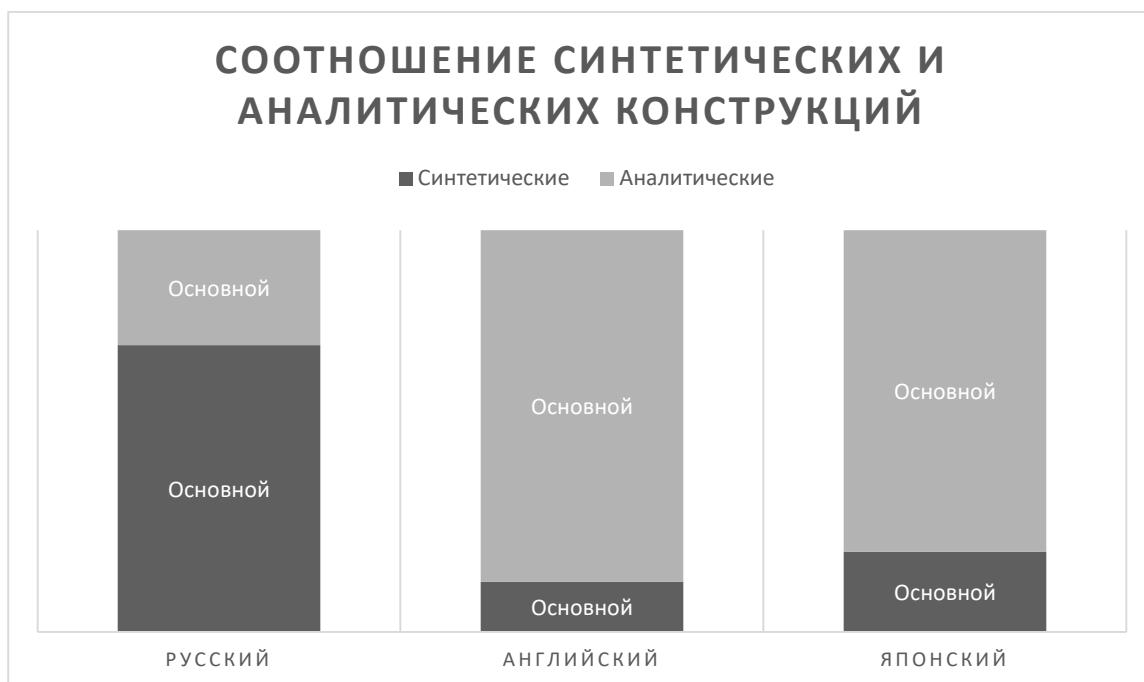

Диаграмма 1. Соотношение аналитических и синтетических конструкций в рассматриваемых языках.

Из диаграммы отчетливо видно, что наибольший синтетизм проявили конструкции в русском языке (71,4%), а наименьший – в английском (12,5%), хотя разница между английским и японским (20%) при этом не такая большая.

Высокая степень синтетизма в русском и малая – в английском ожидаемы исходя из их морфосинтаксических структур, но столь низкая степень синтетизма в японском языке может показаться неожиданной для агглютинативного языка. На наш взгляд это может быть обусловлено тем фактом, что в японском языке большинство рассмотренных аналитических конструкций имеют узкое значение, которое часто может быть заменено аспектуально неокрашенной основной формой глагола.

И наконец, мы хотели бы рассмотреть грамматикализацию конкретных глагольных единиц в рассматриваемых языках. Для удобства мы представили данные в таблице ниже (Таблица 4).

Таблица 4. Грамматикализация конкретных глагольных единиц в рассматриваемых языках.

	Русский	Английский	Японский
'быть'	+	+	+

'становиться'	+	-	-
'делать'	-	+	-
'хотеть'	-	+	-
'использовать'	-	+	-
'идти/ходить'	-	+	+
'приходить'	-	+	+
'смотреть'	-	-	+
'класть'	-	-	+
'заканчивать'	-	-	+

Наименьшее количество грамматикализованных глаголов в рамках глагольных времен и вида проявил русский язык (2), что обусловлено его высокой синтетичностью. Английский и японский показали равное количество (6). Единственный глагол, прошедший грамматикализацию во всех трех языках – это глагол 'быть'. Дейктические глаголы движения прошли грамматикализацию в английском, и в японском.

Исходя из данных Таблицы 3, Таблицы 4 и Диаграммы 1 можно прийти к следующим выводам. Количественно обнаруживаются сходства между английским и японским языками. Оба проявили высокую степень аналитичности и высокое разнообразие грамматических категорий грамматикализованных глаголов. Качественно же эти два языка имеют серьезные различия как в самих категориях, представленных в них, так и в значениях глаголов, прошедших грамматикализацию. Это различие между количественными и качественными признаками может быть обусловлено сходством уровня аналитизма морфосинтаксической структуры с одной стороны и различием лексического наполнения, региональной представленностью и менталитетом народов-носителей этих языков – с другой.

Значительные количественные и качественные различия между русским и двумя другими языками в свою очередь можно охарактеризовать как тенденцию русского языка к интенсивной грамматикализации, т.е. продвижению грамматикализации существующих конструкций. С другой стороны, грамматикализацию в английском и японском языках можно охарактеризовать как экс-

тенсивную, т.е. направленную на появление новых конструкций, нежели продолжения грамматикализации старых.

Список литературы

1. Национальный корпус русского языка. 2003–2024. URL: ruscorpora.ru [Дата обращения: 22.04.2024]
2. Corpus of Global Web-Based English, 2013 URL: <https://www.english-corpora.org/glowbe/>. [Дата обращения: 25.04.2024]
3. Maekawa K., Yamazaki M., Ogiso T. et al. Balanced corpus of contemporary written Japanese. *Language Resources and Evaluation* 2014;48(2):345–371. <https://doi.org/10.1007/s10579-013-9261-0>.
4. Климонов В.Д. Лексическая аспектуальность в русском языке: концептуальная презентация и категоризация. *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2005;1(004):21–25.
5. Егоров Д.С. Функциональные особенности транспозиции глагольных форм настоящего времени в контексте будущего времени в современном русском языке. *Филология и культура*. 2014;4(38):75–78.
6. Шевелёва М.Н. О конкурирующих конструкциях в истории формирования сложного будущего в русском языке. *Вестник Московского университета*. 2021;6:69–81.
7. Pereira S., Guterres C.F., Bui J. The students' ability of using present continuous tense. *Journal of Innovative Studies on Character and Education*. 2020;4(1):117–126.
8. Tagliamonte S. A., Durham M., Smith J. Grammaticalization at an early stage: future 'be going to' in conservative British dialects. *English Language and Linguistics*. 2014;18(1):75–108. <https://doi.org/10.1017/s1360674313000282>
9. Mindt I. The diachronic development of 'come to V'. *Silesian Studies in English* 2015; 2016; 38–59.
10. Сергеева Е.В., Хисонопуло Е.Ю. Дискурсивные функции служебных предикатов в составе конструкций прошедшего времени в современном английском языке. *Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований*. 2008;2(4):162–166.
11. Mori H. Modality and reanalyzed structure of V-te-miro conditional imperatives. *Gengo Kenkyu*. 2014;145:1–26. (на яп.)
12. Kondo K. An inquiry into the grammaticalization process of Japanese auxiliary verbs: With special reference to -te shimau and -te oku. *Studies in Language Sciences: Journal of the Japanese Society for Language Sciences*. 2014;13:96–123.
13. Yui K. The process of abstraction of Japanese verb meanings: an analysis of verbs 'iku', 'kuru' and 'miru' *Memoirs of the Faculty of Letters, Osaka University*. 1996;36:1–29. (на яп.)

References

1. The Russian National Corpus. 2003–2024. Available from: ruscorpora.ru [accessed: 22.04.2024] (in Russ.)
2. Corpus of Global Web-Based English, 2013. Available from: <https://www.english-corpora.org/glowbe/>. [accessed: 25.04.2024]
3. Maekawa K., Yamazaki M., Ogiso T. et al. Balanced corpus of contemporary written Japanese. *Language Resources and Evaluation* 2014;48(2):345–371 <https://doi.org/10.1007/s10579-013-9261-0>.
4. Klimonov V.D. Lexical aspect in Russian: conceptual representation and categorization. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*. 2005;1(004):21–25. (in Russ.)
5. Egorov D.S. Functional features of verb form transposition (present into the future) in the modern Russian language. *Filologiya I Kultura*. 2014;4(38):75–78. (in Russ.)

6. Sheveleva M.N. On the competing constructions in the history of analytical future formation in Russian. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. 2021;6:69–81. (in Russ.)
7. Pereira S., Guterres C.F., Bui J. The students' ability of using present continuous tense. *Journal of Innovative Studies on Character and Education*. 2020;4(1):117–126.
8. Tagliamonte S. A., Durham M., Smith J. Grammaticalization at an early stage: future 'be going to' in conservative British dialects. *English Language and Linguistics*. 2014;18(1):75–108. <https://doi.org/10.1017/s1360674313000282>
9. Mindt I. The diachronic development of 'come to V'. *Silesian Studies in English* 2015; 2016;38–59.
10. Sergeeva E.V., Khisonopulo E.Yu. Discourse functions of auxiliary verbs within past tense structures in the modern English language. *Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований*. 2008;2(4):162–166. (in Russ.)
11. Mori H. Modality and reanalyzed structure of V-te-miro conditional imperatives. *Gengo Kenkyu*. 2014;145:1–26. (in Jap.)
12. Kondo K. An inquiry into the grammaticalization process of Japanese auxiliary verbs: With special reference to -te shima and -te oku. *Studies in Language Sciences: Journal of the Japanese Society for Language Sciences*. 2014;13:96–123.
13. Yui K. The process of abstraction of Japanese verb meanings: an analysis of verbs 'iku', 'kuru' and 'miru' *Memoirs of the Faculty of Letters, Osaka University*. 1996;36:1–29. (in Jap.)

Автор публикации

Айметдинов Альберт Радикович –

ассистент

Казанский федеральный университет

Казань, Республика Татарстан, Россия

Email: aymetdinov@gmail.com

<https://orcid.org/0009-0009-9500-1121>

**Раскрытие информации о конфликте
интересов**

Автор заявляет об отсутствии
конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 7.05.2024

Одобрена после рецензирования: 15.05.2024

Принята к публикации: 28.05.2024

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Author of the publication

Aymetdinov Albert Radikovich –

Assistant

Kazan Federal University

Kazan, Republic of Tatarstan, Russia

Email: aymetdinov@gmail.com

<https://orcid.org/0009-0009-9500-1121>

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 7.05.2024

Approved after peer reviewing: 15.05.2024

Accepted for publication: 28.05.2024

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

**ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И
СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА
PHILOLOGY. THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE
LINGUISTICS**

Научная статья

УДК 81'42+81'373

Филологические науки

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.3.335-344>

**МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ СПОРТИВНЫЙ ДИСКУРС: СПЕЦИФИКА
ЛЕКСИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ**

N.H. Бобырева

*Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань,
Республика Татарстан, Россия*

Nathalienb@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-4680-7902

Аннотация. Целью статьи является раскрытие лексических особенностей современного англоязычного междисциплинарного спортивного дискурса. Исследование осуществлено на материале трех текстов научного стиля: учебника по математике и анализе в области спорта, коллективной монографии по спортивному праву и энциклопедии по спортивной медицине общим объемом 470 933 словоупотребления. Актуальность исследования обусловлена устойчивым научным и социальным интересом к разнообразным аспектам спорта и собственно научно-лингвистическим интересом к лексическому наполнению текстов, посвященных проблемам данной предметной сферы. На настоящий момент в лингвистике недостаточно освещена специфика междисциплинарных спортивных текстов и не манифестируется их статус. Подчеркивается важность описания целей, предмета и участников коммуникации, анализа функционирующих языковых средств. Основными методами исследования выступили методы семантического и контекстуального анализа, дескриптивный метод. Описывается взаимодействие спортивного дискурса с математическим, медицинским и юридическим дискурсами. Терминологические единицы представлены как ключевые смысловые лексемы. Выделяются общенаучные, отраслевые (математические, медицинские, юридические) и собственно спортивные термины. Приводятся примеры из исследуемых текстов, иллюстрирующие функционирование лексических единиц, использующихся для передачи понятий, значимых с точки зрения информационной и коммуникативной функций текстов.

Ключевые слова: спортивный дискурс; междисциплинарный дискурс; профессиональный дискурс; организация текста; спортивная терминология; термин

Для цитирования: Бобырева Н.Н. Междисциплинарный спортивный дискурс: специфика лексической организации. *Казанский лингвистический журнал*. 2024;7(3):335–344. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.3.335-344>

Original article

Philology studies

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.3.335-344>

**INTERDISCIPLINARY SPORTS DISCOURSE: SPECIFICS OF LEXICAL
ORGANIZATION**

N.N. Bobyрева

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Republic of Tatarstan, Russia

Nathalienb@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-4680-7902

Abstract. The purpose of the article is to reveal the lexical features of modern English interdisciplinary sports discourse. The study was carried out on the basis of three scientific texts: a textbook on sports mathematics and sports analytics, a collective monograph on sports law and a

sports medicine encyclopedia, the total number of word uses is 470,933. The relevance of the study is due to the stable scientific and social interest in various aspects of sports and the actual linguistic interest in the lexical content of texts devoted to the problems of this subject area. At the moment, the specifics of interdisciplinary sports texts are not sufficiently covered in linguistics and their status has not been investigated. The importance of describing the goals, subject and participants of communication, and analyzing the functioning language means is emphasized. The main research methods were those of semantic and contextual analysis and the descriptive method. The interaction of sports discourse with mathematical, medical and legal discourses is described. Terminological units are presented as key semantic lexemes. General scientific terms, terms of concrete fields (mathematical, medical, legal) and sports terms are distinguished. Examples are given from the texts under study, illustrating the functioning of lexical units used to convey concepts that are significant from the point of view of the information and communicative functions of the texts.

Keywords: sports discourse; interdisciplinary discourse; professional discourse; text organization; sports terminology; term

For citation: Bobyрева Н.Н. Interdisciplinary Sports Discourse: Specifics of Lexical Organization. *Kazan Linguistic Journal*. 2024;7(3): 335–344. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.3.335-344>

Многогранность спортивного дискурса определяется многообразием задач, решаемых в процессе коммуникации в сфере спорта. Таковыми выступают: передача новостной информации, сообщение прогнозов и обмен мнениями о спортивных соревнованиях, описание разнообразных спортивных реалий, фиксация правил, а также изложение и анализ научных достижений, актуальных для спорта. Спортивный дискурс входит в национальную картину мира, поскольку он широко распространен в социуме и реализует разнообразные ситуации общения [1]. Широкий спектр поднимаемых вопросов и раскрываемых тем, участие специалистов разных профилей в коммуникативном процессе обусловливают сложность организации спортивного дискурса, его комплексный характер. В научных публикациях языковедов поднимается вопрос о статусе спортивного дискурса как институционального [2]. Спортивный дискурс реализован как совокупность научных, энциклопедических, учебных, деловых и медийных текстов, генерируемых членами дискурсообразующего сообщества в процессе предметно обусловленной коммуникации. Одна из особенностей спортивного дискурса заключается в существовании текстов, характеризуемых междисци-

плиарностью, т.е. затрагивающих проблематику других областей знания применительно к спортивной деятельности.

Междисциплинарность, т.е. взаимодействие различных сфер науки и деятельности, находит свое проявление в дискурсе соответствующей тематической отнесенности. Коммуникация в конкретной сфере находится под влиянием специфики понятийной системы, особенностей ее развития, корпоративной культуры и других экстравербальных факторов. Например, в юридических текстах особую значимость и весомость имеет междисциплинарная циркуляция лексических единиц, которая носит динамичный характер [3]. Междисциплинарность, являясь типологическим признаком гуманитарного образовательного дискурса, наделяет его такими чертами, как композиционная сложность, многомерность, открытость и вариативность [4, с. 365]. Междисциплинарный характер дискурса обусловлен потребностью интеграции знаний, необходимостью их прикладного применения, творческими началами, экспериментальным подходом к исследованиям и внедрением инноваций. Процессы, явления и реалии референтной сферы вербализуются в дискурсе, что обуславливает его лингвистические особенности и сложное семантико-прагматическое содержание.

Для спорта как значимого социального института важно научное осмысление вопросов, связанных с правовым обеспечением, техническим оснащением, медицинским обслуживанием, психологическим сопровождением, социальными проблемами, а также взаимосвязи с разными видами искусств (изобразительное искусство, музыка, кинематограф). В связи с этим возникает необходимость осуществления коммуникации, в ходе которой находят свое освещение данные вопросы. Спортивный дискурс предстает как комплексное, неоднородное образование, представленное спектром текстов разных регистров, жанров и поджанров. Междисциплинарная составляющая дискурса включает в себя тексты научного стиля. Выделяются следующие типы научных текстов: академические (научно-теоретические), научно-информационные, научно-критические; научно-популярные и научно-учебные [5, с. 38–39]. Междисциплинарный спор-

тивный дискурс реализован в текстах научных статей, монографий, диссертаций, учебников, энциклопедий и др.

Целью данной статьи выступает выявление лексических особенностей текстов, относящихся к междисциплинарному спортивному дискурсу. В частности, внимание уделяется квантитативным параметрам терминологических единиц спорта и других предметных сфер. Материалом для данного исследования послужили три текста общим объемом 470 933 словоупотребления: учебник “Sports Math: An Introductory Course in the Mathematics of Sports Science and Sports Analytics” (2017) [6], “The Encyclopedia of Sports Medicine” (2005) [7], коллективная монография “Lex Sportiva: What is Sports Law?” (2012) [8]. Основными методами исследования выступают метод семантического анализа, заключающийся в определении лексических значений языковых единиц; метод контекстуального анализа значения лексем в дискурсе; дескриптивный метод, позволяющий произвести интерпретацию материала исследования. Анализ частотности лексем в исследуемых текстах проведен с помощью программы WORDLE. Техника “облако слов” имеет целью выявление и наглядное представление ключевых слов дискурса.

Взаимодействие математического и спортивного дискурсов происходит ввиду необходимости представлять результаты математических исследований, значимых для спортивной деятельности. Математический дискурс рассматривается как сфера реализации математической терминологии, которая характеризуется как фундаментальная система, тем не менее обладающая некоторыми прикладными аспектами [9]. Учебник для студентов высших учебных заведений “Sports Math: An Introductory Course in the Mathematics of Sports Science and Sports Analytics” освещает вопросы математики и аналитики в спорте на примерах баскетбола, гольфа, бейсбола, футбола, американского футбола, тенниса, легкой атлетики. Текстовая организация характеризуется тем, что обычно свойственно дискурсам точных и естественных наук, а именно большим количеством таблиц, формул, графиков, иллюстраций, цифр в тексте. Особо важные

понятия выделены графически: 1) *We define velocity as the rate of change of position with respect to time* [6, p. 2]. *The ratio of the speeds is named the coefficient of restitution (COR)* [6, p. 62]. *An idea that has gained some traction is the plus-minus statistic, which attempts to divide credit or blame for points* [6, p. 131]. Важность статистических данных для спорта регламентирует появление терминосочетаний, включающих в себя терминоэлементы, восходящие к разным референтным сферам. Например, в статистике бейсбола существуют термины *batting average* и *fielding percentage*, где определяющие элементы *batting* и *fielding* – термины бейсбола, определяемые *average* и *percentage* – математические термины: *Batting average is computed as hits divided by at bats* [6, p. 125]. *Jeter typically had a good fielding percentage* [6, p. 130]. На рисунке 1. показаны 100 наиболее частотных знаменательных слов в описываемом тексте, при этом уточним, что формы *player* и *players* рассматриваются нами как одно слово. Анализ наиболее частотных лексем показал, что 27 из них относятся к понятиям математики, физики и статистики: *angle, equation, force, linear, mean, number, percentage, ratings, speed* и др.; 26 обозначают спортивные понятия: *ball, bat, field, game, hit, league, player, racket, score, shot* и др.; 14 являются общенаучными терминами: *data, example, standard, system* и др.; 33 – общеупотребительными лексемами: прилагательные *left, right, good, large*, числительные *first, second*, смысловые глаголы *make, use*, модальные глаголы *may, might* и др.

Рис. 1. Наиболее частотные словоформы в тексте учебника “Sports Math: An Introductory Course in the Mathematics of Sports Science and Sports Analytics” (2017)

Взаимодействие медицинского и спортивного дискурсов имеет место при описании понятий спортивной медицины, в частности спортивных травм, заболеваний, их лечения и профилактики. Английский медицинский дискурс характеризуется сложной природой и жанровой дифференциацией: в нем взаимодействуют, переплетаются собственно врачебный медицинский, научно-медицинский, рекламно-медицинский, медиадискурс, законодательный, коммерческий, академический дискурсы; при этом для медицинского дискурса свойственны включения исторического, энциклопедического, социального, фармацевтического дискурсов [10]. Согласно логико-понятийной классификации, термины медицинской сферы систематизируются по таким тематическим группам, как категория предметов, категория состояний, категория свойств [11]. В книге “The Encyclopedia of Sports Medicine” в качестве заголовочных элементов энциклопедических статей функционируют как простые, однословные термины, так и терминологические словосочетания. Данные лексемы представляют собой либо собственно медицинские термины (1), либо медицинские термины, формальная оболочка которых указывает на связь понятия со спортивной деятельностью, т.е. термины спортивной медицины (2): 1) *concussion*,

ephedrine, metatarsalgia, heat cramps, hip dislocation, iron deficiency anemia, shin splints, stress fracture; 2) athletic amenorrhea, athletic trainer, sports nutrition, sports psychology, swimmer's shoulder, golfer's elbow. В ряде случаев в заголовке представлено два синонимичных термина, при этом второй приведен в скобках: *athlete's foot (tinea pedis), baseball finger (mallet finger), jumper's knee (patellar tendonitis), bicycle seat neuropathy (saddle numbness, erectile dysfunction), runner's knee (patellofemoral pain syndrome), swimmer's ear (otitis externa), tennis elbow (lateral epicondylitis)*. Также указание на наличие синонимов содержится в контекстах: *Golfer's elbow, also known as medial epicondylitis and as wrist flexor tendonitis, is a painful inflammation of the bony bump on the inner side of the elbow that usually results from a specific strain, overuse, or a direct traumatic blow* [7, p. 83]. Среди ста наиболее частотных лексем выявлены: 44 медицинских термина, среди которых *blood, diagnosis, fracture, surgery, symptoms, syndrome* и др.; 8 спортивных терминов *athlete, exercise, motion, physical, player, running, sport, training* и др.; 28 общенаучных терминов: *cause, condition, include, increase, normal, occur, prevention, problems, possible, range, result* и др.; 20 общеупотребительных слов: глаголы *make, take, may, need, use*; числительные *one, two, three*; дискурсивные маркеры *also, especially* и др.

Взаимодействие юридического и спортивного дискурса реализуется, прежде всего, в текстах правил соревнований, относящихся к официально-деловому стилю и в текстах научного содержания, посвященных правовым аспектам спорта. Юридический дискурс в целом характеризуется использованием клише, терминологических единиц, отсутствием средств экспрессии, сложностью синтаксических структур, низкой контекстуальностью; юридической терминологии свойственны экспрессивная нейтральность, однозначность, постоянство использования [12]. Например, в научном издании “Lex Sportiva: What is Sports Law?” даются описание и комментарии о правовых и политических изменениях в европейском и международном спортивном праве, о спортивных организациях. Представленная информация – комплексные и актуальные спра-

вочные материалы о сущности спортивного права, терминологии, определениях, перспективах, Спортивном арбитражном суде (CAS), правовых аспектах конкретных случаев из спортивной жизни (различные нарушения правил, допинг, дискриминация и т.д.). Реципиентами текста являются профессионалы данной сферы: спортивные юристы, ученые и исследователи. Статьи четко структурированы, что в целом свойственно англоязычному научному дискурсу, предполагают аннотацию, введение, основную часть, заключение и список литературы. Для текста характерно функционирование латинизмов *lex sportiva*, *lex mercatoria*, *lex ludica*, *sui generis*, *mens rea*, *ex ante* и др. Приведем контексты: *It seems relevant therefore to assume that the theoretical problems that are likely to be encountered in using the concept *lex sportiva* will mirror those that have already been widely discussed in the literature of *lex mercatoria** [8, p. 45]. Среди ста наиболее частотных лексем выявлены: 1) 35 юридических терминов: *arbitration*, *contract*, *convention*, *jurisprudence*, *law*, *rights* и др.; 2) 15 спортивных терминов: *competition*, *doping*, *football*, *Olympic*, *team* и др.; 3) 15 общенаучных терминов: *analysis*, *concept*, *development*, *example*, *issue*, *level*, *practice*, *review*, *study* и др.; 4) 35 общеупотребительных слов, среди которых топонимы *The Hague*, *Lisbon*, *EU*, прилагательные *general*, *important*, *professional*.

Таким образом, лексическое наполнение текста, высокая терминологичность собственно научного, энциклопедического и академического текста обеспечивает его смысловую насыщенность. Содержательная сложность текста междисциплинарного спортивного дискурса требует наличие у реципиента фоновых знаний в обеих сферах для полного понимания и корректной интерпретации. Анализ семантики наиболее частотных терминологических единиц в междисциплинарном спортивном дискурсе позволяет относить их к следующим функционально-тематическим группам: отраслевые термины (математические, медицинские, юридические), спортивные термины, общенаучные термины. Отраслевые термины по квантитативным параметрам доминируют над спортивными и являются более существенными с точки зрения дискурсообразования.

зования. Спортивные термины важны для содержательной специфики текста и обусловливают его принадлежность к спортивному дискурсу, при этом значимой его характеристикой остается междисциплинарность. Необходимость применения тех или иных лексем продиктована коммуникативной установкой автора текста, а именно сообщение точной, достоверной информации, аргументированное, развернутое представление фактов.

Список литературы

1. Ярмолинец Л.Г., Терпелец Ж.А. Функциональная стратификация спортивного мегадискурса. *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение*. 2020;1(252):98–104.
2. Кислицына Н.Н., Новикова Е.А. Спортивный дискурс в системе институциональных видов дискурса. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2017;2:28–35.
3. Мосесова М.Э. Междисциплинарная циркуляция лексических единиц как ключевая характеристика англоязычного юридического дискурса (на материале текстов международных конвенций). *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2019;3:59–65.
4. Куликова О.В. Междисциплинарные основания гуманитарного образовательного дискурса. *Вестник Московского государственного лингвистического университета*. 2015;6(717):359–366.
5. Чернявская В.Е. *Интерпретация научного текста*: Учебное пособие. Изд. 4-е. М.: Издательство ЛКИ; 2007.
6. Minton R.B. *Sports Math: An Introductory Course in the Mathematics of Sports Science and Sports Analytics*. Boca Raton: CRC Press: Taylor & Francis Group; 2017.
7. Oakes E.H. *The Encyclopedia of Sports Medicine* / foreword by C. Lebrun, M.D. New York: Facts On File, Inc.; 2005.
8. *Lex Sportiva: What is Sports Law?* / ed. by R. C. R. Siekmann, J. Soek. The Hague: T.M.C. Asser Press; 2012.
9. Ахтаева Л.А., Акаева Х.А. Английский математический дискурс как сфера функционирования терминологических единиц. *Вестник Пятигорского государственного университета*. 2018;2:206–213.
10. Косицкая Ф.Л., Матюхина М.В. Английский медицинский дискурс в сфере профессиональной коммуникации. *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2017;6(183):44–48.
11. Сакаева Л.Р., Тахтарова С.С., Базарова Л.В., Яхин М.А. Логико-понятийная классификация терминологии сферы «медицина» в английском, русском и турецком языках. *Казанский лингвистический журнал*. 2022;5(3):360–368.
12. Медведева М.С. Юридический текст как объект профессионально ориентированного дискурса. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2015;4:92–94.

References

1. Yarmolinets L.G., Terpelets Zh. A. The functional stratification of sports mega-discourse. *The Bulletin of the Adyghe State University. The series “Philology and the Arts”*. 2020;1 (252):98–104. (In Russ.)
2. Kislicsina N.N., Novikova E.A. Sports discourse in the system of institutional types of discourse. *Aktual’nye problemy filologii i pedagogiceskoj lingvistiki*. 2017;2:28–35 (In Russ.)

3. Mosesova M.E. Interdisciplinary circulation of lexical units as a key characteristic of English legal discourse (based on the texts of international conventions). *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*. 2019;3:59–65. (In Russ.)
4. Kulikova O.V. Interdisciplinary Foundations of the Educational Discourse in the Humanities. *Vestnik of Moscow State Linguistic University*. 2015;6(717):359–366. (In Russ.)
5. Chernyavskaya V.E. *The interpretation of scientific text*: textbook. 4th edition. Moscow: Izdatel'stvo LKI; 2007. (In Russ.)
6. Minton R.B. *Sports Math: An Introductory Course in the Mathematics of Sports Science and Sports Analytics*. Boca Raton: CRC Press: Taylor & Francis Group; 2017. (In Eng.)
7. Oakes E.H. *The Encyclopedia of Sports Medicine* / foreword by C. Lebrun, M.D. New York: Facts On File, Inc.; 2005. (In Eng.)
8. *Lex Sportiva: What is Sports Law?* / ed. by R.C.R. Siekmann, J. Soek. The Hague: T.M.C. Asser Press; 2012. (In Eng.)
9. Akhtayeva L.A., Akayeva Kh.A. The English mathematical discourse as a sphere of functioning of terminological units. *Pyatigorsk State University Bulletin*. 2018;2:206–213. (In Russ.)
10. Kositskaya F.L., Matyukhina M.V. English Medical Discourse in the Sphere of Professional Communication. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 2017;6(183):44–48. (In Russ.)
11. Sakaeva L.R., Takhtarova S.S., Bazarova L.V., Yahin M.A. Logical and Conceptual Classification of English, Russian and Turkish Medical Terminology. *Kazan linguistic journal*. 2022;5(3):360–368. (In Russ.)
12. Medvedeva M.S. Forensic Text as an Object of Professionally Oriented Discourse. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2015;4:92–94. (In Russ.)

Автор публикации

Бобырева Наталья Николаевна –
доктор филологических наук, доцент
Казанский (Приволжский) федеральный
университет
Казань, Республика Татарстан, Россия
Email: Nathalienb.@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-4680-7902>

Author of the publication

Bobyreva Natalia Nikolaevna –
Doctor of Philology, Associate Professor
Kazan (Volga Region) Federal University
Kazan, Republic of Tatarstan, Russia
Email: Nathalienb.@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-4680-7902>

*Раскрытие информации о конфликте
интересов*

Автор заявляет об отсутствии
конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 10.06.2024
Одобрена после рецензирования: 15.07.2024
Принята к публикации: 28.07.2024
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Article info

Submitted: 10.06.2024
Approved after peer reviewing: 15.07.2024
Accepted for publication: 28.07.2024

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

**ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И
СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА
PHILOLOGY. THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE
LINGUISTICS**

Научная статья

УДК 81.27

Филологические науки

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.3.345-354>

**ИГРОВОЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ
(РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСА РЕСПОНДЕНТОВ)**

Ю.М. Иванова¹, Н.В. Бойченко²

*Волгоградский государственный социально-педагогический университет,
Волгоград, Россия*

¹julivanova@yandex.ru <https://orcid.org/0000-0003-2321-7037>

²nboychenko@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0005-0645-9255>

Аннотация. Изучение игровых коммуникативных практик предполагает как анализ записей спонтанного естественного диалога, так и экспериментальные подходы к отдельным исследовательским вопросам. Данная статья, в частности, описывает пилотный эксперимент, в котором авторы ставят вопрос об игровом потенциале речевой прецедентности. Респондентам (104 чел.) предлагалось отреагировать на семь стимулов, взятых из максимально различных сфер бытования прецедентного высказывания, что в сумме дало 728 реакций. Авторы анализируют факторы, влияющие на критерии выбора между игровой и неигровой реакцией в диалоге, а также структуру игровой коммуникативной реакции. Противопоставление игровой и неигровой реплик в диалоге имеет следующий критерий: неигровая реакция в первую очередь обусловлена принципом кооперации, в то время как игровая реакция на стимул в диалоге в первую очередь основана на метаязыковой рефлексии по поводу формы предыдущего высказывания. Компонент формы, подвергающийся обыгрыванию, получил название игровой доминанты высказывания, причем в одном высказывании может быть одна или несколько доминант. Авторы отвечают на два исследовательских вопроса: какие факторы влияют на игровой потенциал прецедентного высказывания и каковы основные стратегии поддержания игрового коммуникативного взаимодействия? Исследование показало, что прецедентность высказывания не явилась фактором, повышающим игровой потенциал диалогического стимула. Игровой потенциал высказывания складывается из комбинации факторов, наиболее значимыми из которых в нашем материале были наличие признаков табуированного и неодобряемого речевого (в нашем материале: оскорбление и упрек) поведения и абсурда. Основными стратегиями игрового реагирования на прецедентные стимулы оказались конфронтация, солидаризация и избегание.

Ключевые слова: игровой потенциал высказывания; прецедентное высказывание; языковая прецедентность; игровое коммуникативное действие; языковая игра; речевая игра; игровая доминанта

Для цитирования: Иванова Ю.М., Бойченко Н.В. Игровой потенциал прецедентных высказываний (результаты опроса респондентов). *Казанский лингвистический журнал.* 2024;7(3):345–354. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.3.345-354>

POTENTIAL PLAYFULNESS OF PRECEDENT UTTERANCES (SURVEY RESULTS)

Yu.M. Ivanova¹, N.V. Boychenko²

Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russia

¹julivanova@yandex.ru <https://orcid.org/0000-0003-2321-7037>

²nboychenko@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0005-0645-9255>

Abstract. Studying playful communicative practices presupposes analysis of spontaneous dialogue transcripts as well as experimental approaches to certain research questions. This article, in particular, describes a pilot experiment, in which the authors investigate playfulness potential of precedent utterances. 104 respondents were asked to react to seven stimuli taken from vastly different spheres of precedence, which yielded a whole of 728 reactions. The authors analyze which factors influence the criteria for choosing between playful and non-playful reactions in a dialog, as well as the structure of a playful response. The opposition between playful and non-playful responses in a dialog is based on the fact that non-playful responses are primarily conditioned by the principle of cooperation, while the playful response to a stimulus in a dialog is centered around meta-linguistic reflection on the form of the previous utterance. The component of the form that is subjected to playful interpretation is called the playful dominant of the utterance. There can be one or several dominants in one utterance. The authors answer two research questions: which factors influence the playful potential of a precedent utterance and what are the main strategies for maintaining playful communicative interaction. The study found that the precedence of the utterance was not a factor that increased the playful potential of the dialogic stimulus. The playful potential of an utterance is conditioned by a combination of factors, the most significant of which in our material were the presence of tabooed and unapproved communicative behavior (in our material: insult and reproach) and absurdity. The main strategies of playful response to precedent stimuli turned out to be confrontation, solidarization and avoidance.

Keywords: potential playfulness of an utterance; precedent utterance; language precedence; playful communicative action; wordplay; playfulness-in-interaction; play/playfulness dominant

For citation: Ivanova Yu. M., Boychenko N.V. Potential Playfulness of Precedent Utterances (Survey Results). *Kazan Linguistic Journal*. 2024;7(3): 345–354. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.3.345-354>

Междисциплинарная теория игры имеет долгую историю, которая в 21 веке приходит к следующей сумме знаний: игра есть неутилитарная, либо несобственно утилитарная деятельность, которая происходит в особо структурированном пространстве-времени, характеризующемся прерывистостью и обратимостью; игра противопоставлена обыденности, подчинена либо правилам (агон), либо некоему изобразительному стандарту (мимесис); игра уравнивает участников в правах на то время, пока она продолжается, и в идеале не может быть навязана [1]. Игра имеет внутренний локус мотивации [2]. Выделяют че-

тыре типа игры: агон, мимесис, аллейя и иллинкс [3]. В культуре игра осмысливается в рамках 7 моделей (play rhetorics): игра как прогресс, судьба, власть, идентичность, самость, воображаемое, фривольное [4].

Теория языковой игры (ЯИ) развивается сегодня во многих направлениях, среди которых можно выделить структурно-семантическое, подробно описывающее изучаемое явление на всех уровнях языка [5], текстологическое, изучающее функционирование ЯИ в различных типах текста и ее текстообразующую функцию [6], [7] психолингвистическое [8], семантико-синтаксическое [9].

Направление настоящего исследования можно обозначить как лингвопрагматическое [10], [11] поскольку нашей целью является изучение закономерностей игрового взаимодействия в диалоге. Таким образом, в дополнение к теории языковой игры может быть создана теория речевой игры, изучающая прагматические закономерности игрового взаимодействия в диалоге и игровые речевые практики. Определим основные понятия исследования.

Игровое коммуникативное действие определяется как действие, совершаемое в рамках игрового **коммуникативного фрейма** (термин впервые введен Г. Бейтсоном), который предполагает каждому действию, совершающемуся внутри него, **метасигнал (маркер) «это игра»**, передающий следующую информацию: «те действия, которые мы сейчас совершаем, не означают того, что означали бы замещаемые ими действия» [12]. Выход из игры, по нашим наблюдениям, представляет собой значимое отсутствие маркеров игровой интенции в репликах говорящих, следующих за игровым обменом.

Игровое диалогическое взаимодействие – такая последовательность реплик в диалоге, где в каждой из реплик присутствуют маркеры игровой интенции, обнаруживающие структурную взаимосвязь на различных уровнях языка. В терминах конверсационного анализа [13] такое взаимодействие можно охарактеризовать как секвенцию (либо последовательность секвенций), реализующую **игровые коммуникативные практики**.

Попытка глубже понять механизм игровой провокации побудила авторов статьи провести опрос респондентов с целью наметить семантико-прагматические факторы, влияющие на игровой потенциал высказывания. Под игровым потенциалом высказывания здесь понимается вероятность игровой реакции на высказывание в диалоге, или способность высказывания служить игровой провокацией, и в данном исследовании она намеренно изучается в отрыве от контекста. Такая цель обозначила следующий круг исследовательских вопросов. 1. Какие факторы влияют на игровой потенциал прецедентного высказывания? 2. Каковы основные стратегии поддержания коммуникативной игры?

Для того, чтобы ответить на сформулированные выше исследовательские вопросы, мы провели онлайн-опрос 104 студентов-лингвистов в возрасте от 17 до 20 лет. Им были даны такие инструкции: «Пожалуйста, отреагируйте на следующие высказывания так, как если бы Вы услышали их в диалоге. Долго думать не нужно, это задание должно занять у Вас не больше 10 минут». За инструкциями в случайном порядке следовали 7 стимулов (см. таблицу 1). Порядок стимулов определялся системой случайно.

После подсчета результатов опроса был составлен следующий рейтинг игрового потенциала стимулов (см. таблицу 1). Игровой потенциал измерялся здесь количеством предложенных респондентами игровых реакций на соответствующий стимул. Обозначим стилистические характеристики исходных стимулов и проанализируем их игровой потенциал.

Заметим, что данное исследование – пилотный эксперимент, в котором авторы предприняли попытку проследить наиболее общие стратегии реагирования на игровую провокацию в виде прецедентного высказывания. Авторы намеренно отказались от учета таких социолингвистических факторов, как возраст, пол, социальный статус респондентов и дистанция между ними, а также вид речевого события, хронотоп, контекст и другие признаки воображаемого диалога, поскольку на данном этапе нас интересовал игровой потенциал языко-

вой прецедентности в изолированном виде. В дальнейшем мы планируем подкрепить полученные результаты анализом записей устных диалогов.

Таблица 1. Семантико-прагматические характеристики стимулов

№	Стимул	Источник	Стиль	Троп	Юмор	Оценка	Игровой потенциал
1	<i>Любовь – не картошка...</i>	пословица	разговорный	абсурд сравнение	+	нейтральная	69%
2	<i>Какая гадость эта ваша заливная рыба!</i>	цитата из кинофильма	разговорный	эмфаза	+	негативная	46%
3	<i>Вся наша жизнь – театр, а люди в ней актеры.</i>	цитата из пьесы	книжный	метафора параллелизм	-	нейтральная	35%
4	<i>Един есть раб во всяком дому – сам господин.</i>	афоризм (<i>«Менандр»</i>)	возвышенный устаревший	парадокс ирония	-	негативная	27%
5	<i>Миром правят молодые. Когда состарятся.</i>	афоризм	книжный	парцелляция парадокс	+	негативная	17%
6	<i>Мода проходит, стиль остается.</i>	афоризм	книжный	противопоставление парадокс	-	нейтральная	12%
7	<i>Назовите хоть одну достойную цель.</i>	контрольная фраза	разговорный	-	-	нейтральная	11%

Материал исследования составили 728 реакций респондентов на шесть прецедентных высказываний и одно контрольное, синтетическое (*Назовите хоть одну достойную цель*). При выборе стимулов для исследования мы руководствовались, главным образом, необходимостью проанализировать прецедентные высказывания, взятые из максимально многообразных источников и сфер культуры. Так, среди наших стимулов были начало пословицы, цитата из популярного кинофильма, цитата из пьесы У. Шекспира, изречение из «Менандра», афоризм Б. Шоу и афоризм, приписываемый Коко Шанель. Темы предло-

женных респондентам стимулов также отличались разнообразием: любовь, предпочтения в еде, театр, смысл жизни, бремя домовладения, молодость и страсть, управление миром, достойная цель жизни. Как видим, анализируемые прецедентные высказывания максимально разнообразны по хронологии возникновения (от Древней Руси до 20 в.), теме, широте известности, сфере бытования, серьезности обсуждаемых проблем. Также из таблицы 1 видно, что и формально-содержательные параметры выбранных нами стимулов (состав тропов, стиль, наличие/отсутствие юмора и оценки) были максимально разнообразны. Контрольный стимул (*Назовите хоть одну достойную цель*) отличался нарочитым отсутствием признаков прецедентности и был сформулирован авторами а качестве апелляции к респондентам с тем, чтобы дать им мотивацию реагировать.

Наиболее яркой (со значительным отрывом) игровой провокацией является стимул *Любовь – не картошка…* Он получил 72 игровых реакций из 104 (69% от общего числа ответов). Вторым по количеству игровых реакций был стимул *Какая гадость эта ваша заливная рыба!* (48 из 104, 46%). Далее распределение игровых реакций идет с большим разбросом, примерно в 10% (46% – 35% – 27% – 17%). При этом один из стимулов (№6) набрал рекордно малое количество игровых реакций (12%), наравне с контрольным стимулом (№7 – 11%). Таким образом, видим, что на нашем материале не подтверждается решающее значение ни одного из перечисленных в таблице факторов: источник прецедентности, наличие и форма фигур речи, наличие у высказывания стилистических или оценочных коннотаций, наличие юмора.

Стимул *Любовь – не картошка* вызвал игровые реакции на основе согласия в 50% случаев. При этом чуть меньше половины неигровых реакций (13 из 32, или 40%) также содержали согласие с основной посылкой или базировались на нем. Солидаризирующиеся реакции (alignments) делятся на следующие виды: эксплицитное согласие (4 из 72), имплицитное согласие + объяснение причины (15 из 72), имплицитное согласие + отрицание других сравнений, e.g., «но

и не...», (14 из 72), имплицитное согласие + предложение других сравнений (15 из 72). Похожую картину наблюдаем и с другими декларативными стимулами: в случае со стимулом *Вся наша жизнь – театр, а люди в ней – актеры* из 37 игровых реакций 12 (32%) выражали имплицитное несогласие с главной пропозицией стимула и заменяли ее на «наша жизнь – цирк, а люди в ней – клоуны», 10 реакций (27%) соглашались с основным сравнением (жизнь = театр), но добавляли к нему различные оценочные квалификации («паршивый спектакль получается», «кто-то очень плохо играет», и т.п.)

Стимул *Какая гадость эта ваша заливная рыба!* вызвал игровые реакции, имитирующие стандартное продолжение разговора после реплики-оскорбления. Игровые реакции наших респондентов разделились на следующие группы: конфронтация с говорящим (17 реакций, или 35%), аффилиация с говорящим (9 реакций, или 19%), метаязыковое маркирование прецедентности (10 реакций, или 21%), обыгрывание темы заливки (5 реакций, или 10%).

Возышенный стиль высказывания *Един есть раб во всяком дому – сам господин*, содержащего устаревшие и книжные слова, вызвал большое количество реакций игрового недоумения: «ничего не понятно, зато очень интересно», «нет слов, одни эмоции», и т.п. (10 из 28, или 35,7%). Таким образом, стилистическая маркированность стимула, по нашим данным, повышает вероятность того, что игровая реакция на него будет основана именно на стилистическом компоненте высказывания (это будет одна из игровых доминант), а не сосредоточена на его пропозициональном содержании.

Выводы

1. Потенциально игровое высказывание содержит маркеры игровой интенции адресанта, которые максимально разнообразны по форме и обусловлены реакцией реципиента. В нашем материале разброс соотношений игровых и неигровых реакций на прецедентные стимулы оказался слишком велик, следовательно, прецедентность не явила решающим фактором выбора игровой реакции на речевой стимул. Игровой потенциал прецедентных высказываний скла-

дается из большого числа факторов, среди которых важнейшими являются: тема высказывания, источник прецедентности, стилистические и прагматические характеристики высказывания.

2. На материале данного исследования установлено, что повышенным игровым потенциалом обладают высказывания, содержащие элементы абсурда и неодобряемого коммуникативного поведения (если они не могут быть однозначно маркированы как агрессивные и некооперативные). В качестве перспективы исследования мы видим дальнейшую экспериментальную проверку этого тезиса.

3. Табуированное (неодобряемое) поведение примерно в половине случаев вызвало игровые реакции избегающего типа (56%), меньшая половина поделилась на реакции солидаризирующего и конфронтационного типа (25% и 19% соответственно) – проценты даны от общего числа игровых реакций на данный стимул. Солидаризирующие (*alignment*) и конфронтационные реакции (*dis-alignment*) имитировали естественное поведение говорящих в диалогических обменах, а реакции, которые мы отнесли к избегающему типу, содержали метаязыковое маркирование прецедентности стимула, обыгрывание различных аспектов формы стимула, смех. Метаязыковое комментирование касалось исключительно параметров прецедентности стимула, что, возможно, напрямую вытекает из характера материала.

4. Игровые реакции на прецедентные стимулы используют игровые доминанты высказывания, то есть различные аспекты языковой формы стимула, а также составляющие его широкого контекста. Играющие говорящие чаще всего действуют в рамках таких стратегий как солидаризация и конфронтация с собеседником, не менее популярной является стратегия избегания. Выбор описанных стратегий во многом определяется прагматикой высказывания-стимула.

Список литературы

1. Huizinga J. *Homo ludens. A study of the play element in culture*. Routledge & Kegan Paul. London, Boston and Henly; 1949. 220 p.
2. Levy J. *Play behavior*. Krieger Publishing Company. Malabar, Florida; 1983. 232 p.
3. Caillois R. *Man, Play and Games*. Urbana and Chicago: University of Illinois Press; 2001. 208 p.
4. Sutton-Smith B. *The ambiguity of play*. Harvard University Press; 1997. 288 p.
5. Санников В.З. *Русский язык в зеркале языковой игры*. М.: Яз. рус. Культуры; 1999. 541 с.
6. Игнатенко А. В. Особенности языковой игры в прозе Лю Чжэньюня на примере романа "Я не Пань Цзиньлянь". *Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканстика*. 2022;3(14):507–523.
7. Баранова М.И. Сатира чиканос в романе Роландо Инохосы "Клейл-сити". *Казанский лингвистический журнал*. 2019;2(2):106–115.
8. Гридина Т.А. Психологическая реальность значения и ассоциативная стратегия языковой игры. *Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности*. 2006;4:11–24.
9. Шацкая М.Ф. Функционирование актантов субъектного типа в условиях языковой игры. *Вестник Челябинского государственного университета*. 2008;23:151–162.
10. Dynel M. There is method in the humorous speaker's madness: humour and Grice's model. *Lodz Paper in Pragmatics*. 2008;4(1):159–185.
11. Holt E. Laughter at Last: Playfulness and laughter in interaction. *Journal of Pragmatics*. 2016;100:89–102.
12. Bateson G. *A theory of play and fantasy*. In *The Game Design Reader: A Rules of Play Anthology* (pp. 314 – 328). Cambridge; 2006.
13. Sacks H., Schegloff E., & Jefferson G.A. *Simplest Systematics for the Organization of Turn Taking in Conversation*. *Language*. 1974;50(4):696–735.

References

1. Huizinga J. *Homo ludens. A study of the play element in culture*. Routledge & Kegan Paul. London, Boston and Henly; 1949. 220 p. (In Eng.)
2. Levy J. *Play behavior*. Krieger Publishing Company. Malabar, Florida; 1983. 232 p. (In Eng.)
3. Caillois R. *Man, Play and Games*. Urbana and Chicago: University of Illinois Press; 2001. 208 p. (In Eng.)
4. Sutton-Smith B. *The ambiguity of play*. Harvard University Press; 1997. 288 p. (In Eng.)
5. Санников В.З. *The Russian language in the mirror of the language game*. М.: Yaz. rus. kul'tury; 1999. 541 p. (In Russ.)
6. Ignatenko A.V. Features of the language game in Liu Zhenyun's prose on the example of the novel "I am not Pan Jinlian". *Vestnik SPbSU. Language and Literature*. 2022;3(14):507–523. (In Russ.)
7. Baranova M.I. Chicano satire in "Klail City" by Rolando Hinojosa. *Kazan Linguistic Journal*. 2019;2(2):106–115. (In Russ.)
8. Gridina T.A. The psychological reality of meaning and the associative strategy of the language game. *Psikhologicheskie aspekty izucheniya rechevoi deyatel'nosti*. 2006;4:11–24. (In Russ.)
9. Shatskaya M.F. The functioning of actants of the subjective type in the context of a language game. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2008;23:151–162. (In Russ.)
10. Dynel M. There is method in the humorous speaker's madness: humour and Grice's model. *Lodz Paper in Pragmatics*. 2008;4(1):159–185. (In Eng.)

11. Holt E. Laughter at Last: Playfulness and laughter in interaction. *Journal of Pragmatics*. 2016;100:89–102. (In Eng.)
12. Bateson G. *A theory of play and fantasy*. In *The Game Design Reader: A Rules of Play Anthology*; 2006. P. 314 – 328. Cambridge. (In Eng.)
13. Sacks H., Schegloff E., & Jefferson G.A (1974). *Simplest Systematics for the Organization of Turn Taking in Conversation*. Language. 1974;50(4):696–735. (In Eng.)

Авторы публикации

Иванова Юлия Михайловна – преподаватель
Волгоградский государственный социально-
педагогический университет
Волгоград, Россия
Email: julivanova@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2321-7037>

Authors of the publication

Ivanova Julia Mikhailovna –
Lecturer
Volgograd State Socio-pedagogical University
Volgograd, Russia
Email: julivanova@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2321-7037>

Бойченко Наталья Викторовна –
кандидат филологических наук, преподаватель
Волгоградский государственный социально-
педагогический университет
Волгоград, Россия
Email: nboychenko@yandex.ru
<https://orcid.org/0009-0005-0645-9255>

Boychenko Natalia Viktorovna –
PhD in Philology, Lecturer
Volgograd State Socio-Pedagogical University
Volgograd, Russia
Email: nboychenko@yandex.ru
<https://orcid.org/0009-0005-0645-9255>

**Раскрытие информации о конфликте
интересов**

Автор заявляет об отсутствии
конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 01.05.2024
Одобрена после рецензирования: 15.06.2024
Принята к публикации: 28.06.2024

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Article info

Submitted: 01.05.2024
Approved after peer reviewing: 15.06.2024
Accepted for publication: 28.06.2024

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

Информация о рецензировании
«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

**ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И
СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА
PHILOLOGY. THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE
LINGUISTICS**

Научная статья

УДК 811.111

Филологические науки

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.3.355-365>

**КОНЦЕПТОСФЕРА ЭМОЦИЙ ПОВЕСТИ ГЕРМАНА ГЕССЕ
«ПОСЛЕДНЕЕ ЛЕТО КЛИНГЗОРА»**

Н.А. Красавский

Волгоградский государственный социально-педагогический университет,

Волгоград, Россия

nkrasawski@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-6467-9305

Аннотация. Концептосферу, представляющую собой совокупность концептов, мы рассматриваем как результат реализации коммуникативного замысла автора текста. Идейное содержание повести Германа Гессе «Последнее лето Клингзора» – это трудная, полная разочарования судьба творца-интеллектуала, талантливого художника, обретенного на одиночество, постоянно ищущего смысл жизни, создавшего свой собственный глубокий, внутренний мир, живущего в нем сложной противоречивой жизнью, испытывающего муки творчества. Талант живописца с большой буквы противопоставляется (в нашем понимании) «стандартному» человеку. Талант обречен на одиночество, недопонимание окружающих, на многочисленные психологические комплексы его обладателя. Этот коммуникативный замысел Германа Гессе генерирует множество концептов, часть из которых эмоциональные концепты. Они занимают значительное место в повести «Последнее лето Клингзора». На материале повести немецко-швейцарского писателя выявлены ключевые эмоциональные концепты – «страх» и «душевные страдания». Критериальной базой определения ключевых концептов являются суждения гессеведов и квантитативные показатели речевого воплощения данного ментального образования в повести. Страх и душевные страдания – психологически релевантные феномены, оказавшиеся коммуникативно востребованными в произведении Г. Гессе. Их коммуникативная востребованность детерминирована авторской интенцией раскрыть образ талантливого интеллектуала-художника, обретенного на постоянное одиночество и глубокие переживания. В содержании ключевых эмоциональных концептов выявлены перцептивно-образные признаки. Часть из них – это индивидуально-авторские признаки. Определены языковые средства объективации эмоциональных концептов «страх» и «душевые страдания». Установлен факт высокочастотного использования оригинальных метафор при речевом воплощении исследуемых концептов.

Ключевые слова: эмоциональный концепт; концептосфера; перцептивно-образный признак; метафора; повесть

Для цитирования: Красавский Н.А. Концептосфера эмоций повести Германа Гессе «Последнее лето Клингзора». *Казанский лингвистический журнал.* 2024;7(3):355–365. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.3.355-365>

THE CONCEPTUAL SPHERE OF EMOTIONS IN HERMANN HESSE'S NOVEL "THE LAST SUMMER OF KLINGSOR"

N.A. Krasavsky

Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russia

nkrasawski@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6467-9305>

Abstract. We consider the conceptual sphere, which is a set of concepts, as the result of the implementation of the communicative intention of the author of the text. The ideological content of Hermann Hesse's novel "The Last Summer of Klingsor" is the difficult, frustrating fate of an intellectual creator, a talented artist doomed to loneliness, constantly searching for the meaning of life, who created his own deep, inner world, living a complex contradictory life in it, experiencing the torments of creativity. The talent of a painter with a capital letter is opposed (in our understanding) to a "standard" person. Talent is doomed to loneliness, misunderstanding of others, and numerous psychological complexes of its owner. This communicative concept by Hermann Hesse generates many concepts, some of which are emotional concepts. They occupy a significant place in the story "The Last Summer of Klingsor". Based on the material of the novel by the German-Swiss writer, the key emotional concepts are revealed – "fear" and "mental suffering". The criteria for determining the key concepts are the judgments of the Hessian scholars and quantitative indicators of the verbal embodiment of this mental formation in the story. Fear and mental suffering are psychologically relevant phenomena that turned out to be in communicative demand in the work of G. Hesse. Their communicative relevance is determined by the author's intention to reveal the image of a talented intellectual artist, doomed to constant loneliness and deep feelings. Perceptual-figurative features are revealed in the content of key emotional concepts. Some of them are individually authored features. The linguistic means of objectification of the emotional concepts of "fear" and "mental suffering" are defined. The fact of high-frequency use of original metaphors in the speech embodiment of the studied concepts has been established.

Keywords: emotional concept; conceptual sphere; perceptual-figurative feature; metaphor; novel

For citation: Krasavsky N.A. The Conceptual Sphere of Emotions in Hermann Hesse's Novel "The Last Summer of Klingsor". *Kazan Linguistic Journal*. 2024;7(3): 355–365. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.3.355-365>

Отечественная лингвистика, характеризуемая сегодня четко выраженной полипарадигмальностью, наиболее интенсивно развивается в последние два десятилетия в нескольких магистральных направлениях, одно из которых – лингвоконцептология. В ее рамках ряд исследователей выделяет в качестве отдельного ответвления лингвоперсонологию [1, с. 12-28], [2, с. 112-116], [3]. Данный термин был предложен в 1996 году В.П. Нерознаком [2, с. 112-116]. Ученые, занимающиеся вопросами лингвоперсонологии, исследуют в том числе и инди-

видуально-авторские концепты, уделяя значительное внимание при этом выявлению и описанию индивидуальных черт языковой личности, т.е. изучению идиостиля [4], [5, с. 501-511], [6], [7, с. 100-104].

Исследование индивидуально-авторских концептосфер предполагает определение средств лингвистической объективации их компонентов – концептов, понимаемых согласно ставшему общепризнанным определению В.И. Караписка как «многомерное смысловое образование, в котором выделяются ценностная, образная и понятийная стороны» [8, с.129]. Выявление ценностной составляющей в концепте позволяет определить стандартное оценочное отношение членов социума к определенному явлению, установить его место на аксиологической шкале конкретного лингвокультурного сообщества. Образная составляющая концепта – не менее важный компонент концепта. Ее изучение на языковом материале позволяет увидеть ассоциативную сеть того или иного явления, нашедшего речевое воплощение в коммуникативной деятельности членов социума. Сопоставление ассоциативно-образных признаков концепта в разных лингвокультурных сообществах выявляет как общее, так и отличительное в его содержании.

Анализ многочисленных лингвоконцептологических публикаций показывает их колоссальную количественную представленность. Подавляющее большинство авторов данных работ в качестве объекта своих изысканий рассматривали и продолжают рассматривать коллективные концептосфера, их отдельные сегменты. Кратко меньше, однако, публикаций, в фокусе внимания которых индивидуально-авторские концептосфера, индивидуально-авторские концепты. Данная лингвоконцептологическая ниша в настоящее время активно заполняется исследованием индивидуально-авторских концептосфер, что обещает выявить интересные лингвистические и когнитивные факты в индивидуальном языковом сознании, обнаружить специфику интерпретации мира, особенности его восприятия конкретным представителем социума.

Актуальность статьи состоит в описании концептосферы эмоций повести немецко-швейцарского писателя прошлого века Германа Гессе «Последнее лето Клингзора», не становившейся еще предметом специального лингвокультурологического анализа в отечественной лингвистике. Важны, на наш взгляд, во-первых, установленные лексические средства объективации эмоций в данном произведении, во-вторых, выявленные перцептивно-образные признаки ключевых эмоциональных концептов – “страх” и “душевные страдания”.

В предлагаемой статье ставятся следующие задачи: 1) определить ключевые эмоциональные концепты в повести Г. Гессе «Klingsors letzter Sommer» («Последнее лето Клингзора»); 2) установить их перцептивно-образные признаки; 3) выявить способы лингвистической объективации данных концептов в повести.

Материалом исследования служит повесть Германа Гессе «Последнее лето Клингзора», вербально выраженные в ней эмоциональные концепты “страх” и “душевные страдания”, сформировавшие каркас произведения.

Практическая значимость полученных результатов состоит в возможности их использования при преподавании вузовских филологических дисциплин – когнитивной лингвистики, лингвоконцептологии, лингвоперсонологии, теории художественного текста.

Наш выбор эмоциональных концептов обусловлен значительной ролью художественного изображения внутреннего мира действующего персонажа в повести, раскрытием его образа и самой идеи произведения. Общеизвестен факт: художественный текст как способ постижения мира, как авторское tolkowanie «фактов» жизни, в том числе и эмоционально-оценочного отношения к ним, не может не отражать оязыковление психических переживаний человека. Их авторская вербализация в художественном тексте опирается на оценочную деятельность человека, на систему нравственных ценностей, служащих ориентиром для его поступков.

При выделении ключевых (основных, системообразующих) эмоциональных концептов актуален вопрос определения их критериев. Одним из них мы считаем суждения экспертов по творчеству того или иного писателя (в нашем случае гессеведов). К числу важнейших психических переживаний в произведениях Г. Гессе, в том числе и в повести «Последнее лето Клингзора», ряд литературоведов относит отчаяние, душевные страдания, страх, одиночество [9], [10]. Вторым критерием предлагается считать квантитативные показатели употребления в тексте лексических репрезентантов того или иного концепта. Мы исходим при этом из положения, согласно которому наиболее важные, психологически релевантные, коммуникативно востребованные феномены входят в число ключевых в конкретном художественном произведении. Ключевые концепты, обозначенные лексическими единицами, отличаются высокой номинативной плотностью в тексте. Иными словами, то, что особенно важно для его автора, либо обладает разветвленной системой обозначения, либо на уровне одних и тех же номинаций многократно акцентировано. Следует отметить, что концепты не только обозначаются отдельными лексемами, но и выражаются лексическими и фразеологическими единицами, вне контекста семантически не связанные с самими концептами. Примером может служить русское устойчивое выражение *сияющие глаза*, выражающее концепт радости или концепт счастья.

Использование вышеназванных критериев позволяет выделить в повести в качестве ключевых следующие эмоциональные концепты – «страх» и «душевные страдания».

Данные эмоциональные концепты, как показывает статистический подсчет, обладают высоким индексом частотности употребления. Номинанты концепта «страх» использованы в повести 35 раз. Количество употреблений слов, обозначающих эмоциональный концепт «душевные страдания», равно 34. Заметим, что названные концепты не менее частотно и эксплицируются, т.е. выражаются, описываются без употребления их номинаций.

Эмоциональный концепт «страх» обозначается в данном художественном произведении многочисленными словами и их производными. Назовем некоторые из них: *die Angst, angstvoll, ängstlich* (19 словоупотреблений), *der Schreck, schrecken, erschrecken, erschreckend, schrecklich* (9 словоупотреблений); *die Furcht, die Todesfurcht, furchtbar, sich fürchten* (4 словоупотребления).

Посредством анализа многочисленных текстовых пассажей выявлены следующие перцептивно-образные признаки интересующего нас концепта: *увядшая листва (aus gelbem Laub), выгоревшая зелень (schnell verbrannt), коричневатая листва (im bräunenden Laub), шахта темноты (im Schacht der Finsternis), черные тени (Schatten machten sie schwarz), перекошенное, искаженное лицо (verzerrtes Gesicht), выступивший на лице пот (Schweiß im Gesicht), холод в сердце (das Herz friert)*. Последние три перцептивно-образных признака конвенциальны, узуальны. Их легко обнаружить в текстах немецкоязычной литературы, в разговорной речи. Остальные же признаки можно квалифицировать как индивидуально-авторские. Они отличаются посредством их выражающих эпитетов и метафор высокой степенью оригинальности и как следствие значительным перлокутивным эффектом.

При описании овладевшего человеком страха, как известно, в многочисленных разножанровых текстах традиционно апеллирование к месту его нахождения – сердцу, являющему, согласно представлениям «наивной» анатомии, органом психических переживаний, их локусом, точкой хранения. Иллюстрацией этого тезиса служат следующие примеры из «Последнего лета Клингзора»: *Aber innen im Herzen saß Angst, das Herz wollte nicht sterben, das Herz hätte den Tod* [11, с. 46]. *Oft litt er an Angst, an Schwermut, oft lag er im Schacht der Finsternis gefangen, Schatten aus seinem früheren Leben fielen zu Zeiten über groß in seine Tage und machten sie schwarz* [11, с. 13]. Страх смерти прочно, на длительное время обосновался в сердце протагониста. Это чувство сравнивается с темной шахтой, в которую попал Клингзор. Темные, черные тени окружают его, приводят в состояние страха и страдания. В приведенных выше

фрагментах текстов значительны позиции не только описывающих душевное состояние протагониста метафор (напр., *Angst saß im Herzen / страх сидел в сердце*), но и ряда ключевых лексем *leiden* (*страдать*), *schwarz* (*черный*), подчеркивающих глубину чувств персонажа, их негативную модальность. Выявленные перцептивно-образные признаки свидетельствуют об оценочной характеристике страха в повести. Он оценочно-негативен, деструктивен. Его переживание физиономически эксплицировано – перекошенное, искаженное от страха лицо, выступивший на лице пот, сжимающееся от холода сердца.

Квантитативно репрезентативен и эмоциональный концепт «душевные страдания», что объясняется самим замыслом Германа Гессе – показать полную противоречий и разочарований судьбу талантливого художника. Сюжетная канва повести, выступающая материалом раскрытия ее темы и самой идеи, эмоциогенна. Писателем показаны многочисленные текстовые пассажи, описывающие слабое состояние здоровья протагониста, его недомогание, предчувствие и боязнь скорой смерти, ощущение своей чуждости, отчужденности и одиночества в обществе.

В немецкий синонимический ряд с доминантой “*das Leid*” (страдание) входят помимо этой лексемы следующие слова: *die Leiden, der Schmerz, die Qual, das Weh, die Pein, die Marter, die Plage*. Все они, кроме последних двух лексем, употреблены в повести. Суммарный индекс частотности их применения вместе с дериватами равен 34 позициям. Частотность использования данных слов следующая: у слова *das Leid* и его дериватов 14, у слова *das Weh* 8, у слова *der Schmerz* 5, у слова *die Qual* и его производных 4, у слова *die Pein* и его дериватов 3 употребления. Приведенные статистические данные говорят нам о значительной релевантности данного концепта, обладающего следующими перцептивно-образными признаками: *корчащаяся от страданий и боли гора (er schien zu schreien, der Berg, vor Schmerz zu klaffen)*, *камень на могиле (wie der Stein auf einem Grab)*, *искаженное лицо (entstelltes Gesicht)*, *крики (schrie vor Pein)*, *слезы (die Tränen)*, *вздрагивание мускул лица (die Zuckungen)*, *юноша с ли-*

цом самоубийцы (*ein Jüngling mit dem Gesicht des Selbstmörders*). Часть названных признаков эмоционального концепта «душевные страдания» узуальна (*искаженное лицо, крики, слезы*). Они легко узнаваемы, вычленяемы при обращении к лексикографическим источникам (словарным статьям, фиксирующим языковые примеры с лексемами, обозначающими и выражающими душевные страдания). Большинство же его перцептивно-образных признаков не конвенционально, не узуально. Они носят преимущественно индивидуально-авторский характер. Иллюстрацией может служить следующий пример: *Schwer lag ihm das Herz in der Brust, wie der Stein auf einem Grab* [11, с. 50]. В этом примере, как видим, описание душевных страданий Клингзора осуществляется посредством сравнительного экспрессивного оборота *wie der Stein auf einem Grab* (как камень на могиле) и лексемы *das Herz* (сердце), выступающей символом этого чувства в приведенном текстовом фрагменте. Интенсивность и глубина данного эмоционального состояния, образно представленного писателем, подчеркивается наречием *schwer* (тяжело).

Выше мы отмечали, что описываемые ключевые эмоциональные концепты находят свое речевое воплощение на уровне номинаций (т.е. посредством названия самих эмоций) и на уровне экспликаций (т.е. посредством выражения психических переживаний). Второй способ их вербализации в повести доминирует. При этом достаточно часто используются в качестве выражения эмоциональных концептов многочисленные метафоры, одним из компонентов которых выступает лексема *das Herz* (сердце). Душевные страдания эксплицированы, например, такими экспрессивными метафорическими высказываниями, как “... *in Klingsors nie ersättigtem Herzen stach der kleine Stachel*”, “*das Herz wollte nicht sterben, das Herz haßte den Tod*”. Страх также выражен метафорически. Приведем примеры: “... *friert uns das Herz*”, “*Aber innen im Herzen saß Angst*”.

Резюмируем изложенное.

Идейное содержание повести «Последнее лето Клингзора», авторский коммуникативный замысел обуславливают ее концептосферу. Значительные

позиции в ней занимают эмоциональные концепты, что объясняется эмоциогенностью этого произведения, его высокой степенью психологизма. Исходя из суждений гессеведов и опираясь на квантитативные показатели употребления номинантов и экспликантов эмоциональных концептов, мы относим к числу ключевых (основных) концепты «страх» и «душевные страдания». Данные концепты вербализуются в повести посредством обозначения и экспликаций. Страх и душевные страдания обладают разветвленной, дробной системой их обозначения в этом художественном произведении. Нередки случаи использования в «Последнем лете Клингзора» комбинированного способа речевого воплощения этих концептов – сочетание их номинантов и экспликантов в одном и том же контексте. Данный факт объясняется, на наш взгляд, авторским замыслом максимально детально, экспрессивно описать внутренний мир протагониста, его переживания и размышления.

При речевом воплощении ключевых эмоциональных концептов в повести широко используется метафора как эффектный художественно-эстетический прием и как эффективное средство воздействия на сознание читателя. В многочисленных текстовых пассажах в состав метафоры входит лексема *das Herz* (сердце), символизирующая локус переживаний протагониста.

Многостороннее исследование концептов предполагает выявление в их содержании перцептивно-образных признаков, в особенности оригинальных, индивидуально-авторских, отличных от узуальных, конвенциональных. К числу индивидуально-авторских признаков относятся следующие: *увядшая листва, выгоревшая зелень, коричневатая листва, шахта темноты, черные тени* (эмоциональный концепт «страх»), *корчащаяся от страданий и боли гора, камень на могиле, вздрагивание мускул лица, юноша с лицом самоубийцы* (эмоциональный концепт «душевные страдания»). Выявленные перцептивно-образные признаки вызывают самые разнообразные ассоциации у читателя, в определенной мере приращивают смысл в индивидуально-авторское содержание эмоциональ-

ных концептов, с одной стороны, а с другой – служат свидетельством индивидуальности стиля мастера художественного слова.

Список литературы

1. Карасик В.И. Модусы интерпретации «Трагедии о Кориолане» У. Шекспира. *Известия Южного федерального университета. Филологические науки*. 2020;(4):12–28.
2. Нерознак В.П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины. *Сборник научных трудов. Язык. Поэтика. Перевод*. М., Московский государственный лингвистический университет. 1996. С. 112–116.
3. Слышкин Г.Г. *Концептуализация исторической личности сознанием*. Тверь: Научная книга; 2013. 156 с.
4. Выстропова О.С. *Индивидуально-авторская концептосфера Роберта Бёрнса*: монография. Казань, «Бук»; 2020. 164 с.
5. Захарова Н.В. Лингвостилистические средства формирования вербального имиджа Э. Макрона. *Казанский лингвистический журнал*. 2023;6(4):501–511. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.4.501-511> [дата обращения 17.02.2024].
6. Красавский Н.А. *Индивидуально-авторские концептосфераы эмоций Германа Гессе, Стефана Цвейга и Роберта Мусиля*: монография. Волгоград, «Перемена»; 2023. 225 с.
7. Макарова О.С. Концепты «Macht» и «Glück» в концептосфере Ф. Ницше. *Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки*. 2023;(1):100–104.
8. Карасик В.И. *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*. Волгоград, «Перемена»; 2002. 447 с.
9. Березина А.Г. *Герман Гессе*. Л.: Лен. ун-т; 1976. 128 с.
10. Блохина Н.А. *Персонаж в системе мотивов: на материале произведений Г. Гессе*: автореф. дис. канд. филол. наук. Тверь; 2003. 26 с.
11. Hesse H. *Klingsors letzter Sommer*. Kinderseele. S. Fischer Verlag. Berlin; 1920. 76 с.

References

1. Karasik V.I. Modes of interpretation of the Tragedy of Coriolanus by W. Shakespeare. *News of the Southern Federal University. Philological sciences*. 2020;(4):12–28. (in Russ.)
2. Neroznak V.P. Linguistic personology: towards determining the status of a discipline. *Collection of scientific papers. Language. Poetics. Translation*. M., Moscow State Linguistic University. 1996. pp. 112-116. (in Russ.)
3. Slyshkin G.G. *Conceptualization of historical personality by consciousness*. Tver: Scientific Book; 2013. 156 p. (in Russ.)
4. Vystropova O.S. *The individual author's conceptual sphere of Robert Burns*: a monograph. Kazan, Buk; 2020. 164 p. (in Russ.)
5. Zakharova N.V. Linguistic stylistic means of forming the verbal image of E. Macron. *Kazan Linguistic Journal*. 2023;6(4):501–511. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.4.501-511> [accessed 17.02.2024] (in Russ.)
6. Krasavsky N.A. *Individual author's conceptospheres of emotions by Hermann Hesse, Stefan Zweig and Robert Musil*: monograph. Volgograd, "Peremena"; 2023. 225 p. (in Russ.)
7. Makarova O.S. The concepts "Macht" and "Glück" in the concept sphere of F. Nietzsche. *News of the Volgograd State Socio-Pedagogical University. Philological Sciences*. 2023;(1):100-104. (in Russ.)
8. Karasik V.I. *Language circle: personality, concepts, discourse*. Volgograd, "Peremena"; 2002. 447p. (in Russ.)
9. Berezina A.G. *Hermann Hesse*. Leningrad University; 1976. 128 P. (in Russ.)

10. Blokhina N.A. *A character in the system of motives: based on the material of the works of H. Hesse*: abstract of the dissertation of the Candidate of Philology. sciences. Tver; 2003. 26 p. (in Russ.)

11. Hesse H. *Klingsors letzter Sommer. Kinderseele*. S. Fischer Verlag. Berlin; 1920. 76 p. (in Germ.)

Автор публикации

Красавский Николай Алексеевич –
профессор
Волгоградский государственный социально-
педагогический университет
Волгоград, Россия
Email: nkrasawski@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6467-9305>

Author of the publication

Krasavsky Nikolaj Alekseevich –
Professor
Volgograd State Social-Pedagogical University
Volgograd, Russia
Email: nkrasawski@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6467-9305>

**Раскрытие информации о конфликте
интересов**

Автор заявляет об отсутствии
конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 01.05.2024
Одобрена после рецензирования: 15.06.2024
Принята к публикации: 28.06.2024

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Article info

Submitted: 01.05.2024
Approved after peer reviewing: 15.06.2024
Accepted for publication: 28.06.2024

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

**ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И
СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА
PHILOLOGY. THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE
LINGUISTICS**

Научная статья

УДК 81'25

Филологические науки

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.3.366-382>

**СКАЗКА Б. ГРИММ КАК ОБЪЕКТ ПЕРЕВОДА: ВАРИАТИВНОСТЬ,
ПРАГМАТИКА, АДАПТАЦИЯ**

Э.Ю. Новикова

*Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия
nov-elina@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4442-9071>*

Аннотация. В статье представлены результаты анализа переводов на русский язык оригинальной сказки Б. Гримм «Der alte Großvater und der Enkel» (1812). К анализу привлечены как межъязыковые переводы разных временных периодов и различных переводчиков – В. А. Гатцука (1893 г.), П. Н. Полевого (1893 г.), Ю. Полищук (2023 г.), переложение сказки в виде басни Л. Толстого (1896), так и интерсемиотический перевод в виде короткометражного фильма «Пластиковый стаканчик» (2019). Разножанровый эмпирический материал позволил рассмотреть проблематику перевода сказочной литературы с точки зрения лингвокультурной адаптации, локализации, вариативности. Цель исследования заключается в выявлении сходств и различий переводческих решений на уровне выбора языковых средств по четырем критериям. 1) передача содержания и фабулы; 2) передача авторского стиля; 3) соответствие стилистическому рисунку русских сказок; 4) синонимическая вариативность переводческих решений. Для сравнительно-сопоставительного анализа в работе использованы общенаучные методы. Новизна исследования заключается в определении доминантных переводческих стратегий, обусловленных как традициями и трендами художественного перевода в различные периоды, так и индивидуальными особенностями отдельно взятых переводчиков. Установлено, что ранние переводы сделаны в русле доместикации и адаптации к привычному для русскоязычной аудитории восприятию сказочной литературы, поздние переводы ориентированы на передачу авторского замысла максимально близко оригиналу. Интерсемиотический перевод как поликодовый аудио-визуальный продукт позволил сделать вывод о локализации и стратегии транскреации в переводе. На основе комплексного анализа эмпирического материала удалось наметить новый вектор переводоведческих исследований сказочной литературы и тем самым дополнить парадигму работ по анализу переводов сказок Б. Гримм. В перспективе планируется рассмотреть особенности машинного перевода и перевода с использованием искусственного интеллекта для определения границ передачи различных видов информации в сказочном тексте средствами языка перевода.

Ключевые слова: сказка; перевод; интерсемиотический перевод; адаптация; вариативность

Для цитирования: Новикова Э.Ю. Сказка Б. Гримм как объект перевода: вариативность, прагматика, адаптация. *Казанский лингвистический журнал*. 2024;7(3):366–382. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.3.366-382>

THE BROTHERS GRIMM FAIRY TALE AS AN OBJECT OF TRANSLATION: VARIABILITY, PRAGMATICS, AND ADAPTATION

E.Yu. Novikova

Volgograd State University, Volgograd, Russia

nov-elina@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4442-9071>

Abstract. The article presents the results of the analysis of Russian translations of the original Brothers Grimm's tale "Der alte Großvater und der Enkel" (The old man and his grandson, 1812). The analysis involves interlanguage translations of different time periods and various translators – V. A. Gatsuk (1893), P. N. Polevoy (1893), and Y. Polishchuk (2023), as well as an arrangement of a fairy tale in the form of a fable by L. Tolstoy (1896), and an intersemiotic translation in the form of a short film "Plastic Cup" (2019). The multi-genre empirical material allowed us to consider the problems of translating fairy-tales from the perspective of linguistic and cultural adaptation, localization, and variability. The aim of the research is to identify similarities and differences of translation solutions at the level of language means selection according to four criteria. 1) the transfer of content and plot; 2) transfer of author's style; 3) compliance to the stylistic pattern of Russian fairy tales; 4) synonymous variability of translation solutions. General scientific methods are used for comparative analysis in the work. The novelty of the research lies in the definition of dominant translation strategies, conditioned both by the traditions and trends of literary translation in different periods, and by the individual characteristics of certain translators. It was concluded, that the early translations were made in line with domestication and adaptation of fairy-tales to the perception familiar to the Russian-speaking audience, the later translations are focused on transmitting the author's idea as close as possible to the original. Intersemiotic translation as a polycode audio-visual product allowed us to conclude about localization and transcreation strategy in translation. Based on a comprehensive analysis of empirical material, it was possible to outline a new vector of translation studies of fairy-tales and thereby complement the paradigm of works on the analysis of translations of the Brothers Grimm's fairy tales. In the future it is planned to consider the features of machine translation and translation with the use of artificial intelligence to determine the limits of transmission of different types of information in the fairy tale text by means of the target language.

Keywords: fairy tale; translation; intersemiotic translation; adaptation; variability

For citation: Novikova E. Yu. The Brothers Grimm Fairy Tale as an Object of Translation: Variability, Pragmatics, Adaptation. *Kazan Linguistic Journal*. 2024;7(3): 366–382. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.3.366-382>

Введение

Художественное произведение как объект переводческой деятельности на протяжении всего периода существования творчества, науки и переводческого ремесла остаётся одним из самых интересных, нешаблонных, креативных и востребованных видов. Художественный перевод литературных произведений представляет собой богатый эмпирический материал для лингвистических и переводоведческих исследований и теорий. Он порождает научную полемику

по разновекторным направлениям – от глобально-технологических вопросов: стратегии перевода, вариативность перевода, технология перевода, профессиональная личность переводчика, до обсуждения отдельных языковых особенностей. В фокусе трилогии язык – культура – человек художественный перевод позволяет рассмотреть и определить границы творческой свободы переводчика, принципы передачи эстетического потенциала литературы, параметры лингвокультурной адаптации текста. Анализ проблем и особенностей художественного перевода встречаем в работах отечественных и зарубежных переводоведов [1], [2], [3], [4], [5], [6], [7], [8], [9], [10] и др.

Один из наиболее острых вопросов относительно специфики переводческой деятельности и переводческого действия заключается в поиске границ творческого преобразования оригинального текста переводчиком, в том числе границ творческой индивидуальности переводчика. На протяжении лет переводоведы и переводчики спорят о том, является ли перевод интерпретацией или репродукцией оригинала, требует ли художественный текст иной стратегии перевода по сравнению с нехудожественным (специальным текстом), каковы требования максимальной близости и бережности в переводе. Однозначного взгляда на указанную проблематику нет и быть не может, равно как и не может быть единственно возможного эталонного перевода вообще и перевода художественного текста в частности.

Фактором вариативности переводческого действия и принятия переводческого решения выступает жанрово-типологические многообразие художественного текста: литературные направления и стили, жанры поэтических и прозаических произведений и т.д. Интересный феномен художественной литературы и объект переводческой деятельности представляет собой жанр «сказка». Согласимся с Г.И. Панариной в том, что сказки, особенно детские, можно считать не только литературным достоянием, это, прежде всего, отражение менталитета, быта, культуры и традиций конкретных народов и народностей [11]. Как правило, сказки основаны на народной мудрости, они транслируют

как общечеловеческие, так и лингвокультурные ценности, в них сочетаются различные стилевые регистры, действуют особые жанрообразующие правила и принципы, что инициирует переводческое действие как лингвокультурный трансфер. Перевод сказочной литературы относится к художественному переводу и обнаруживает схожие переводческие задачи и проблемы, а также предмет лингвистических исследований. В фокусе современных переводоведческих исследований на материале сказок часто встречаем такие вопросы для обсуждения как: особенности лексических трансформаций, эквивалентность [12], перевод реалий [13], лингво- и социокультурная адаптация [11], сохранение национального колорита и др. Н. Н. Миронова описывает сказочный дискурс как уникальную знаковую систему, обслуживающую коммуникацию культур [14, с.48]. Наиболее остро и порой противоречиво рассматриваются различные аспекты адаптации иностранных сказок на русский язык. В.В. Кабакчи и З.Г. Прошина в ряде сопоставительных лингво-культурологических исследований отмечают, что «описание иноязычной культуры – это поиск оптимального варианта перевода русского культуронима. При этом осуществляется сопоставление культуронимов на межъязыковом уровне» [15, с.172]. Литературная сказка, по мнению И.Р. Перевышиной, является «материалным объектом реального мира и в то же время содержит в себе отраженный художественными средствами и эстетически освоенный мир реальности» [16, с.121]. Адаптация сюжетов сказочной литературы является важной составляющей диалога культур. Н.А. Фененко, анализируя специфику лингвокультурной адаптации сказок при переводе, говорит о необходимости социокультурной адаптации для обеспечения «читаемости» текста в другой культуре. Перевод сказок, по мнению Н.А. Фененко, «призван не просто перенести читателя ПТ в неизвестный ему "экзотический мир", но и помочь ему полюбить этот мир, почувствовать поэзию текста оригинала» [17, с.72]. В этом смысле перед переводчиком сказок стоят сложные задачи, поскольку основная аудитория данного типа текстов детская, поэтому важно передать не только смысл, стиль, национальный дух сказки, но

и мораль, поучительные моменты. Г.И. Панарина, анализируя специфику перевода зарубежных сказок на русский язык в фокусе передачи морали, отмечает ряд проблемных мест для переводчика: неверно переведен поучительный момент, отражена не та мораль, которая содержится в исходном тексте, более краочно передан сюжет, в переводе наблюдается сокращение сюжета, менее выразительное описание героев или наоборот наделение героев чертами, характерными русскому человеку и т.д. В целом Г.И. Панарина указывает на необходимость адаптации оригинального текста для подготовки его к восприятию детьми другой лингвокультуры [11, с.108]. И.С. Алексеева обращает внимание на сложившиеся традиции в переводе художественной литературы, при которых наблюдается умение следовать конвенциям общих представлений о художественном тексте, при этом индивидуальные особенности авторского стиля искажаются или упускаются из вида [18. с. 90].

Наглядным примером различных переводческих решений и подходов служат сказки братьев Гримм, как одни из первых сказок, соединивших в себе черты народной и авторской сказки и тем самым возложивших на переводчиков необходимость учитывать, как культурно-ценностные национально специфичные особенности, так и авторский индивидуальный взгляд на мир. Обращение к анализу сказок братьев Гримм встречаем в работах Т.Б. Чугуновой [19], М. Л. Кусовой, О. В. Лавровой, К. Д. Табатчиковой. [20], З.Е. Фомина отмечает в качестве характерной черты сказок, отражающих национально-культурные максимы немецкого этноса, «склонность к детализированию, стремление во всем дойти до самой сути, разложить и охарактеризовать все до мельчайших деталей» [21 с. 35].

Переводы сказок братьев Гримм можно считать любимым эмпирическим материалом различных исследований на протяжении веков. В.К. Ланчиков предлагает ретроспективный взгляд на первые переводы сказок братьев Гримм на русский язык (1862-1863) и комментарии к ним А.Н. Афанасьева, для которого сказки Гримм – это в первую очередь отражение немецкого духа [22].

Примечательно, что А.Н. Афанасьев в рецензии на первые переводы сборника сказок Гримм изрядно критикует переводчиков за неумение адаптировать немецкие сказки для русского юного читателя. Переводчик, по мнению Афанасьева, должен пользоваться «меткими оборотами русского сказочного языка», при этом не превратить их в «яркое сузальское мазанье» [там же]. В этой связи справедливо отмечает М.Ю. Коренева, что переводчик текста с долгой историей, такого как сказка Гримм, «так или иначе находится в плену разных «образов» — уже сложившегося образа автора, образа эпохи, образа жанра в его отечественном варианте, а иногда и образа читателя» [23]. Сравнивая переводные версии разных лет и разных переводчиков М.Ю. Коренева видит, к примеру, в переводах Ивановой печать характерной русской сказовости и стремление переводчицы максимально «оживить» текст, а переводной вариант Азадовского, гораздо более сдержаный и более близкий к оригиналу, воспроизводит литературную обработанность исходного немецкого текста [там же].

В рамках настоящего исследования с **целью** выявления критериев вариативности перевода проводится сравнительно-сопоставительный анализ нескольких переводов сказки братьев Гримм, выполненные в различные временные периоды разными переводчиками. Попытаемся дать ответ на такие вопросы: какой вид адаптации имеет место — лингвистическая или лингвокультурная; какими факторами обусловлены сходства и различия в переводах.

Материал и методы исследования

В основе методологии исследования лежат общенаучные методы. Методы наблюдения и описания позволяют рассмотреть языковые особенности исходного текста. Сравнительно-сопоставительный анализ переводов как метод лингво-переводческого исследования используется для сопоставления вариативных переводческих решений, предложенных различными переводчиками. Интерпретативный метод используется для изучения и выявления закономерностей перевода сказочных произведений в диахроническом аспекте.

Материалом исследования послужили переводы на русский язык сказки братьев Гримм «Der alte Großvater und der Enkel» (1850), выполненные В. А. Гатцуком (1893 г.) (П1), П. Н. Полевым (1895 г.) (П2), Ю. Полищук (2023 г.) (П3). Примечательно, что существует русскоязычная интерпретация сказки в виде басни Льва Толстого «Старый дед и внучек» (1886), которая представляет собой переложение на русском языке истории оригинальной немецкой сказки с элементами лингвокультурной адаптации (ЛТ). К анализу привлечена также версия интерсемиотического перевода сказки Б. Гримм в виде короткометражного фильма «Пластиковый стаканчик» (КФ). Предлагаемое исследование проведено на материале немецкого и русского языков.

Результаты исследования

Проследим, как трансформируется перевод одного и того же произведения в зависимости от временного периода, решения переводчиков, вида перевода, жанра.

Небольшая по объему сказка раскрывает остро социальные темы – *взаимоотношения людей разного возраста и поколений, болезнь, старость, унижение, снобизм, жестокость, примирение, инклюзия, одиночество*. Это не типичная сказка из собраний братьев Гримм, ввиду того, что похожа не на сказку в ее традиционном понимании, а на поучительный рассказ, не содержит сказочных или вымышленных персонажей и объектов, однако имеет моральный посыл и воспитательный нарратив, присущие художественному произведению, что и формирует основное переводческое задание и программу переводческого действия. Для получения результатов анализ материала произведен по четырем критериям: 1) передача содержания и фабулы; 2) передача авторского стиля; 3) соответствие стилистическому рисунку русских сказок; 4) синонимическая вариативность переводческих решений.

Передача содержания и фабулы

Привлеченные к анализу переводы с точки зрения выбора языковых конструкций и лексики не совпали ни в одном предложении полностью, при этом в

каждом из них полностью, без искажений, корректно и адекватно передано содержание сказки. Смысл, назидательный посыл и мораль во всех трех переводах идентичны. Небольшие расхождения в переводных версиях наблюдаются в передаче зерна истории. В переводе 1 и 2 повествование начинается также, как и в оригинале и используются привычные для данного жанра шаблоны «жил-жил» и «жил некогда», в переводе 3 начало представляет собой добавление переводчика (или издателя), определенная авторская стилизация, типичная для сборника переводов сказок Гримм, в котором опубликована сказка. В версии басни Л. Толстого дается пояснение, о чем басня и какой нравоучительный посыл она имеет. В короткометражном фильме (длительность 3 мин.) передача содержания осуществляется в основном за счет аудиовизуального ряда с минимальным количеством реплик действующих лиц. Следует отметить, что адаптационная задача в ходе интерсемиотического перевода решается с учетом современной аудитории зрителей, атрибутики современного быта; предметы оригинальной истории – глиняная и деревянная посуда – предстают посудой из современных материалов – керамики и пластика, равно как и внешний вид действующих лиц, отделка помещения. Кроме того, в видеоверсии появляется новый объект *пластиковый стаканчик*, который выражает тематическую и смысловую доминанту сюжета. Новое прочтение истории демонстрирует отклонение от оригинала и отдаляет зрителя от первоисточника. Однако воспитательные задачи сюжета в полной мере решаются за счет полимодального инструментария видеопродукта:

О: *Es war einmal ein steinalter Mann*

П1: *Жил был на свете дряхлый старичик*

П2: *Жил некогда на свете дряхлый-предряхлый старичик*

П3: *Есть в Австрии такая сказка. Жил-был старый-престарый человек*

ЛТ: *Басня про старика, который жил с сыном, невесткой и внуком. Он был старенький и беспомощный. Невестка часто ругала его и плохо ухаживала. Но потом они поняли, что подают плохой пример для их сыночка.*

Передача оригинального авторского стиля

Сказка представляет собой алог, короткий рассказ, без эпитетов и авторской оценки. С точки зрения стилистического рисунка и тональности текст сухой, без очевидных приемов и фигур, в плане подачи и привлечения внимания читателя стиль не ярко выражен. В переводе 3 наблюдается максимальная стилистическая близость оригиналу и сохранение авторского стиля повествования:

O: Wenn er nun bei Tisch saß und den Löffel kaum halten konnte, schüttete er Suppe auf das Tischtuch, und es floß ihm auch etwas wieder aus dem Mund.

П1: Сядет, бывало, обедать, — ложки до рта донести не может: расплескает всю еду по столу. Переводчик использует фигуру речи инверсию, которой нет в оригинале, генерализацию «стол» применительно к передаче слова «скатерть», конкретизацию «обедать» и фактическую неточность — «выливается (капает) изо рта» превратилось в переводе в «до рта донести не может». В итоге перевод отдаляется от оригинала по стилю, и частично по смыслу.

П2: Сидя за столом, он едва мог держать ложку в руках, расплескивал суп по скатерти, да случалось иногда, что суп у него и изо рта капал на стол. В данном переводе смысл передан верно, выбор грамматических конструкций совпадает с оригиналом. Однако стиль у переводчика получился более живой и образный за счет добавления сказательного шаблона «да случалось иногда» и инверсивного повествования.

П3: За столом он с трудом держал ложку и проливал суп на скатерть. Полностью совпадает со стилем исходного текста, однако очевиден пропуск, который немного упрощает восприятие ситуации. Очевидно, что в переводе 3 наблюдается попытка переводчика не приукрасить сюжет или его подачу средствами переводящего языка, а передать текст максимально близко оригиналу и сохранить авторский стиль. Авторами сказки изначально было задумано не создавать образную сказочную фантазийную историю, а наоборот изобразить ситуацию максимально реалистично и поучительно с акцентом на острые социальные проблемы.

ЛТ: И когда он ел, у него текло назад изо рта. Автор использует идентичное оригинальному немецкоязычному тексту по стилю и смыслу выражение.

КФ: видео-сцена: отец мать, сынишка и дед за столом, дед неаккуратно ест, у него капает еда с ложки в тарелку, невестка раздражается, муж успокаивает ее, сын наблюдает. В интерсемиотическом переводе визуально присутствуют субъекты и объекты оригинала, выражены эмоции героев (немощь старика, раздражение родителей мальчика, сочувствие внука), содержащиеся в исходном тексте. Авторская задумка передана на уровне содержания, однако выбор языковых средств говорит о новом прочтении истории в современной языковой интерпретации.

Соответствие стилистическому рисунку русских сказок

Перевод (1) и (2) выполнены в конце 19 века, при этом перевод (2) был позже взят для переиздания сборника сказок в 1998 году. Это говорит о том, что данные переводы вполне соответствовали своему времени и ожиданиям российских (советских) читателей и издательств. Переводчики активно использовали стилистические приемы, характерные для русскоязычных сказок и узнаваемые русскоязычными читателями уменьшительно-ласкательные существительные, архаические номинации, инверсивный способ построения предложений и др. В переводе (3) такие черты не присутствуют. Версия Л. Толстова написана автором в жанре басни и полностью выдержана в соответствующем стиле, при этом основной герой получил имя Миша, что сделало текст более конкретным и реалистичным, а не сказочно вымышленным. Аудиовизуальная версия выполнена современным разговорным языком, без намека на сказочность повествования или басню.

O: Was machst du da?" fragte der Vater. "Ich mache ein Tröglein," antwortete das Kind, "daraus sollen Vater und Mutter essen, wenn ich groß bin."

П1: Что это ты, сынок, делаешь?» — «Да вот, мисочку из щепочек делаю, — отвечает мальчик, — когда вы с тятей станете такие же старенькие, как дедушка, я и буду из неё вас кормить.»

П2: Ты что это там делаешь?» — спросил его отец. «Я сколачиваю корытое, — отвечал ребенок, — из того корыта стану кормить батюшку с матушкой, когда вырасту».

П3: Что ты там делаешь? — спросил его отец. Я делаю корытое. Мама и папа будут из него есть, когда я вырасту.

ЛТ: «Что ты это делаешь, Миша?» А Миша и говорил: «Это я, батюшка, лоханку делаю. Когда вы с матушкой старины будете, чтобы вас из этой лоханки кормить.»

КФ: 1:26 Мы решили, что теперь ты будешь пользоваться пластиковой посудой. 1:30 Она не разбьётся и ты не поранишься.

А зачем еще печатаешь? Этого дедушке не хватит? 2:27 Дедушкину я уже закончил. 2:29 Это для вас с мамой.

Синонимическая вариативность переводческих решений

Вариативные переводческие решения прослеживаются на уровне выбора лексико-грамматических средств практически в каждом предложении переводов оригинального текста. Даже лаконичный заголовок представлен в различных версиях в переводе. В оригинале дословно звучит *старый дед и внук*, в переводах наблюдается индивидуальные решения, при этом нет абсолютно совпадающего с оригиналом перевода: 1) опускается прилагательное *старый*, 2) появляется уменьшительно-ласкательная форма существительного *внучек, дедушка*, 3) применяется стратегия полной лексико-семантической замены, в данном случае транскреация.

O: Der alte Großvater und der Enkel

П1: Дедушка и внучек

П2: Старый дед и внучек

П3: Дед и внук

ЛТ: Старый дед и внучек

КФ: Пластиковый стаканчик

Следующие текстовые фрагменты иллюстрируют вариативные стратегии перевода в анализируемом материале, влияющие на степень адаптации текста и выбор языковых средств. Как правило, переводчик редко придерживается какой-либо одной стратегии, часто маневрирует между разными стратегиями при принятии решений для выполнения адекватной адаптации текста. Для достижения лингвокультурной адаптации, т.е. создания понятного, легко читаемого и стилистически привычного для реципиента текста перевода переводчики прибегают к трансформациям и переводческим приемам в русле стратегий доместикации / натурализации. Для более аутентичного повествования и близости оригиналу предпочтения отдаются стратегии форенизации / отчуждения, которая предполагает точный перевод и культурную близость оригиналу в первую очередь на уровне реалий. В случае творческого преобразования оригинала и его лингвокультурной локализации используется транскреация, при которой наблюдаются лексические замены, существенные отклонения от оригинала.

O: Da kaufte sie ihm ein hölzernes Schüsselchen für ein paar Heller, daraus trübte er nun essen. Использована уменьшительно-ласкательная форма существительного и наименование денежных средств.

П1: Купили ему деревянную миску и стали кормить еще хуже. Опущение наименования денежных средств ввиду их отсутствия в русской культуре, использование нейтральной формы существительного без уменьшительно-ласкательных суффиксов.

П2: Взамен глиняной мисочки они купили старику деревянную чашку за пару геллеров. Перестановка существительного в уменьшительно-ласкательной форме и замена на другое существительное. Использование транслитерации (историзм) при передаче наименования денежных средств.

П3: Купили старику за пару хеллеров деревянную миску. Использование эквивалента без уменьшительно-ласкательной формы, а также транскрипции при передаче наименования денежных средств.

ЛТ:и сказала, что теперь она ему будет давать обедать в лоханке.

Опущение наименования денежных средств ввиду их отсутствия в русской культуре, использование нейтральной формы существительного без уменьшительно-ласкательных суффиксов.

КФ: Мы решили, что теперь ты будешь пользоваться пластиковой посудой. В интерсемиотическом переводе вместо купленной деревянной миски появляется пластиковый стаканчик, распечатанный на 3D принтере, что говорит о локализации текста в современной культуре.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

Сказка представляет собой особый жанр художественного дискурса, для которого действуют такие же правила и требования к переводу, что и для любого другого жанра или типа текста. Сказка Б. Гримм «der alte Großvater und der Enkel» выдержана в стилистически нейтральной тональности, без эксплицитно выраженной эмоциональной составляющей, эстетики художественного произведения, однако с ярко обозначенной воспитательной нравоучительной доминантой.

Установлено, что ранние переводы сказки на русский язык обнаруживают черты исконно русских сказок по стилю повествования, языковым оборотам и использованию стилистических фигур и тем самым отдаляются от оригинала, стирают авторскую (Б. Гримм) индивидуальность, сохраняя при этом эквивалентность на уровне содержания. Переводы выглядят значительно красочнее и читабельнее оригинала за счет наличия существительных с уменьшительно-ласкательными суффиксами, инверсии в предложениях, наличию славянских слов. Объясняется такая лингвокультурная адаптация, в первую очередь, прагматикой получателя – русскоязычного читателя – его вкусовыми художественными приоритетами, сформированным годами кодом книгочтения и интереса к

сказочному творчеству как таковому. Подтверждается такой вывод стилевой равнозначностью двух различных переводов, выполненные разными переводчиками в один и тот же период времени, а также стилистической схожестью с переложенной на русский язык одноименной басней Л. Толстого.

Современная переводная версия очень близка оригиналу и по содержанию, и по стилю, адекватно передает авторскую стилизацию, смысл и информационную доминанту, при этом текст перевода производит впечатление сказки, поскольку содержит жанрово обусловленные языковые обороты. В данном случае очевидна адекватная жанру лингвистическая адаптация.

Интерсемиотический перевод в проанализированной версии совпадает с оригиналом только в плане сюжетной линии и передачи смысловой нравственно-воспитательной доминанты. Перевод можно считать локализацией с элементами транскреации, в которой имеет место адаптация на различных уровнях – временном, культурном, полимодальном, стилистическом, жанровом, текстовом, коммуникативном, знаковом.

Перспективы дальнейших исследований видятся нам на материале машинного перевода и перевода с использованием искусственного интеллекта для определения границ передачи различных видов информации в сказочном тексте средствами языка перевода.

Список литературы

1. Гачечиладзе Г. Г. *Художественный перевод*. Москва: Советский писатель; 1980.
2. Бабенко Л. Г. *Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика*. Москва: Флинта, Наука; 2004.
3. Чайковский Р. Р. *Основы художественного перевода*. Магадан: СВГУ; 2008.
4. Гришина И.И. Сказка в системе речевых жанров. *Современные исследования социальных проблем*. 2011;1(05):172–174.
5. Алимова М. В. Особенности и основные критерии перевода художественного текста. *Русистика*. 2012;2:47–52.
6. Межова М. В. Художественный текст как элемент культуры: переводческий аспект. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2014;9(1):106–109.
7. Синев А. Е. О культурных ценностях в переводе: Доместикация vs. Форенизация. *European Student Scientific Journal*. 2014; 3. URL: <https://sjes.esrae.ru/ru/article/view?id=273> (дата обращения: 04.07.2024)
8. Митягина В. А. Вербализация коммуникативных действий в художественном переводе. *Вестник МГЛУ*. 2015;11(722):70–76.

9. Петрова Н. В. Типы модификаций первичных текстов сказок. *Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2, Языкоизнание.* 2017;16(3):207–213.
10. Семеняева Ю.Ю. Стилистические особенности репрезентации эмотивности в художественном дискурсе. *Казанский лингвистический журнал.* 2024;7(1):95–104. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.1.95-104>
11. Панарина Г. И. Проблемы адаптации при переводе детских сказок *Заметки ученого.* 2021;5-1:107–109.
12. Бободжанова Л. К. Особенности национально-культурной адаптации сказок братьев Гримм при переводе на русский язык. *Litera.* 2020;9:111–120.
13. Скороходько С. А. Сказочный колорит как средство компенсации при переводе реалий народной сказки. *Античность - Современность (вопросы филологии).* Донецк: Издательство Донецкого национального университета, 2017;(5):409–421
14. Миронова Н. Н. *Дискурс-анализ оценочной семантики.* М.: Тезаурус, 1997.
15. Кабакчи В.В., Прошина З.Г. Лексико-семантическая относительность и адаптивность в переводе и межкультурной коммуникации. *Russian Journal of Linguistics.* 2021; 25(1):165–193. DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-1-165-193
16. Перевышина И. Р. Переводим сказку. *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* 2013; 5-1(23):120–122.
17. Фененко Н. А. Лингвокультурная адаптация текста при переводе: пределы возможного и допустимого. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация.* 2001;1:69–74.
18. Алексеева И. С. Делаем книгу: особый интегральный путь обучения письменному литературному переводу на русский язык. *Исследования языка и современное гуманитарное знание.* 2022; 4(2): 80–90. DOI 10.33910/2686-830X-2022-4-2-80-90.
19. Чугунова Т. Б, Алексеева Е. В. Сюжетно-композиционное и стилистическое своеобразие сказки «бременские музыканты» и ее современной интерпретации. *Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого.* 2017;4 (12): 1–3.
20. Кусова М. Л., Лаврова О. В., Табатчикова К. Д. Интерпретация сказки братьев Гримм "Бременские музыканты" в оригинале и переводе: межкультурный аспект. *Политическая лингвистика.* 2022; 6(96): 143–150. DOI 10.26170/1999-2629_2022_06_15.
21. Фомина З.Е. Немецкие национально-культурные максимы в номинациях сказок братьев Гримм. *Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета.* 2010; (14): 25–36.
22. Ланчиков В. К. Ученые и «непризванные». О первом переводе сказок братьев Гримм на русский язык. О русском переводе сказок Гримм *Мосты. Журнал переводчиков.* 2014;1(41):10–19.
23. Коренева М. Ю. Старые сказки – новое прочтение. О последнем издании «Детских и домашних сказок» братьев Гримм. *Вопросы литературы.* 2023;1:121–132. DOI 10.31425/0042-8795-2023-1-121-132.
24. Gebrüder Grimm. Der alte Großvater und der Enkel. Kinder- und Hausmärchen; 1850. URL: <https://maerchen.com/grimme/der-alte-grossvater-und-der-enkel.php>.
25. Дедушка и внучек. Братья Гримм. Сказки, изложенные по сборнику Бр. Гримм в 17 т., т.7. Типография В.А. Гатцук (Д. Чернышевский), Москва; 1893 г. Перевод: В.А. Гатцук. URL: <http://ino-lit.ru/lit/text/959/2109/Grimm/dedushka-i-vnuchek>.
26. Старый дед и внучек. Сказки, собранные братьями Гриммами. / Пер. под ред. П. Н. Полевого. СПб, 1895.; Изд. «Алгоритм»; 1998. URL: <http://19v-euro-lit.niv.ru/lit/text/959/2469/GrimmBrude33r/staryj-ded.htm>.
27. Дед и внук. *Железный Ханс и другие сказки братьев Гримм/* перевод Ю. Полищук. М: LIBRA; 2023.

28. Толстой Л.Н. Старый дед и внучек. Собрание сочинений в 22 тт. М.: Художественная литература. 1982;10: 22.
29. Пластиковый Стаканчик. Короткометражный фильм. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=mI5rrfkILM4>.

References

1. Gachechiladze G. G. Artistic translation. Moskva: Sovetskiy pisatel'; 1980. (In Russ.).
2. Babenko L. G. *Linguistic analysis of the art text. Theory and practice*. Moskva: Flinta, Nauka; 2004. (In Russ.).
3. Chaykovskiy R. R. *Fundamentals of artistic translation*. Magadan: SVGU; 2008. (In Russ.).
4. Grishina I.I. Fairy tale in the system of speech genre. *Modern studies of social problems*. 2011;1(05):172–174. (In Russ.).
5. Alimova M. V. Features and main criteria of translation of an artistic text. *Rusistika*. 2012; 2: 47–52. (In Russ.).
6. Mezhova M. V. Artistic text as an element of culture: translation aspect. *Philological sciences*. 2014; 9(1):106–109. (In Russ.).
7. Sinev A. E. On cultural values in translation: Domestication vs. Forenisation. *European Student Scientific Journal*. 2014; 3. Available from: <https://sjes.esrae.ru/ru/article/view?id=273>. (In Russ.).
8. Mityagina V. A. Verbalisation of communicative actions in artistic translation. *Vestnik MSLU*. 2015;11(722):70–76. (In Russ.).
9. Petrova N. V. Types of modifications of primary texts of fairy tales. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*. 2017;16(3):207–213. (In Russ.).
10. Semendyaeva Yu.Yu. Stylistic features of emotionality representation in artistic discourse. *Kazan Linguistic Journal*. 2024;7(1):95–104. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.1.95-104>. (In Russ.).
11. Panarina G. I. Problems of adaptation in the translation of children's fairy tales. *Notes of a scientist*. 2021;5-1:107–109. (In Russ.).
12. Bobodzhanova L. K. Peculiarities of national-cultural adaptation of Grimm brothers' fairy tales when translating into Russian. *Litera*. 2020;9:111–120. (In Russ.).
13. Skorokhod'ko S. A. Fairy-tale colouring as a means of compensation when translating the realities of folk tales. *Antiquity – Modernity (Issues of Philology)*. 2017;(5):409–421. (In Russ.).
14. Mironova N. N. *Discourse analysis of evaluative semantics*. M.: Tezaurus; 1997. (In Russ.).
15. Kabakchi V.V., Proshina Z.G. Lexical-semantic relativity and adaptivity in translation and intercultural communication. *Russian Journal of Linguistics*. 2021;25(1):165–193. DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-1-165-193. (In Russ.).
16. Perevyshina I. R. Translating a fairy tale. *Philological sciences. Issues of theory and practice*. 2013;5-1(23):120–122. (In Russ.).
17. Fenenko N. A. Linguocultural adaptation of the text in translation: limits of possible and admissible. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication*. 2001;1: 69–74. (In Russ.).
18. Alekseeva I. S. Making a book: a special integral way of teaching written literary translation into Russian. *Language Studies and Modern Humanities*. 2022;4(2):80–90. DOI 10.33910/2686-830X-2022-4-2-80-90. (In Russ.).
19. Chugunova T. B, Alekseeva E. V. Plot-composition and stylistic originality of the fairy tale "Bremen musicians" and its modern interpretation. *Memoirs of NovSU*. 2017;4 (12): 1–3. (In Russ.).

20. Kusova M. L., Lavrova O. V., Tabatchikova K. D. Interpretation of the Original Brothers' Grimm Fairy Tale Bremen Town Musicians and Its Translation: Intercultural Aspect. *Political Linguistics*. 2022;6(96):143–150. (In Russ.). DOI: 10.26170/1999-2629_2022_06_15.
21. Fomina Z.E. German national-cultural maxims in the nominations of Grimm brothers' fairy tales. *Nauchnyy vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta*. 2010;(14):25–36. (In Russ.).
22. Lanchikov V. K. Uchenye i "neprizvannye". Scholars and "uninvited". On the first translation of the Grimm brothers' fairy tales into Russian. On the Russian translation of Grimm's fairy tales. *Mosty. Translators Journal*. 2014;1(41):10–19. (In Russ.).
23. Koreneva M. Yu. Old fairy tales - a new reading. On the latest edition of "Children's and Household Fairy Tales" by the Brothers Grimm. *Literary issues*. 2023;1:121–132. DOI 10.31425/0042-8795-2023-1-121-132. (In Russ.).
24. Gebrüder Grimm. Der alte Großvater und der Enkel. Kinder- und Hausmärchen; 1850. Available from: <https://maerchen.com/grimme/der-alte-grossvater-und-der-enkel.php>.
25. Grandfather and Grandson. The Brothers Grimm. Fairy tales set out according to the collection of Br. Grimm in 17 vol., vol. 7. Tipografiya V.A. Gatzuk (D. Chernyshevsky), Moscow; 1893. Available from: <http://ino-lit.ru/lit/text/959/2109/Grimm/dedushka-i-vnuchek>.
26. Old Grandfather and Grandson. Tales collected by the Grimm brothers. / Per. ed. by P.N. Polevoy. SPb 1895; Izd. "Algorithm"; 1998. Available from: <http://19v-euro-lit.niv.ru/lit/text/959/2469/GrimmBrude33r/staryj-ded.htm>.
27. Grandfather and grandson. Iron Hans and Other Fairy Tales by the Brothers Grimm / translated by Yu. Polishchuk. M: LIBRA; 2023.
28. Tolstoy L.N. Old Grandfather and Grandson. Collected Works in 22 vol. M.: Khudozhestvennaya Literatura. 1982;10:22.
29. Plastic Beaker. Short film. Available from: <https://www.youtube.com/watch?v=mI5rrfkILM4>.

Автор публикации

Новикова Элина Юрьевна –
д.филол.н., профессор
Волгоградский государственный университет
Волгоград, Россия
Email: nov-elina@volsu.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-4442-9071>

Author of the publication

Novikova Elina Yurevna –
Doctor of Sciences (Philology), Professor,
Volgograd State University
Volgograd, Russia
Email: nov-elina@volsu.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-4442-9071>

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 05.06.2024
Одобрена после рецензирования: 15.07.2024
Принята к публикации: 28.07.2024
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Article info

Submitted: 05.06.2024
Approved after peer reviewing: 15.07.2024
Accepted for publication: 28.07.2024

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

**ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И
СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА
PHILOLOGY. THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE
LINGUISTICS**

Научная статья

УДК 811.581.11, 81'44

Филологические науки

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.3.383-393>

**СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
БАЗОВЫХ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ В
КОГНИТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ В РУССКИХ И
КИТАЙСКИХ ЯЗЫКАХ**

Сунь Фуцин¹, Ли Мяо²

¹*Хэйлунцянский университет / Северо-восточный университет лесного хозяйства,
Харбин, КНР*

²*Северо-восточный университет лесного хозяйства, Харбин, КНР*

¹1406884556@qq.com, <https://orcid.org/0000-0003-2072-2804>

²1842762361@qq.com, <https://orcid.org/0009-0004-7061-3555>

Аннотация. В статье рассматриваются особенности базовых цветообозначений в китайском и русских языках. Актуальность данной работы обусловливается недостаточной освещённостью в подобных исследованиях. Её целью является освещение сходства и различия семантики цветообозначений между китайским и русским языками. Категория цвета-важный аспект воплощенного познания, и цветообозначение как конкретное понятие не только означает прототипическое значение цветового слова, но и содержит его метафорическое значение. Метафорические значения выводятся из прототипических значений с помощью метафорических или метонимических когнитивных режимов. Непрототипические значения цветообозначения концептуализируются и закрепляются в национальных языках, и эти непрототипические значения являются важными аспектами национального культурного своеобразия. В русском и китайском языках даже два цветообозначения с одинаковыми прототипическими значениями имеют разные метафорические или метонимические тропы, обусловленные влиянием этнокультурных, религиозных, географических и других внеязыковых факторов, что в свою очередь приводит к различным метафорическим значениям. В данном исследовании рассматриваются базовые цветообозначения в русском и китайском языках, такие как «красный/红色», «белый/白色», «чёрный/黑色», и анализируются сходства и различия когнитивных схем и когнитивных моделей цветообозначений путём сопоставления семантики цветообозначений в русском и китайском языках.

Ключевые слова: цветообозначение, когнитивный; семантика; культура

Для цитирования: Сунь Фуцин, Ли Мяо. Сопоставительное исследование базовых цветообозначений в когнитивно-семантическом аспекте в русских и китайских языках. *Казанский лингвистический журнал.* 2024;7(3):383–393. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.3.383-393>

COMPARISON STUDY OF COLOR WORDS ON THE COGNITIVE AND SEMANTICAL ASPECTS IN RUSSIAN AND CHINESE

Sun Fuqing¹, Li Miao²

¹*Heilongjiang university/Northeastern University of Forestry,
Harbin, the People's Republic of China*

²*Northeastern University of Forestry, Harbin, the People's Republic of China*

¹1406884556@qq.com, <https://orcid.org/0000-0003-2072-2804>

²1842762361@qq.com, <https://orcid.org/0009-0004-7061-3555>

Abstract. The article discusses the features of basic color definitions in Chinese and Russian languages. The relevance of this work is due to the insufficient illumination in such studies. Its purpose is to highlight the similarities and differences in the semantics of color meanings between Chinese and Russian languages. Color categories are an important aspect of human cognition, and color words, as a specific concept, not only refer to the prototypical meaning of color words, but also contain their metaphorical meanings. Metaphorical meaning is derived from metaphorical or metonymic cognitive models on the basis of prototypical meaning. The non-prototypical meanings of color words are conceptualized and fixed in the languages of various ethnic groups, and these non-prototypical meanings are important aspects of the uniqueness of national culture. In Russian and Chinese languages, even if two color words with the same prototypical meaning, due to the influence of translinguistic factors such as national culture, religion, and geographical environment, their metaphorical or metonymic ways of thinking are different, which in turn leads to different metaphorical meanings.

Keywords: color words; cognition; semantic; culture

For citation: Sun Fuqing, Li Miao. Comparison Study of Color Words on the Cognitive and Semantical Aspects in Russian and Chinese. *Kazan Linguistic Journal*. 2024;7(3): 383–393. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.3.383-393>

Введение

Мы живем в красочном мире, где цвета имеют определённые значения для повседневной жизни людей. Изучение цвета тесно связано с философией, физиологией, психологией, антропологией и другими дисциплинами. Занятия по изучению цвета имеют долгую историю, восходящую еще к Аристотелю. «В центре внимания цветоведения с XVIII века находится развитие цветовых лексических систем в языке. Культурный детерминизм цветовой лексики и лингвистическая эволюция—две основные точки зрения, проходящие через исследования цвета» [1]. С 1920-х годов люди начали изучать связь между цветом и языком с когнитивной точки зрения, немецкие лингвисты выдвинули знаменитое «мировоззрение языка», американские лингвисты Сапир и Вулф выдвинули

на этой основе гипотезу «Сапир-Булф», которые создают теоретическую базу для изучения взаимосвязи между цветом и языком. Российский психолог П. В. Янышин, который провел семантический анализ цветов в «Семантических признаках цветов», утверждал, что восприятие людьми цветов связано с психологическими факторами [2]. А. А. Брагина проанализировали состав и семантическую структуру цветовых слов с семантической точки зрения [3]. В. Г. Гак и Московичи В. А. изучали цветовые слова с точки зрения сравнительного языкоизнания [4]. В настоящее время учёные глубоко трактовали законы цветообозначений, Соболева Н.С. в основном трактует с семиотического аспекта [5]; Воробьева Е. Ю. и Вежбицкая А исследовали главно с культурного аспекта [6,7].

Исследования цветообозначений в Китае достигли определенных результатов только после основания КНР, например, Яо Сяопин [8], Ву Юйчжан [9]. В начальном этапе они сосредоточены на основные проблемы о количестве и метафоризации цветообозначений, дальнейшие исследования обращают внимание на культуру, и когнитивную лингвистику, ещё и переводоведение, например: Цзян Дунюань [10], Пэн Цюжун [11], Чжао Лян [12], Чжан Цзицзя, Дуань Синьхуань [13], Сюе Яхунь, Ян Чжун [14], Ян Лючуань [15], Цзян Яньхун [16], Чжан Пэйцзи [17].

Восприятие цветообозначения тесно связано с физиологией и психологией человека, и совпадение физиологических факторов определяет общность психологического восприятия цветообозначений у различных этнических групп. Однако в силу различий в культуре, религиозных традициях и географической среде между разными этническими группами неизбежны различия в когнитивной семантике цветообозначений.

Актуальность данной темы обусловлена: 1) важной частью отражения сходства и различия человеческих познаний в отношении цветовых лексик, особенностью образов мышления различных народов 2) малоизученностью цветообозначений в когнитивном аспекте, особенно в китаистике 3) отсутствием межъязыкового сопоставления цветообозначений как нового аспекта рас-

смотрения данной проблемы.

В данной работе мы решаем следующие задачи: 1) сравнить базовые цветообозначения в когнитивно-семантическом аспекте и найти сходства и различия между двумя языками; 2) уточнить семантических мотивации базовых цветообозначений; 3) выявить причины сходств и различий.

1. Когнитивно-семантическое сравнение цветообозначения «чёрный» / «黑色» в русских и китайских языках

В Современном китайском словаре 86 слов, относящихся к китайскому слову «黑», а в Большом Русско-китайском Словаре (пересмотр 2001 года) (2605 страниц) - 33 слова, относящихся к слову «чёрный», которые обобщены следующим образом:

сема цветовое слово	сема1	сема2	сема3	сема4	сема5	сема6
黑	Чёрный цвет	Тайный, незаконный	Темная, темная ночь	Жестокий, плохой.	Собственные термины	
Количество и процент	30 34.9%	26 302%	16 18.6%	3 3.4%	11 12.7%	
Чёрный	Чёрный цвет	Тёмный, плохой, злобный	Грустный, трудный, тяжелый	Грубый, трудоемкий, вспомогательный	Связанные с названиями животных и растений	Колдовство, дьявольское.
Количество и процент	14 42.4%	6 18.2%	4 12.1%	4 12.1%	4 12.1%	1 3.0%

Согласно приведенной выше статистике, прототипические значения слова «чёрный» в русском и китайском языках составляют 42.4% и 34.9%, соответственно, что говорит о том, что прототипические значения составляют большую

часть языков, а человеческое познание цветообозначений лежит в основе прототипических значениях, что также отражает общность человеческого познания. Расширение лексической семантики также основано на дальнейшем расширении значения прототипа, который играет доминирующую роль в лексической семантике, а человеческая когниция расширяется на основе прототипа через такие когнитивные способы, как метафора или метонимия.

Из приведенной выше таблицы видно, что семантика «чёрный» /«» в русском и китайском языках в целом совпадает, с незначительными различиями в отдельных семантиках. «чёрный» /«» – цвета с негативными ассоциациями значениями как в русской, так и в китайской национальных культурах, например: *Чёрного кобеля не отмоешь добела.* (天生的黑狗洗不净, 本性难改). Другим выделенным семантическим значением слова «чёрный» в китайском языке, помимо прототипического, является «тайный, незаконный», на долю которого приходится 30.2 % семантического соотношения терминологии, например: «帮»(якудза), «车»(чёрный автомобиль), «道»(чёрная дорога), «店»(чёрный магазин), «户»(Человек без свидетельства о проживании), «金»(чёрное золото), «社会»(силы преступного мира) и т. д. Это говорит о том, что слово «чёрный» имеет преимущественно негативное оценочное значение в когнитивной ментальной схеме китайцев. В русском языке есть соответствующие концептуальные метафоры. Например: *Это откроет условия для конкуренции и убьет «чёрный рынок».* Прототипическое значение слова «чёрный» в русском языке также больше - 42.4 %; другое выделенное семантическое значение - «тёмный, плохой, злой» - 18.2 %. Это отражает, что цветообозначение «чёрный» имеет негативное значение в когнитивной ментальной схеме русских. Кроме того, «чёрный» может использоваться как метафора плохого настроения, меланхоличного настроения, трудных и тяжёлых дней, например: *чёрные мысли* «» (меланхолия). Однако в китайском языке для обозначения плохого настроения чаще используется цветообозначение «серый»,

например: (*прийти в отчаяние, пасть духом*) «心灰意冷».

Одним словом, черный цвет имеет негативное метафорическое значение в когнитивно-психологической схеме российского и китайского народов, символизирует злой и темный мир, дьявола.

2. Когнитивно-семантическое сравнение цветообозначения «белый» / «白色» в русских и китайских языках

Первый Смысл цветообозначения «белый» - это архетипическое значение белого цвета, а смысл второй описывает его с точки зрения яркости цвета. Смысл третий используется метафорически для обозначения людей, что указывает на контрреволюционный и реакционный политический смысл. Например, в России «белая армия» использовалась в конце Октябрьской революции как метафора для обозначения тех, кто был против советского режима, а «белая армия» использовалась для обозначения контрреволюционных сил во время антияпонской войны в Китае, в отличие от «Красной армии» революционной армии.

Цветообозначение «белый» обладает рядом других семантических свойств, которые стоит исследовать. Например, «белая зависть» выражает зависть (без ревности). «Зависть»-это «ревность или зависть», почему ревность описывается в белом цвете? Семантические конфликты возникают из-за этого. Семантический конфликт - важный признак для распознавания метафор. «Белая» в таком случае – это метафора, обозначающая чистоту и невинность. В комбинированном значении «белый» «затисть» исключает отрицательное значение. «Зависть» и производит комбинированное значение «затисть без ревности», что соответствует положительному оценочному значению «белый». Аналогично, фразеологическая структура «белая ворона» переводится как человек с новыми идеями. Вороны сами по себе черные, почему их называют «белая ворона»? Это метафорическое употребление, т.е. оно используется для обозначения «того, кто отличается». В то же время «белый» также используется в русском языке как метафора, обозначающая доброту сердца человека. Например: *Рубаха черна, да совесть бела.* «衬衫虽然是黑色的, 但心地却是善良的» (Хо-

тря рубаха был черной, но человек был добрым.)

В китайском языке цветообозначение «白» чаще всего означает «безрезультатно, бесполезно». Это наречие, которое чаще всего встречается в отрицательных предложениях. Например «白跑了一趟» (*тищетная поездка, которая не принесла желаемого результата*); «白吃饭» (*это значит, что человек может только есть и не работать*), «白说了» (*объяснять вещи простыми словами*). Еще одно негативное метафорическое значение слова «白色» в китайском языке: нетрудовой, например: «白食» (*бесплатная еда*), «吃白食» (*не трудиться, но все-таки обедать*). Киайское цветообозначение «白» также означает «без чего-либо добавленного, пустой», например: «白汤» (*белый суп*), «白卷» (*пустые экзаменацонные листы*), «白手起家» (*создать свое благополучие собственными руками*). Киайское цветообозначение «白» также связано со смертью, «白事» означает похороны.

Данный анализ показывает, что русское цветообозначение «белый» в большей степени выражает позитивную когнитивную оценку, тогда как в китайском языке оно может также означать бесполезную, неэффективную семантику.

3. Когнитивная семантика цветообозначения «красный»/«红色» в русских и китайских языках

В разных культурах красный символизирует такие важнейшие для человека понятия, как жизнь, сила, энергия, тревога, опасность, угроза[18]. Русско-китайская когнитивно-семантическая модель «красный» сосредоточена на архетипическом значении, а процесс его расширения за пределы в зависимости от степени типичности представляет собой процесс лексической метафоры или метонимии. Возьмем пример с китайского цветообозначения «красный»: (1) красный → (2) красная ткань, символизирующая праздник → (3) символ гладкости, успеха, того, что тебя ценят или приветствуют → (4) символ революции или высокого политического сознания → (5) дивиденд → (6) красивый.

Во втором значении слово «красный» используется для обозначения крас-

ной ткани, которая символизирует праздник, например: «*披红*» (задрапироваться в красное), «*挂红*» (повеситься в красном). Словосочетание «*披红*» не означает, что на человеке красная одежда (ткань), а является метафорическим употреблением. А в третьем определении, например: ① красная удача; ② он *пел театр, распевая красное*. «*Красная удача*» - это хорошая удача, «*петь оперу, распевая красное*» означает петь оперу, распевая знаменитое. Всё это показывает, что цветообозначение «красный»-это значение «везение и удачи». Четвёртое значение является семантическим расширением третьего определения, которая представляет собой метафору. В пятом значении значение «дивиденд» - это прибыль, распределяемая между акционерами или дополнительное вознаграждение, выплачиваемое работникам. «*дивиденд*» - это не «красный», а метафора. От первого к шестому значению типичность постепенно снижается, переход от второго значения «*красной ткани*», ассоциирующейся с красным цветом, к третьему значению «*красной удаче*» произошел до того, что с красным цветом не ассоциируется ни одна физическая характеристика.

Заключение

Сопоставительное исследование базовых цветообозначений «красный»/«*红*», «белый»/«*白*», «чёрный»/«*黑*» в русских и китайских языках показывает, что одним из выделенных семантических значений красного цвета в китайском языке является символ праздника, «успеха и удачи», а в русской когнитивной модели красного цвета – «*жизненная сила, уверенность, энтузиазм, счастье, удача*». В китайском языке цветообозначение «белый» имеет большое количество семантических значений, таких как «бесполезный, беззатратный», и многие из них не имеют эквивалентов в русском языке, поэтому китайская когнитивная схема «белый» более склонна к негативной оценке, например: «*白日做梦*» (мечтать в дневное время), «*白跑一趟*» (тищетная поездка, которая не принесла желаемого результата), «*白搭*» (бесполезно), «*空口套白狼*» (небольшие усилия за большое вознаграждение). Напротив, в когнитивной схеме русских

цветообозначение «белый» оценивается более позитивно. Однако «чёрный» в когнитивной психологии русских и китайских народов имеет уничижительный семантический характер, что является общим для когнитивной психологии русских и китайских народов.

Наши наблюдения позволяют сделать вывод, что даже если два цветообозначения с одинаковыми прототипическими значениями в двух языках, под влиянием национальной культуры, религиозных обычаяев и других гуманистических факторов, способы метафоры и метонимии цветообозначений становятся различными, и поэтому формирует специфические национальные когнитивные модели и уникальные национальные ментальные схемы каждого народа. Это также показывает, что семантический анализ – важный путь для изучения национальных когнитивных моделей.

Список литературы

1. 李福印. 认知语言学. 北京大学出版社, 2008. (На кит. яз.)
2. Янышин П.В. *Психосемантика цвета*. СПБ: Наука; 2006.
3. Брагина А.А. Цветовые определения и формирование новых значений слов словосочетаний. *Лексикология и лексикография. Сборник статей*. Под ред. С. Г. Бархударова и др. М.; 1972.
4. Гак В.Г. *Сопоставительная лексикология (на материале французского и русского языка)*. М.: Международные отношения; 1977.
5. Соболева Н.С. Семиотическое функционирование цвета в культуре. *Culture and civilization*. 2021(3):120–128.
6. Воробьева Е. Ю. Цветообозначения как проявление культурно-национальной специфики (на примере французского языка). *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2012(9):36–38.
7. Вежбицкая А. Обозначения цвета и универсалии зрительного восприятия. *Язык. Культура. Познание*. отв. ред. и сост. М. А. Кронгауз. М.: Рус. слов.; 1996. Р. 231–291.
8. 姚小平. 基本颜色词理论述评—兼论汉语基本颜色词的演变史. *外语教学与研究*, 1988(1). (На кит. яз.)
9. 吴玉章. 从历时和共时对比的角度看颜色词的模糊性. *外国语*, 1988(5). (На кит. яз.)
10. 蒋栋元. 论颜色及颜色词的文化差异. *四川外语学院学报*, 2002(2). (На кит. яз.)
11. 彭秋荣. 英汉颜色词的文化内涵及其翻译. *中国科技翻译*, 2001(1). (На кит. яз.)
12. 赵亮. 从俄汉颜色词看语言的世界图景. *解放军外国语学院学报*, 2003(5). (На кит. яз.)
13. 张积家, 段新焕. 汉语常用颜色词的概念结构. *心理学探新*, 2007(1). (На кит. яз.)
14. 薛亚红, 杨忠. 认知语义视角的英汉非基本颜色词对比研究. *外国语*, 2014(1). (На кит. яз.)
15. 杨柳川. 满纸“红”言译如何——霍克思《红楼梦》“红”系颜色词的翻译策略. *红楼梦学刊*, 2014(5). (На кит. яз.)
16. 贾艳红. 汉俄颜色词对比研究. 黑龙江大学, 2014. (На кит. яз.)

17. 张培基.英语声色词与翻译.商务印书馆,1964. (На кит. яз.)
18. Лю С., Васильева И.Э. Символика цвета в повести А.П. Чехова «Черный монах». Казанский лингвистический журнал. 2023(2):155–164.

References

1. Li Fuyin. *Cognitive linguistics*. Beijing University Press; 2008. (In Chinese)
2. Janishin P. V. *Psychosemantics color*. St. Petersburg: Nauka; 2006. (In Russ.)
3. Bragina A.A. Color definitions and the formation of new meanings of words and phrases. *Lexicology and lexicography. Collection of articles*. Edited by S. G. Barkhudarov and others. M.; 1972. (In Russ.)
4. Gak V.G. *Comparative lexicology (based on the material of the French and Russian languages)*. M.: International relations; 1977. (In Russ.)
5. Soboleva N.S. Semiotic functioning of color in culture. *Culture and civilization*, 2021(3):120–128. (In Russ.)
6. Vorobyova E.Y. Color designations as a manifestation of cultural and national specificity (using the example of the French language). *Philological sciences. Questions of theory and practice*. 2012(9):36–38. (In Russ.)
7. Vezhbitskaya A. Color designations and universals of visual perception. *Language. Culture. Cognition*. M.; 1996. Pp. 231–291. (In Russ.)
8. Yao Xiaoping. Commentary on the theory of basic color words—indirectly discussion on the evolution history of basic Chinese color words. *Foreign language teaching and Research*. 1988(1). (In Chinese)
9. Wu Yuzhang. The ambiguity of color words is seen from the perspective of diachronic and synchronic contrast. *Foreign Languages*. 1988 (5). (In Chinese)
10. Jiang Dongyuan. On the cultural differences between color and color words. *Journal of Sichuan Institute of Foreign Languages*. 2002(2). (In Chinese)
11. Peng Qiurong. The cultural connotation of English-Chinese color words and their translation. *Chinese Science and Technology Translation*. 2001(1). (In Chinese)
12. Zhao Liang. To see the world picture of language from the Russian-Chinese color words. *Journal of the People's Liberation Army Institute of Foreign Languages*. 2003(5). (In Chinese)
13. Zhang Jijia, Duan Xinhuan. The conceptual structure of commonly used color words in Chinese. *Exploration of Psychology*. 2007(1). (In Chinese)
14. Xue Yahong, Yang Zhong. A comparative study of English-Chinese non-basic color words from the perspective of cognitive semantics. *Foreign Languages*. 2014 (1). (In Chinese)
15. Yangliuchuan. How to translate the words “red” full of paper--The translation strategy of the color words “red” in Hawkes' “Dream of Red Mansion”. *Journal of Dreams of Red Mansions*. 2014 (5). (In Chinese)
16. Jia Yanhong. Comparative study of Chinese and Russian color words. Heilongjiang University. 2014. (In Chinese)
17. Zhang Peiji. *English sound and color words and translation*. Commercial Press; 1964. (In Chinese)
18. Liu X., Vasilyeva I.E. Color Symbolism in the Story “The Black Monk” by A.P. Chekhov. *Kazan Linguistic Journal*. 2023(2):155–164. (In Russ.)

Авторы публикации

Сунь Фуцин –
пост-доктор, лектор
Институт китайского языка и культуры
Хэйлунцзянского университета,

Authors of the publication

Sun Fuqing –
Doctor of Philology, Lecturer,
School of Chinese languages and culture of
Heilongjiang University,

*Институт иностранных языков
Северо-восточный университет лесного
хозяйства
Харбин, Китай
Email: 1406884556@qq.com
<https://orcid.org/0000-0003-2072-2804>*

Li Miao –
Аспирант
*Институт иностранных языков
Северо-восточный университет лесного
хозяйства
Харбин, Китай
Email: 1842762361@qq.com,
<https://orcid.org/0009-0004-7061-3555>*

**Раскрытие информации о конфликте
интересов**
Автор заявляет об отсутствии
конфликта интересов.

Информация о статье
Поступила в редакцию: 05.06.2024
Одобрена после рецензирования: 15.07.2024
Принята к публикации: 28.07.2024
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании
«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

*School of Foreign Languages
Northeast forestry University
Harbin, China
Email: 1406884556@qq.com
<https://orcid.org/0000-0003-2072-2804>*

Li Miao –
Graduate
*School of Foreign Languages
Northeast forestry University
Harbin, China
Email: 1842762361@qq.com,
<https://orcid.org/0009-0004-7061-3555>*

Conflicts of Interest Disclosure
The author declares that there is no conflict of interest.

Article info
Submitted: 05.06.2024
Approved after peer reviewing: 15.07.2024
Accepted for publication: 28.07.2024

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info
Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА PHILOLOGY. THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE LINGUISTICS

Научная статья

УДК 81-13

Филологические науки

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.3.394-404>

О КАТЕГОРИАЛЬНОМ ЗНАЧЕНИИ ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО Ф.Г. Фаткуллина

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия

fluzarus@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8711-2993>

Аннотация. Любая лексическая единица обладает материальной формой (означающим), содержанием (означаемым), а также определенной функцией, благодаря изучению которых можно описать синхронное состояние языка, включающее статический и динамический аспекты. В данной статье представлена статическая картина синхронного состояния одной из ядерных частей речи – имени существительного. Анализ различных точек зрения позволил обобщить и выявить следующие интегральные семантические признаки данной части речи: имя существительное выражает значение грамматической (абстрактной) предметности (грамматической субстанции, «предметности» в широком смысле); обозначает носителя признака, предмет мысли, автономную, самостоятельную сущность; отражает свойство явлений длительное время сохранять самостоятельность, устойчивость.

Исследование показало, что в статической картине частей речи фиксируется не только определенный момент в их синхронной динамике, но и определенный результат их развития в предыдущие периоды. Выделение ядра и периферии, при котором учитывается тип категориально-вещественного значения слов, свидетельствует об исторической последовательности появления отдельных подклассов в пределах изучаемой части речи.

Однако на позициях статики трудно до конца определить категориальное значение имени существительного. Обнаружить скрытые в синхронном состоянии тенденции дальнейшего развития системы частей речи в общем и отдельной части речи (например, имени существительного), в частности, позволяет подключение таких динамических факторов, как функционирование и взаимодействие.

Ключевые слова: морфология; части речи; категориальное значение; статика и динамика; имя существительное; ядро и периферия

Для цитирования: Фаткуллина Ф.Г. О категориальном значении имени существительного. *Казанский лингвистический журнал.* 2024;7(3):394–404.

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.3.394-404>

Original article

Philology studies

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.3.394-404>

ABOUT THE CATEGORICAL MEANING OF THE NOUN

F.G. Fatkullina

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

fluzarus@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8711-2993>

Abstract. Any lexical unit has a material form (signifier), content (signified), as well as a certain function, through the study of which it is possible to describe the synchronous state of the language, including static and dynamic aspects. This article presents a static picture of the synchronous state of one of the nuclear parts of speech – the noun. The analysis of various points of view

made it possible to generalize and identify the following integral semantic features of this part of speech: the noun expresses the meaning of grammatical (abstract) objectivity (grammatical substance, "objectivity" in a broad sense); designates the bearer of the feature, the subject of thought, an autonomous, independent entity; reflects the property of phenomena to maintain independence, stability for a long time.

The study showed that the static picture of parts of speech captures not only a certain moment in their synchronous dynamics, but also a certain result of their development in previous periods. The allocation of the core and periphery, which takes into account the type of categorical-material meaning of words, indicates the historical sequence of the appearance of individual subclasses within the studied part of speech.

However, in terms of statics, it is difficult to fully determine the categorical meaning of a noun. The connection of dynamic factors such as functioning and interaction allows us to detect trends hidden in the synchronous state of the further development of the system of parts of speech in general and a separate part of speech (for example, a noun), in particular.

Keywords: morphology; parts of speech; categorical meaning; statics and dynamics; noun; core and periphery

For citation: Fatkullina F.G. On the Categorical Meaning of the Noun. *Kazan Linguistic Journal*. 2024;7(3): 394–404. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.3.394-404>

Среди основных частей речи существительное и глагол определяются как ядерные, центральные; их ядерность объясняется тем, что эти части речи соответствуют логическому субъекту и предикату, являются наиболее древними, имеются во всех языках, противопоставляются друг другу по многим признакам [1]. Наличие двух центральных частей речи – существительного и глагола – обусловлено, как отмечает Э.В. Кузнецова, функциональной двойственностью языка: язык в системе общества выполняет две основные функции – коммуникативную и мыслительную. «Главная функция имен существительных связана с мышлением, ибо именно существительное является средством выражения понятий. Именем существительным может быть обозначено все, что существует, – предметы, действия, свойства и т.п. Главной функцией глагола является организация предложения, т.е. предикативность, без которой невозможен коммуникативный акт» [2, с. 20].

При разграничении частей речи, как правило, учитывается целая совокупность критериев. В качестве основных выдвигаются следующие: общее категориальное значение части речи, характер морфологических категорий и морфологической парадигмы, синтаксические функции, словообразовательные

характеристики. Как известно, части речи – это результат обобщенной классификации слов, а любая классификация строится на предположении о статичности, стабильности объекта. Наиболее сложной в семантическом и формально-грамматическом отношении категорией слов является имя существительное. Покажем внутреннее строение этой части речи с точки зрения статики. Дать статическое описание внутренней структуры отдельной части речи – это значит охарактеризовать ее изолированно от смежных частей речи, полностью исключив фактор взаимодействия. В пределах имени существительного можно выделить два типа ядра и периферии – семантическое ядро и периферию и формально-грамматическое ядро и периферию.

При выделении семантического ядра и периферии учитывается тип категориально-вещественного значения слов, относящихся к именам существительным, и совершенно не принимаются во внимание формальные особенности слов. Семантическое ядро имени существительного как части речи составляют слова, имеющие конкретно-предметную семантику: *человек, стол, лес, молоко, больной, шашлычная, работница, депо, кашне* и др. Это истинные семантические существительные. Для отнесения слов с конкретно-предметной семантикой к существительным не существенны их формально-грамматические признаки: если мы знаем, что-то или иное слово обозначает предмет (в буквальном смысле), «мы не ищем формальных признаков для того, чтобы узнать в этом слове существительное» [3, с. 80]. На самом деле, если мы знаем, что слова *больной, рабочий* обозначают лица, *столовая, шашлычная* – помещения, то независимо от адъективности их окончаний мы относим эти слова к именам существительным.

Семантическую периферию имен существительных представляют слова, обозначающие непредметные (признаковые) реалии: действия, состояния, количество, качества, отношения и т.д. Учитывая, что периферийные имена существительные отличаются друг от друга по материалу обобщения, считаем целесообразным выделять среди них различные семантические разряды, в частно-

сти: качественные существительные (*свежесть, синева*), процессуальные существительные (*ходьба, драка*), количественные существительные (*сотня, двойка*), существительные, выражающие состояния (*нервозность, стыд*) и т. п. К периферии можно присоединить также и имена существительные, обозначающие различного рода отношения (*равенство, соответствие, соотношение, обусловленность, уважение* и т.п.).

Формально-грамматические ядро и периферия у имени существительного выделяются при учете характера суффиксов-окончаний слов, относящихся к этой части речи. К формально-грамматическому ядру имени существительного относятся слова с типичной для этой части речи субстантивной формой, то есть слова, реализующие в своей морфемной структуре одну из разновидностей субстантивных суффиксов-окончаний (*мыльница, доброта, белизна, вход, ходьба, мышление, смелость, сотня, стол, человек* и под.). Формально-грамматическую периферию имени существительного составляют слова, не имеющие типичной субстантивной формы, то есть слова, не охарактеризованные субстантивными суффиксами-окончаниями: например, несклоняемые существительные, существительные адъективной формы. Подавляющее большинство таких нетипичных в формально-грамматическом отношении имен существительных обладают семантическим показателем существительности, так как несут в себе конкретно-предметную семантику.

Наложение семантической и формально-грамматической иерархических структур дает трехъярусную иерархию имени существительного. В центре располагаются *образцовые*, истинные имена существительные – т. е. слова, имеющие типичную для имен существительных субстантивную форму и выражающие типичную для них предметную семантику (*лес, человек, работница, остряк, выключатель*). *Образцовые* имена существительные оказывают организующее «давление» на другие подклассы в пределах этой части речи. Вокруг них группируются слова, совпадающие с ними либо по своей форме, либо по содержанию. Так, семантическое тяготение к образцовым именам существитель-

ным обнаруживают слова, обладающие типичной для имен существительных предметной семантикой, которая облечена в нетипичную для этой части речи форму – неизменяемую (*депо, кашне, пальто*) или адъективную (*рабочий, бу-
лочная*). Формально-грамматическое тяготение к образцовым именам существительным обнаруживают слова, имеющие типичную для имен существительных форму и несущие нетипичную для этой части речи признаковую семантику (*ходьба, беготня, смелость, отношение*).

Эти два полюса необразцовых существительных испытывают давление со стороны типичных существительных по линии несовпадающих признаков. Так, семантически нетипичные существительные приобретают под влиянием образцовых существительных «предметную» семантику, поэтому признается, что они, несут значение «определенного признака», поскольку обозначают признак как самостоятельную сущность [4; 5]. Формально нетипичные, существительные под воздействием грамматических категорий образцовых существительных перестраивают свои формальные признаки и приобретают парадигмы, напоминающие парадигму образцовых существительных (например, существительные адъективного типа перестают изменяться по родам, несклоняемые существительные приобретают аналитическое «склонение», выражая падежные значения посредством предлогов, и т.д.).

Семантическая и формально-грамматическая разнородность имен существительных создает трудности при их интегральной, обобщенной характеристике. Несмотря на это, в лингвистической литературе проявляется стремление дать имени существительному как части речи инвариантную характеристику.

Инвариантные свойства части речи, характеризуемой в статике, могут быть выявлены по линии формально-грамматической и по линии семантической. Инвариантным формально-грамматическим признаком имени существительного можно признать их общую сочетаемостную формулу. По справедливому замечанию А.М. Пешковского, имя существительное связывается в нашем сознании со стойкой формой словосочетания: «прилагательное + вызывающее в нем согласо-

вание существительное» [6, с.87]: *голубое небо, высококвалифицированный рабочий, красное кашне* и др.

Вопрос об инвариантном семантическом признаке имени существительного сводится к вопросу о его общем категориальном значении. Этот вопрос всегда привлекал внимание языковедов, занимающихся проблемой частей речи. Инвариантное значение части речи (или его категориальное, частеречное значение) – это то общее, что идентифицирует значения слов, относящихся к одной части речи [7].

Вопрос об инвариантном значении имени существительного весьма сложный. Нет единства взглядов ни относительно пути возникновения этого значения, ни относительно его содержательной характеристики. Вопрос о возникновении общекатегориального (инвариантного) значения имени существительного решается двояко. Одни ученые утверждают, что категориальное значение имени существительного (независимо от его содержательной характеристики) задано изначально как семантическая рубрика (А.М. Пешковский, Л.В. Щерба и др.). Другие отвергают заданность категориального значения существительного и утверждают его вторичность, выводимость, то, что оно возникло в результате семантической интерпретации грамматических признаков (формы или функции) имени существительного (Руделев В.Г). Большинство же ученых вопрос о заданности/выводимости категориального значения вообще не затрагивает или не акцентирует на нем внимания. Думается, что для статического описания частей речи вопрос о заданности или выводимости общекатегориального значения имени существительного не имеет особого значения. Решение этого вопроса существенно для создания динамической картины этой части речи. Для статики более существенным является вопрос о содержательной характеристике общекатегориального значения имени существительного. Относительно данного вопроса также нет единого мнения. Если обобщить мнения разных ученых, можно выделить, по крайней мере, следующие толкования интегрального семантического признака имени существительного: имя суще-

ствительное выражает значение грамматической (абстрактной) предметности (грамматической субстанции, «предметности» в широком смысле; обозначает носителя признака, предмет мысли, автономную, самостоятельную сущность; отражает свойство явлений длительное время сохранять самостоятельность, устойчивость.

Приведенные признаки категориального значения имени существительного, внешне не совпадая, в принципе взаимодополняют друг друга, между ними обнаруживаются определенные логические отношения, в связи с тем что в них подвергаются семантической интерпретации различные аспекты имени существительного как части речи. Так, например, определение категориального значения имени существительного как обозначения предметности в широком смысле представляет собой результат семантической интерпретации субстантивной формы, которая является общей для подавляющего большинства предметных и признаковых существительных. По словам А.М. Пешковского, существительное «обладает свойством определять все непредметное» [6, с. 95], обозначая не только конкретный предмет, но и определяемые свойства, действия, состояния, отношения, количество и т.д. С таким пониманием связан факт синонимического использования понятий «предметность в широком смысле» и «существительность» (или «субстантивность»): [8, с. 85] По справедливому замечанию некоторых исследователей, «предметность в широком смысле» просто синоним слова «существительность».

Отметим, что выражение «имя существительное обозначает абстрактную предметность» слишком отвлеченно и совершенно недостаточно для определения его категориального значения и выявления причины возникновения данной категории слов.

Короче говоря, можно заключить, что ни одно из приведенных определений категориального значения имени существительного, взятое отдельно от других, не дает полного представления о семантическом инварианте этой части речи, так как в них представлены результаты семантических интерпретаций

различных ее аспектов. Лишь в своей совокупности эти определения, создают полное представление об интегральной семантике имени существительного. Именно с этим обстоятельством связан тот факт, что в теоретических позициях некоторых ученых разноспектные характеристики семантического инварианта имени существительного представлены совмещенно. Еще А.А. Потебня давал разностороннюю семантическую характеристику имени существительному: существительное «есть название грамматической субстанции, или вещи» [8, с. 99], существительное – это способ представлять признак, мыслимый самостоятельно, независимо [там же: 98], оно обозначает предмет мысли [там же: 99], существительное обозначает носителя признака, поскольку способно быть определяемым посредством прилагательного [8, с. 6]. Выделяются по крайней мере три общих семантических признака имени существительного: существительное обозначает независимое понятие, носителя признака, понятие субстанции.

Оставаясь только на позициях статики (а именно с этих позиций чаще всего определяется категориальное значение, существительного), вряд ли возможно дать адекватное определение семантического инварианта данной части речи. Поэтому многие авторы, характеризуя категориальное значение существительного, учитывают динамический фактор – вводят, фактор функции, понимая под этим коммуникативно ориентированную и/или синтагматически ориентированную функциональную предназначность этой части речи. Например, утверждается, что значение «предметности», иначе — существительности, которое сопутствует лексическому значению существительного, не может быть определено иначе, как путем описания его функции. Функция же этого значения заключается в том, чтобы представить любое содержание в качестве самостоятельного или отдельного предмета мысли. Функция имени существительного как части речи заключается также в том, чтобы занять в синтагматической цепи актантную позицию (позицию подлежащего или дополнения) [7].

Поэтому, говоря в общем, следует признать, что части речи – это функционально-семантические классы слов, то есть такие классы, которые охватывают полнозначные слова единой позиционной предназначенности [5; 10]. Благодаря тому, что лексические единицы различных частей речи обладают не только вещественным значением, но и предсказывают свою типичную функцию в речи, можно утверждать, что части речи – это наиболее рациональный способ, позволяющий удерживать в памяти огромный словарный материал «в состоянии коммуникативной пригодности» и обеспечивающий «быстрое нахождение нужных слов» при порождении текста [4; 10]. Части речи не только представляют собой «гигантскую кладовую многовекового опыта познавательной деятельности человека» [5], но и концентрируют многовековой опыт его коммуникативной деятельности [9; 11; 12]. Таким образом, при описании частей речи в статическом состоянии учитываются следующие две оппозиции: 1) «категориально-вещественное значение – категориально-грамматическое значение» и 2) «категориально-грамматическое значение – форма его представления». От конкретного характера отношений между членами названных оппозиций зависит внутренняя структура части речи.

Подчеркнем, что изучение частей речи в статике необходимо для воссоздания прошлой истории их развития. На самом деле, по статическому состоянию той или иной части речи, сложившемуся в данный период, можно сделать общий вывод о том, в какой последовательности происходило становление этой части речи. Выделение таких составных компонентов статической картины частей речи, как ядро и периферия, свидетельствует об исторической последовательности появления отдельных подклассов в пределах изучаемой части речи.

Однако на основе только статического подхода к системе частей речи невозможно прогнозировать тенденции их дальнейшего развития. Обнаружить скрытые в синхронном состоянии тенденции дальнейшего развития системы частей речи в общем и отдельной части речи в частности позволяет подключение таких динамических факторов, как функционирование и взаимодействие.

Список литературы

1. Фаткуллина Ф.Г. *Системность и антропоцентричность глагольной лексики (поле деструктивности)*: монография. Уфа: РИЦ БашГУ; 2021.
2. Кузнецова Э.В. *Язык в свете системного подхода*. Свердловск; 1983.
3. Щерба Л.В. Очередные проблемы языкоznания. *Языковая система и речевая деятельность*. Л.: Наука; 1974.
4. Введенская Л.А., Колесников Н.П. *Грамматическое учение о слове*. 2 изд. М.: Высшая школа; 2008.
5. Кабиров Ш. Лексико-грамматические разряды имен существительных (разные типологии). *Endless light in science. Гуманитарные науки*. 2023. URL: [/file:///D:/Downloads/leksiko-grammaticheskie-razryady-imen-suschestvitelnyh-raznye-tipologii%20\(1\).pdf](http://file:///D:/Downloads/leksiko-grammaticheskie-razryady-imen-suschestvitelnyh-raznye-tipologii%20(1).pdf) (дата обращения: 23.04.2024).
6. Пешковский А.М. *Русский синтаксис в научном освещении*. М.-Л.: Госиздат; 1938.
7. Савельева О.С. Структура категориального значения предметности. *Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение*; Вып. 49. 2010;34(215):105–108.
8. Потебня А.А. *Из записок по русской грамматике*. Т. III. М.; Наука; 1968.
9. Фаткуллина Ф.Г. Лингвокультурология и лингвокультура: соотношение понятий. *Казанский лингвистический журнал*. 2020;3(1):102–113. doi: 10.26907/2658-3321.2020.3.1.102-112
10. Сакаева Л.Р., Евсюкова А.В. Формирование и процесс пополнения семантического поля «дипломатия и внешняя политика» в английском и русском языках в сопоставительном аспекте. *Казанский лингвистический журнал*. 2020;3(2):57–70. doi: 10.26907/2658-3321.2020.3.2.57-70
11. Сакаева Л.Р., Фаткуллина Ф.Г., Ялалова Р.Р. Структурно-грамматическая характеристика субстантивных и адъективных фразеологических единиц, характеризующих болезнь - здоровье в английском, немецком и русском языках. *Вестник Башкирского университета*. 2017;22(3):735–739.
12. Сакаева Л. Р. Сопоставительный анализ фразеологических единиц антропоцентрической направленности (на материале русского, английского, татарского и таджикского языков): автореф. ... д. филол. наук. Казань; 2008. 40 с.

References

1. Fatkullina F.G. *Systemicity and anthropocentricity of verbal vocabulary (field of destructiveness)*: monograph. Ufa: RIC Bashgu; 2021. (In Russ.)
2. Kuznetsova E.V. *Language in the light of a systematic approach*. Sverdlovsk; 1983. (In Russ.)
3. Shcherba L.V. The next problems of linguistics. *The language system and speech activity*. L.: Nauka; 1974. (In Russ.)
4. Vvedenskaya L.A., Kolesnikov N.P. *Grammatical teaching about the word*. 2nd ed. M.: Higher School; 2008. (In Russ.)
5. Kabirov Sh. Lexical and grammatical categories of nouns (different typologies). *Endless light in science. Humanities*. 2023. Available from: [/file:///D:/Downloads/leksiko-grammaticheskie-razryady-imen-suschestvitelnyh-raznye-tipologii%20\(1\).pdf](http://file:///D:/Downloads/leksiko-grammaticheskie-razryady-imen-suschestvitelnyh-raznye-tipologii%20(1).pdf) (accessed: 04/23/2024). (In Russ.)
6. Peshkovsky A.M. *Russian syntax in scientific coverage*. M.-L.: Gosizdat; 1938. (In Russ.)
7. Savelyeva O. S. The structure of the categorical meaning of objectivity. *Bulletin of the Chelyabinsk State University. Philology. Art criticism*; Issue 49. 2010;34(215):105–108. (In Russ.)

8. Potebnya A.A. *From notes on Russian grammar*. Vol. III. M.; Nauka; 1968. (In Russ.)
9. Fatkullina F.G. Linguoculturology and linguoculture: correlation of concepts. *Kazan Linguistic Journal*. 2020;3(1):102–113. doi: 10.26907/2658-3321.2020.3.1.102-112 (In Russ.)
10. Sakaeva L.R., Evsyukova A.V. Phrasing and the process of replenishing the semantic field "diplomacy and foreign policy" in English and Russian in a comparative aspect. *Kazan Linguistic Journal*. 2020;3(2):57–70. doi: 10.26907/2658-3321.2020.3.2.57-70
11. Sakaeva L.R., Fatkullina F.G., Yalalova R.R. Structural-grammatical characterization of substantive and appenditious phraseological units, which characterize the disease - health in English, German and Russian languages. *Bulletin of the University of Bashkir*. 2017;22(3):735–739. (In Russ.)
12. Sakaeva L.R. Comparative analysis of the phraseological units of anthropocentric orientation (in the material of Russian, English, Tatar and Tajik languages): autoref. Philol. sciences. Kazan; 2008. 40 p. (In Russ.)

Автор публикации

Фаткуллина Флюза Габдуллиновна –
доктор филологических наук, профессор
Уфимский университет науки и технологий
Уфа, Россия
Email: fluzarus@rambler.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8711-2993>

Author of the publication

Fatkullina Fliuza Gabdullinovna –
Doctor of Philology, Professor
Ufa University of Science and Technology
Ufa, Russia
Email: fluzarus@rambler.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8711-2993>

**Раскрытие информации о конфликте
интересов**

Автор заявляет об отсутствии
конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 10.06.2024
Одобрена после рецензирования: 15.07.2024
Принята к публикации: 28.07.2024
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Article info

Submitted: 10.06.2024
Approved after peer reviewing: 15.07.2024
Accepted for publication: 28.07.2024

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

Информация о рецензировании
«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

**ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И
СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА
PHILOLOGY. THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE
LINGUISTICS**

Original artikel

УДК 81

Philologie

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.3.405-414>

**ÜBERSETZUNG VON REALIA AUS ENGLISCHEN UND DEUTSCHEN
MEDIENTEXTEN INS RUSSISCHE**

L. Iusupova¹, O. Kuzmina²

Kasaner (Volga-Gebiet) Föderale Universität, Republik Tatarstan, Kasan, Russland

¹*yu.liya.20.07@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-5842-4453*

²*olga.tari@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-6701-6483*

Abstract. Der Artikel untersucht Realia in englisch- und deutschsprachigen Medientexten und die Möglichkeiten, diese ins Russische zu übertragen. Realia sind Wörter oder Ausdrücke, die nur für ein bestimmtes Volk einzigartig sind und von seinen historischen, kulturellen, sozialen, politischen und geografischen Existenzbedingungen abhängen. Für sie gibt es keine exakten Äquivalente in einer anderen Sprache, was zu Schwierigkeiten bei der Übersetzung führt. In Medientexten kommen Realia häufig vor. Es handelt es sich um Elemente, die ein vollständiges Verständnis des Textes verhindern. Realienwörter in Medientexten haben auch einen pädagogischen Wert, indem sie die Aufmerksamkeit der Studierenden auf die historischen und national-kulturellen Besonderheiten ihres Herkunftslandes lenken und so zur Erweiterung des Hintergrundwissens beitragen. Das Ziel der Studie ist es, die Möglichkeiten der Übersetzung englischer und deutscher Realienwörter in einem Medientext ins Russische zu analysieren. Die Autoren haben dabei solche Methoden wie deskriptive, der kontinuierlichen Stichprobe und der Kontextanalyse verwendet. Das Material für die Studie ist den US- und deutschen Online-Zeitschriften wie The New York Times, Foreign Policy, Fox News, Business Insider, Die Zeit, Der Spiegel, Tagesschau, Deutsche Welle und Focus entnommen. Die Analyse hat gezeigt, dass Realia eine eigene Wortschatzebene bilden. In englisch- und deutschsprachigen Medientexten finden sich am häufigsten onomastische, gesellschaftspolitische, alltägliche und seltener ethnografische und mythologische Realia. Englische und deutsche Realienwörter in Medientexten werden hauptsächlich mithilfe von Lehnübersetzung, Halblehnübersetzung, Transkription, Transliteration und der deskriptiven Konstruktion wiedergegeben.

Schlüsselwörter: Realia; Übersetzung; Übersetzungstechniken; Medientext; Sprache

Zum Zitieren: Iusupova L., Kuzmina O. Übersetzung von Realia aus englischen und deutschen Medientexten ins Russische. *Kazan Linguistic Journal.* 2024;7(3):405–414.
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.3.405-414>

Original article

Philology studies

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.3.405-414>

**TRANSLATION OF REALIA WORDS IN ENGLISH AND GERMAN MEDIA
TEXTS INTO RUSSIAN**

L. Iusupova¹, O. Kuzmina²

¹Kazan (Volga Region) Federal University, Republic of Tatarstan, Kazan, Russia

¹*yu.liya.20.07@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-5842-4453*

²*olga.tari@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-2444-0986*

Abstract. The paper deals with realia words in the English and German media texts used as a material at the translation practice lessons with university students trained as interpreters and translators. Realia words are unique as they are associated with the history and culture of some na-

tion and its social, political and geographical features. Realia words are often met in media texts. They do not have equivalents in other languages, which can prevent full understanding of the text and cause difficulties in the translation process. Realia words used in media texts have educational value as well, drawing students' attention to the historical and cultural characteristics of the vocabulary units under study and thereby contributing to the expansion of their background knowledge. The aim of the paper is to analyze the ways of translating realia words used in the English and German media texts into Russian. The authors applied such research methods as descriptive, continuous sampling method and method of contextual analysis. Material for the study was selected from the articles of the US and German media sources, such as The New York Times, Foreign Policy, Fox News, Business Insider, Die Zeit, Der Spiegel, Tagesschau, Deutsche Welle and Focus. The analysis showed that realia words form a separate layer of vocabulary. In the English and German media texts the most common are onomastic, socio-political and everyday realia words, while ethnographic and mythological ones are less frequent. The main techniques applied to translate the realia words under analysis into Russian are calque and half-calque translation, transcription, transliteration and explanatory translation.

Keywords: realia words; translation; translation techniques; media text; language

For citation: Iusupova L., Kuzmina O. Translation of Realia Words in English and German Media Texts into Russian. *Kazan Linguistic Journal.* 2024;7(3): 405–414. (In German). <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.3.405-414>

Einführung

In der modernen Welt spielen die Medien auf internationaler Ebene eine große Rolle, da sie die öffentliche Weltmeinung prägen. Deshalb ist die Übersetzung, die für die Medien geleistet wird, eine äußert verantwortungsvolle Aufgabe [1; 2].

Das Hauptziel des Übersetzers besteht darin, eine Gleichwertigkeit mit dem Originaltext herzustellen. Eine absolute Identität ist bekanntlich unerreichbar, da sich Sprachen sowohl in der grammatischen als auch in der lexikalischen Struktur voneinander unterscheiden. Darüber hinaus gibt es in jeder Sprache viele Realia, die zum kulturspezifischen Wortschatz gehören und besondere Schwierigkeiten bei der Übersetzung verursachen. Realia sind lexikalische Einheiten, die die nationalen und kulturellen Besonderheiten eines bestimmten Volkes oder Landes widerspiegeln und in der Regel keine Entsprechungen in anderen Sprachen haben.

Realienwörter als sprachliches Phänomen sind seit vielen Jahren für Linguisten von großem Interesse. Der Begriff „Reale“ hat in der Linguistik mehrere Definitionen.

G.D. Tomakhin definiert *Realia* als Namen von Objekten der materiellen Kultur, staatlichen Institutionen, historischen Fakten, Namen von Folklorehelden, Fabelwesen usw., die nur für ein bestimmtes Volk einzigartig sind [3, S. 5]. Der Begriff der *Realia* umfasst die Namen einzelner Gegenstände, Alltagsphänomene und der Geschichte eines Volkes oder Landes.

Laut L.S. Barkhudarov sind *Realia* „Wörter, die Objekte, Konzepte und Situationen bezeichnen, die in der praktischen Erfahrung von Menschen, die eine andere Sprache sprechen, nicht existieren“ [4, S. 95]. Der Wissenschaftler ordnet Realienwörter dem kulturspezifischen Wortschatz zu.

A.D. Schweitzer charakterisiert *Realia* als „Einheiten der Landessprache, die einzigartige Referenten bezeichnen, die für eine bestimmte Sprachkultur typisch sind und in der anderen Sprachkulturgemeinschaft fehlen“ [5, S. 251].

Realia sind Wörter, die Objekte des Alltagslebens, der Kultur, der sozialen Entwicklung, der Geschichte eines Landes benennen und in der Zielsprache keine Äquivalente haben [6, S. 35].

Realia machen mehr als 90% des gesamten kulturspezifischen Wortschatzes aus. Sie bezeichnen Objekte oder Phänomene und hängen mit historischen, wirtschaftlichen, kulturellen oder sozialen Aspekten der Sprache zusammen. *Realia* weichen ganz oder teilweise vom Wortschatz der Zielsprache ab [7, S. 47].

Das sind vor allem onomastische *Realia*, darunter geografische Namen (Toponyme); Anthroponyme – Namen von historischen Persönlichkeiten, Personen des öffentlichen Lebens, Schriftstellern, Dichtern, Publizisten, Journalisten, Wissenschaftlern, Künstlern, Figuren aus Belletristik und Folklore; Namen von Kunstwerken, geschichtliche Nansachen, Bezeichnungen für staatliche Institutionen. An der zweiten Stelle ist es appellatives Wortschatz: geografische Benennungen, Besonderheiten der geografischen Landschaft, Flora und Fauna; Wortschatz in Bezug auf das Staatssystem, das gesellschaftspolitische Leben, die Rechtsprechung, das Militärsystem, Kunst, Bildung, Alltag, Tradition [8, S. 54].

Realia sind größtenteils Substantive, denn nach der Definitionen der Realia lässt sich leicht erraten, dass es sich um Gegenstände, Objekte oder Phänomene handelt [9, S. 53].

Forschungsmethodik

Die Forschungsmethodik umfasst Methoden der kontinuierlichen Stichprobe und der Kontextanalyse beim Sammeln von Forschungsmaterialien, die deskriptive Methode bei der Arbeit damit, eine quantitative Methode bei der Identifizierung der Arten von Realia in einem Medientext und der Analyse von gebräuchlichsten Übersetzungstechniken.

Mittels der kontinuierlichen Stichprobenmethode wurden 200 Realia aus Medientexten identifiziert. Als Material für die Studie wurden Artikel US- und deutscher Medien wie The New York Times, Foreign Policy, Fox News, Business Insider, Die Zeit, Der Spiegel, Tagesschau, Deutsche Welle und Focus ausgewählt. Übersetzungen von Artikeln aus den oben genannten Quellen wurden der InoSMI-Website [10] entnommen.

Forschungsergebnisse

In der englisch- und deutschsprachigen Medientexten kommen häufig onomastische Realia vor. Unter den zahlreichen Namen dieser Art finden sich Vor- und Nachnamen, z.B. **Charles Michel, Ric Grenell, Susan Rice; Sebastian Kurz; Martin Luther, Heinrich II.** In Medientexten sind auch unter anderem Toponyme zu treffen, die auf die Namen von Städten, Staaten und Siedlungen hinweisen, in denen bestimmte Ereignisse stattfinden: **Washington, Erfurt, Texas, Russia; Ägypten, Ungarn, Österreich, Chemnitz, Belgien.** Zu den onomastischen Realia gehören auch die folgenden Namen von Unternehmen, Palästen, Museen, Theatern, Betrieben usw.: **Washington-based Democracy Institute, Trump Tower, Augustinian cloister, Starbucks; die Deutsche-Alzheimer-Gesellschaft, Cadzand-Bad.** Sie enthalten bestimmte regionale Information, die für die korrekte Übersetzung notwendig ist.

Die Medientexte spiegeln auch wichtige politische und gesellschaftliche Ereignisse der Welt wider, die die Realia der staatlichen Verwaltungsstruktur und des öf-

fentlichen Lebens beinhalten: *The problem, as we know from France's "yellow vest" protests and Kazakhstan's recent unrest over fuel price hikes, is voters have ...* [11].

Unter den gesellschaftspolitischen *Realia* gibt es Berufe, Titel, Behörden, wie z.B: *Former Obama national security adviser Susan Rice doesn't occupy a seat in the Oval Office, but the White House Domestic Policy Council director is calling all the shots in the new administration, former acting DNI Ric Grenell said Monday* [11].

Auch im Deutschen kommen sie häufig vor, z.B: ***Bundesausreisezentrum, Reichstag, Bundestag, Stasi, Bundesinnenminister, Kanzler, Ministerpräsident***. Der Beitritt Deutschlands zur Europäischen Union spiegelte sich in wortbildenden Neologismen in Medientexten wider. So werden in der modernen deutschen Presse Komposita verwendet, die die *Euro*-Komponente enthalten: ***Euro-Provision, Euromarkt, Eurovision: Spanien hat in diesem Programm die höchste Wachstumsrate im Euroraum erzielt*** [12].

Die andere Gruppe, die hervorzuheben ist, sind Alltagsrealia. In Medientexten sind Speisen- und Getränkenamen: ***beefsteak, matzo ball soup; Schillerlocke, Biene-stich***; Banknoten und Maßeinheiten: ***dollar, pound***; Volksfeste: ***Resurrection, Pasch, Ascension, Pentecost; Oktoberfest, Nikolaustag***; Haushaltsartikel: ***a frying pan; Kuckuckuhr*** zu treffen.

Ethnographische und mythologische *Realia* kommen in englisch- und deutschsprachigen Medientexten seltener vor. Darunter sind Namen ethnischer und sozialer Gemeinschaften: ***the Tories, Indians, cowboy***. In Artikeln über die Folklore Großbritanniens und Deutschlands finden sich die Namen von Märchenwesen: ***Bunschi, Hobbit, Lorelei, Sandmann***.

In Medientexten sind auch *Realia* zu treffen, die die Besonderheiten der natürliche-geografischen Landschaft eines bestimmten Landes widerspiegeln. Für Großbritannien sind es beispielsweise: ***Canyon, Bluestone, Loch, White Cliffs***, für Deutschland – ***Watte, Wattenlöpen, Dünens, Heide, Moore***.

Bei der Übersetzung von Realia werden folgende Schwierigkeiten festgestellt: es fehlt eine Entsprechung in der Zielsprache aufgrund des Fehlens eines Objekts, das das Reale bezeichnet; es besteht die Notwendigkeit, nicht nur Semantik vom Reale sondern auch seine Konnotation zu vermitteln. Es sind folgende Übersetzungstechniken des kulturspezifischen Wortschatzes bekannt: Transkription und Transliteration, Lehnübersetzung, deskriptive Konstruktion, Anpassung, Transformation.

Es gibt die direkte Übersetzung, welche die Lehnwörter verwendet. Die Lehnübersetzung, die wörtliche Übersetzung, wird am häufigsten bei der Übersetzung bekannter gesellschaftspolitischer Realia ins Russische verwendet (52% engl. Realia, 37% dt.):

engl.: Should present trends hold, however, **the House election** will constitute, at a minimum, **a Red Wave** for **the Republican party** [13]. – Но если нынешние тенденции сохранятся, выборы в палату представителей станут как минимум **Красной волной** для **Республиканской партии**.

dt.: **Ostarbeiter** waren vor allem Ukrainer aus den von der deutschen Wehrmacht besetzten Gebieten [14]. – **Восточными рабочими** были в основном украинцы с территорий, оккупированных немецким Вермахтом.

Es kommt manchmal vor, dass die Transliteration/Transkription und die Lehnübersetzung gleichzeitig eingesetzt werden. In diesem Fall wird von der Halblehnübersetzung gesprochen. Im vorliegenden Beispiel ist die zweite Komponente der Wortverbindung wörtlich übersetzt – **ворот**, und die erste Komponente **Brandenburger Tor** mittels der Transliteration – **Бранденбургских**:

dt.: Wie das Blatt weiter berichtet, ist am **Brandenburger Tor** aktuell nur noch ein Silvesterkonzert mit Fernsehübertragung und ohne Publikum geplant [15]. – Как сообщает издание, в настоящее время у **Бранденбургских ворот** запланирован только новогодний концерт с телетрансляцией и без зрителей.

An der 2. Stelle sind Transliteration/Transkription (34% engl., 26% dt.). Der Hauptnachteil dieser Techniken besteht jedoch in der Unmöglichkeit, die Semantik des übersetzten Wortes zu vermitteln. Sie vermitteln entweder die Schreibweise

(Transliteration) oder den Lautwert (Transkription) der Realia. Am häufigsten werden dadurch onomastische Realia übersetzt:

engl.: This is a scandal far greater in scope and magnitude than **Watergate** and those who were involved in and knew about this spying operation should be subject to criminal prosecution [16]. – Это скандал гораздо серьезнее по широте и размаху, чем **Уотергейт**, и те, кто был причастен к этой шпионской операции и знал об этом, должны быть привлечены к уголовной ответственности.

dt.: Die Autobahn 5 ist in **Baden-Württemberg** wegen einer bestehenden Eisschicht zwischen den Anschlussstellen **Rastatt-Nord** und **Baden-Baden** zunächst gesperrt worden [17]. – Автомагистраль А5 в **Баден-Вюртемберге** изначально была закрыта из-за наличия слоя льда между развязками **Раиштамм-Норд** и **Баден-Баден**.

Zu den Techniken indirekter Übersetzung gehört die deskriptive (erklärende) Konstruktion (5% engl., in deutschen Medientexten ist sie viel häufiger zu treffen und beträgt 24%). Man greift darauf zurück, wenn es eine Notwendigkeit für die Interpretation der Realia besteht. Die deskriptive Konstruktion ermöglicht es, ihre Semantik zu vermitteln. Es wird oft bei der Übersetzung von Alltags- und gesellschafts-politischen Realia verwendet:

engl.: **Trumpcare**, cleverly, doesn't ban insurers from covering the procedure [12]. – **Реформа здравоохранения Трампа**, не запрещает страховщикам защищать процедуры.

dt.: Es gibt immer mehr **Scheidungskinder** [17]. – Появляется все больше и больше **детей, лишенных должной заботы родителей из-за их развода**.

Eine Art der Transformation – Konkretisierung – wird bei der Übersetzung von Realia nur in wenigen Fällen gebraucht (3% engl., 4% dt.). Dabei wird die lexikalische Einheit der Originalsprache durch die lexikalische Einheit der Zielsprache mit der engeren Bedeutung ersetzt:

engl.: I am not thinking primarily of **Santa** displacing the Christ child...[13]. – Я сейчас говорю не о том, как **Санта-Клаус** вытеснил младенца Иисуса...

dt.: *Elbflorenz* – barocke Pracht von der Frauenkirche bis zum Zwinger [14]. –
Дрезден – великолепие барокко от Фрауэнкирхе до Цвингера.

Noch seltener (2%) wird im Englischen bei der Übersetzung der Realia Generalisierung verwendet, die der Konkretisierung gegenübersteht:

engl.: Prime Minister Charles Michel of Belgium gave Mr. Trump a framed cartoon that depicted a cowboy eating out of *a frying pan*, while Indians approach from behind [13]. – Так, премьер-министр Бельгии Шарль Мишель подарил Трампу карикатуру в рамке, на которой изображен ковбой, который ест что-то прямо со *сковородки*, в то время как сзади к нему подкрадываются индейцы.

Im Deutschen ist die Generalisierung bei der Übersetzung der Realia aus Medientexten häufiger zu treffen – 7%:

dt.: Das Verhalten der Pharmaunternehmen führte bei einigen Justizbehörden zu einer Art *Torschlusspanik* [14]. – Поведение фармацевтических компаний вызвало своего рода *панику* среди некоторых судебных властей.

Nur 2% deutscher Realia werden ins Russische durch Anpassung umgewandelt, die Technik, bei der ein kulturelles Element durch ein anderes ersetzt wird, das typisch für die empfangende Kultur ist:

dt.: Das findige *Kasperl* erobern Kinderherzen bis heute im Sturm - seit nunmehr 50 Jahren [14]. – Находчивый *Петрушка* покоряет детские сердца по сей день – вот уже 50 лет.

Kasperl, eine komische Figur der deutschen Nationalfolklore und des Puppentheaters, wird durch eine ähnliche Figur der russischen Folklore – *Petruschka* – ersetzt aus Gründen der Sprachökonomie und gleichzeitig, um das Verständnis des Textes zu erleichtern.

Fazit

Also, zu den in der englischen und deutschen Publizistik am häufigsten vorkommenden Realia gehören Toponyme und onomastische Bezeichnungen. Auch gesellschaftspolitische Begriffe finden sich in den analysierten Medientexten, was nicht verwunderlich ist, da die Berichterstattung über politische und gesellschaftliche

Themen in den Medien zu den wichtigsten zählt. Ethnografische und mythologische Realia sind in der Publizistik seltener zu treffen, denn Massenmedien befassen sich vor allem mit aktuellen Nachrichten. Darunter kommen die Bezeichnungen ethnischer und sozialer Gemeinschaften sowie die Namen von Märchenwesen vor.

Die Lehnübersetzung von Realia aus englischen und deutschen Medientexten ins Russische wird also am häufigsten verwendet (engl. 52 %, dt. 37 %), Transliteration/Transkription sind an der zweiten Stelle (engl. 34 %, dt. 26 %). Weiter ist die deskriptive (erklärende) Konstruktion zu erwähnen (engl. 5 %, dt. 24 %). Transformationen – Konkretisierung (engl. 3 %, dt. 4 %), Generalisierung (engl. 2 %, dt. 7 %), Anpassung (dt. 2 %) – werden dabei seltener gebraucht.

References

1. Iusupova L., Kuzmina O., Rakhimbirdieva I. Methods of Translation of German Compound Words in the Publicistic Texts into Russian. *Kazan Linguistic Journal*. 2022;5(4):559–569. (In German)
2. Bydantseva A.N. Lexical transformations in the translation of socio-political terms (based on the material of the online publication “The Guardian”). *Kazan Linguistic Journal*. 2023;6(3):355–365. (In Russ.)
3. Tomakhin G.D. Realia-Amerikanisms. Manual on regional studies. M.: Higher school; 1988. (In Russ.)
4. Barkhudarov, L.S. Language and translation: issues of general and specific translation theory. M.: URSS; 2023. (In Russ.)
5. Schweitzer A.D. Translation theory: Status, problems, aspects. Edition 2. M.: URSS; 2023. (In Russ.)
6. Gilchenok N. L. Workshop on translating scientific and media texts from German into Russian. SPb.: KARO; 2008. (In Russ.)
7. Vlahov S.I., Florin S.P. The untranslatable in translation. 4th edition M.: “R. Valent”; 2012. (In Russ.)
8. Vinogradov V.S. Introduction to translation studies (general and lexical issues). M.: Publishing house of the Institute of General Secondary Education of the Russian Academy of Education; 2001. (In Russ.)
9. InoSMI. Available from: <https://www.inosmi.ru> [accessed 16.02.2022]. (In Russ.)
10. Foreign Policy. Available from: <https://www.foreignpolicy.com> [accessed 20.02.2024]. (In Engl.)
11. Fox News. Available from: <https://www.foxnews.com> [accessed 10.01.2024]. (In Engl.)
12. Tagesschau. Available from: <https://www.tagesschau.de> [accessed 15.01.2024]. (In Germ.)
13. The New York Times. Available from: <https://www.nytimes.com> [accessed 05.02.2024]. (In Engl.)
14. Deutsche Welle. Available from: <https://www.dw.com> [accessed 12.01.2024]. (In Germ.)
16. Der Spiegel. Available from: <https://www.spiegel.de> [accessed 20.02.2024]. (In Germ.)
16. Focus online. Available from: <https://www.focus.de> [accessed 18.03.2024]. (In Germ.)
17. Zeit online. Available from: <https://www.zeit.de> [accessed 20.03.2024]. (In Germ.)

Авторы публикации

Юсупова Лиля Гаязовна –

Старший преподаватель

Казанский федеральный университет

Казань, Республика Татарстан, Россия

Email: yu.liya.20.07@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-5842-4453>

Кузьмина Ольга Дмитриевна –

Старший преподаватель

Казанский федеральный университет

Казань, Республика Татарстан, Россия

Email: olga.tari@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6701-6483>

**Раскрытие информации о конфликте
интересов**

Автор заявляет об отсутствии

конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 08.02.2024

Одобрена после рецензирования: 15.05.2024

Принята к публикации: 28.06.2024

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Authors of the publication

Iusupova Liia –

Senior Lecturer

Kazan federal university

Kazan, Republic of Tatarstan, Russia

Email: yu.liya.20.07@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-5842-4453>

Kuzmina Olga –

Senior Lecturer

Kazan federal university

Kazan, Republic of Tatarstan, Russia

Email: olga.tari@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6701-6483>

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 08.02.2024

Approved after peer reviewing: 15.05.2024

Accepted for publication: 28.06.2024

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

Казанский лингвистический журнал
Международный научный рецензируемый журнал
Главный редактор – С.С. Тахтарова
Выпускающий редактор – А.Р. Лисенко
Шеф-редактор – Д.Р. Сабирова
Ответственный редактор – А.А. Абдрахманова
Научные редакторы:
Ф.Л. Ратнер (педагогика)
Л.Е. Бушканец (литературоведение)
Л.Р. Сакаева (лингвистика)

Дата выхода в свет: 21.10.2024. Бумага офсетная. Печать цифровая. Формат 70x108 1/16. Тираж 500 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии Издательства Казанского университета

Адрес: ул. Профессора Нужина, 1/37, г. Казань, Республика Татарстан, Россия, 420008

Телефон: +7 (843) 233-73-59, +7 (843) 233-73-28

Перепечатка материалов допускается только с письменного разрешения редакции

Редакция не несёт ответственности за содержание публикаций

Распространяется бесплатно

Kazan Linguistic Journal
International peer-reviewed journal
Chief editor – S.S. Takhtarova
Executive editor – A.R. Lisenko
Press and editorial manager – D.R. Sabirova
Responsible editor – A.A. Abdrakhmanova
Scientific editors:
F.L. Ratner (pedagogics)
L.E. Bushkanets (literary studies)
L.R. Sakaeva (linguistics)

Date of publication: 21.10.2024. Offset paper. Printing is digital. Format 70x108 1/16. Edition of 500 copies

Printed from the finished layout in the printing house of Kazan University publishing House

Address: 1/37, Professor Nuzhina str., Kazan, Republic of Tatarstan, Russia, 420008

Phone: +7 (843) 233-73-59, +7 (843) 233-73-28

Reprinting of materials is allowed only with the written permission of the editorial Board

The editors are not responsible for the content of publications

Available free of charge.

